

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2013

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редактор *В.П. Лашенцова*

Технический редактор

В.Н. Галкина

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 18.06.2013.

Формат 70x108 1/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 9,68.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-13/02-1.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-61, 231-08-71

Факс (843) 231-05-46

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2013

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2013

ИСТОРИЯ

- 5 **Бобров Л.А.** Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты
- 18 **Мухаммадеев А.Р.** К вопросу о семейно-брачных отношениях волжских болгар доисламского периода
- 26 **Мухаммадеева Л.А.** Деятельность купцов Сайдашевых в городской думе
- 33 **Пилипчук Я.В.** Отношения Великого Княжества Литовского с татарскими ханствами (конец XIV в. – середина XV в.)
- 53 **Сабитов Ж.М.** Мангытский юрт: от Мансура до Ваккаса
- 63 **Соегов Мурадгелди.** Военнопленные и спетые ими песни в лагерях Австро-Венгрии в 1916–1917 годах
- 74 **Хасавнех А.А.** Абульманих Каргалый: история изучения жизнедеятельности поэта-суфия

ФИЛОЛОГИЯ

- 84 **Ахметзянов М.И., Акчуринов М.** Документ о пятисотлетней традиции земледельческого хозяйства татар
- 92 **Багаутдинов Ф.Н.** Смело брался за любую новую работу
- 102 **Баязитова Ф.С.** Арабо-персидские заимствования и исламская атрибутика в народных говорах и традициях татар
- 109 **Загидуллина Д.Ф.** Футуризм в татарской поэзии 1920-х гг.: творчество А.Кутуя
- 119 **Ибрагимов М.И.** О репутации модернизма в татарской литературе рубежа 1920–1930-х гг.
- 123 **Хамидуллин Л.** Амирхан Еники

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 145 **Амиров К.Ф., Седов А.Н.** Законность процессуальных решений, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям
- 148 **Гадельшина Л.И.** Законодательство субъектов Российской Федерации в области финансирования отдельных государственных полномочий, делегируемых органам местного самоуправления
- 156 **Купин В.А.** Социальные вопросы в решениях Конституционного суда Республики Адыгея
- 159 **Сабирова Л.Л.** Отдельные аспекты эффективности реализации процедурных и процессуально-правовых норм в сфере частного права

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

164

HISTORY

- 5 **Bobrov L.A.** Uzeni battle (1724): background, course, results
- 18 **Mukhamadeev A.R.** To the issue of family relations of the Volga Bulgars of the pre-Islamic period
- 26 **Mukhamadeeva L.A.** The activity of the merchants Saidashevs in the city дума
- 33 **Pilipchuk Y.V.** Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Tatar khanates (end of the XIV – middle of the XV centuries)
- 53 **Sabitov Zh.M.** Mangytsky yurt: from Mansur to Waqqas
- 63 **Soegov Muradgeldi.** Prisoners of war and songs sung by them in the camps of Austria-Hungary in 1916–1917
- 74 **Khasavnekh A.A.** Abulmanih Kargaly: the history of studying the life of the sufi-poet

PHILOLOGY

- 84 **Akhmetzyanov M.I., Akchurin M.** The document on the five century tradition of farming of the Tatars
- 92 **Bagautdinov F.N.** Took up any job boldly
- 102 **Bayazitova F.S.** The Arab-Persian borrowings and Islamic attributes in national dialects and traditions of Tatar
- 109 **Zagidullina D.F.** Futurism in the Tatar poetry of the 1920s: creative work of A.Kutuy
- 119 **Ibragimov M.I.** On the reputation of modernism in Tatar literature at the turn of 1920-1930ies.
- 123 **Khamidullin L.** Amirkhan Eniki

JURISPRUDENCE

- 145 **Amirov K.F., Sedov A.N.** The legality of procedural decisions connected with refusal in criminal investigation on non-rehabilitation grounds
- 148 **Gadelshina L.I.** The legislation of the subjects of the Russian Federation in the field of financing of certain state powers delegated to local self-government bodies
- 156 **Kupin V.A.** Social issues in the decisions of the Constitutional Court of the Republic of Adygea
- 159 **Sabirova L.L.** Certain aspects of the effectiveness of the implementation of procedural and legal procedural norms in the sphere of private law

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 930.2

УЗЕНИНСКАЯ БИТВА (1724 г.): ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ*

Л.А. Бобров, доктор исторических наук

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., не случайно именуется в научной литературе «эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Ойратские завоевания первой половины XVII в. нарушили традиционный баланс сил в Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии и создали новую военно-политическую реальность в Великой Степи. В первой половине XVII в. латная конница ойратов разгромила ногайцев, сокрушила объединенные монгольские и тибетские армии в Кукуноре и Центральном Тибете. В Средней Азии ойраты потеснили казахов и киргизов и захватили благодатное Семиречье. Вассальную зависимость от ойратов признали жители Южной Сибири: енисейские кыргызы, телеуты и их кыштымы. В конце XVII в. ойратские войска оккупировали населенный мусульманами Восточный Туркестан и нанесли в 1688–1690 гг. ряд поражений ополчениям халхаских Чингизидов.

На отнятых у тюрков, монголов и тибетцев землях появились новые ойратские государства – Калмыцкое ханство в Поволжье, Хошоутское ханство в Кукуноре и Джунгарское хунтайджийство в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Кашгарии и Южной Сибири. Однако если

калмыки и кукунорские хошоуты достаточно быстро вошли в орбиту политического влияния соседних оседло-земледельческих империй, то Джунгария стала самостоятельным политическим субъектом и крупнейшим геополитическим игроком в Центральноазиатском регионе. Созданная на принципах централизации, модернизации и милитаризации «Последняя кочевая империя» оказалась исключительно агрессивной и жизнеспособной (Бобров, Худяков, 2008). «Джунгарские войны» стали главным военно-политическим событием в жизни многих народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XVII–первой половины XVIII в.

Основным объектом джунгарской экспансии на западном направлении являлись Казахские жузы (орды). Один из самых драматических эпизодов джунгаро-казахского противостояния относится к первой половине 20-х гг. XVIII в. В этот период ойратские лавы прорвались к богатым присырдарьинским городам. За короткое время пали Ташкент и столица казахских ханов г. Туркестан. Ойратские знамена с изображениями грозных Махакал поднялись над Ходжентом и Сайрамом (Ерофеева, 2007, с.162). Параллельно с захватом городов «вилаята Туркестан» джунгарские вое-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4281.2012.6.

начальники развернули масштабное наступление в степях Юго-Восточного Казахстана. Джунгарский удар рассек надвое казахские кочевья и привел в движение все три жуза. Сотни тысяч номадов снялись с традиционных мест обитания и в панике бежали от наступающих джунгарских армий. Часть казахов и союзных им киргизов стремительно отступала на юг и запад к Ходженту и Хиве, другая группа казахов, а также племена каракалпаков двинулись на север к границам России. Это время осталось в истории казахского народа как «Время великого бедствия» («Актабаншубрынды»).

«Южной группе» мигрантов не удалось остановить джунгарский натиск. Пытаясь оторваться от висевших за спиной джунгарских армий, казахские и киргизские беженцы перешли Сырдарью, сбили местные узбекские гарнизоны и наводнили оазисы Мавераннахра. Роды Старшего жуза, оставив за спиной Ташкент, прорвались к Ходженту, району Каратегина и Ферганы. Часть казахов Среднего жуза закрепилась в окрестностях древнего Самарканда. Роды Младшего вплотную подошли к Хиве и Бухаре (Ерофеева, 2007, с.164). Приход десятков тысяч кочевников вместе с миллионными стадами скота привел богатый край к масштабной экономической и экологической катастрофе (там же).

«Северная» группа мигрантов, состоявшая из казахов и каракалпаков, в это время упорно продвигалась на север и северо-запад к границам владений степных вассалов Российской империи – яицких казаков, башкир и ближайших родственников джунгар – волжских калмыков.

Фактически джунгары в очередной раз запустили древний механизм «переселения народов», когда, спасаясь от натиска завоевателей, племена-беженцы уходили с привычных мест и занимали земли более слабых сосе-

дей, в свою очередь вынужденных искать себе новую родину. На этот раз роль мигрантов выпала казахам, а объектом вторжения должны были стать подконтрольные калмыкам степи Волго-Яицкого междуречья. По мере того, как новые и новые казахские роды выходили к берегам Яика, становилась очевидной неизбежность прямого казахско-калмыцкого военного столкновения.

Причин для начала масштабной войны с калмыками у казахов было предостаточно. Во-первых, существовала потенциальная угроза военного союза джунгар и калмыков, направленного против казахов и каракалпаков. В этом случае казахи и их союзники оказывались зажаты между джунгарским «молотом» и калмыцкой «наковальней». Военный разгром калмыцкой армии мог стать эффективной превентивной мерой, направленной на предотвращение синхронного нападения западных и восточных ойратов. Вторая причина была более прозаична. В ходе грандиозных перекочевков из Юго-Восточного Казахстана к Яику погибло большое количество скота. Компенсировать потери можно было путем захвата верблюдов, овец, коров и лошадей у калмыков и башкир. Во многом поэтому казахско-калмыцкие и казахско-башкирские войны 20-х гг. XVIII в. в значительной степени превратились в грандиозную «внешнюю барымту», в которой принимали участие не десятки и сотни, а тысячи и десятки тысяч воинов. Наконец, третья задача имела стратегическое значение. В 1723–1724 гг. еще никто не мог знать, как долго продлится оккупация джунгарами земель Южного и Восточного Казахстана. Степи Волго-Яицкого междуречья могли стать второй родиной для прикочевавших на северо-запад казахов и каракалпаков.

Казахское вторжение представляло собой значительную угрозу для кал-

мыков. Раздираемое междоусобицами ханство не было готово к большой войне с казахами. Однако попытка урегулировать проблему мирным путем в ходе переговоров летом 1723 г. закончилась безрезультатно. Абулхаир-хан прямо заявил калмыцким посланцам, что он «идет...воеватца с калмыками и с русскими». Свою решимость казахи подтвердили тем, что убили трех и пленили семерых калмыцких послов (История Казахстана..., 2005, с.308).

Время для начала боевых действий было выбрано казахскими правителями весьма удачно. Калмыцкие тайши Волжского Правобережья вступили в кровопролитную борьбу за ханский престол и не могли оказать масштабной поддержки своим сородичам, кочевавшим у Яика и на «луговом» берегу Волги. Российские регулярные части, расквартированные в Саратове и Астрахани, были малоэффективны в маневренной степной войне, а некоторые гарнизоны пограничных городов (например, Гурьева) и вовсе не имели конницы (Материалы по истории..., 1935, с.179). Российская полевая (колесная) артиллерия в регионе была малочисленна и не приспособлена для транспортировки по степному бездорожью¹. Яицкие казаки сами страдали от казахских набегов (История Казахстана..., 2005, с.295–299), а в Башкирии было неспокойно со времен Алдыровского восстания 1705–1711 гг. Фактически калмыцкий владетель Доржи-Назаров, кочевавший у Яика и на левом берегу Волги, мог рассчитывать только на собственные силы, а также на отряды своего сына Лубжи и некоторых соседних калмыцких феодалов. Ойратские князья Волго-Яицкого междуречья стояли перед непростым выбором – оставить свои кочевья и отойти под защиту русских крепостей, или дать казахам и каракалпакам генеральный бой в степи.

Вплоть до лета 1724 г. калмыки пытались придерживаться оборонительной стратегии, тем более что натиск казахов постоянно усиливался. Летом 1723 г. 15-тысячная армия Абулхаир-хана подошла вплотную к калмыцким владениям, а 5 тысяч казахов и каракалпаков «перелезли реку Яик» и «разорили» улусы Лекбея (История Казахстана..., 2005, с. 309, 310). В январе и апреле 1724 г. каракалпаки дважды атаковали калмыцкие кибитки, укрывшиеся под стенами г. Гурьева. Во время второго набега они даже ворвались внутрь калмыцкого лагеря. И хотя оба раза российская артиллерия заставляла каракалпаков отступать (Материалы по истории..., 1935, с. 178, 179), находиться постоянно под стенами российских крепостей калмыки не могли, скот просто бы погиб от бескормицы. Нужно было либо уходить в сторону Волги, либо дать казахам и каракалпакам решительный бой. И вновь калмыки решили отступить.

Доржи-Назаров, Хошот-Дондок и Лекбей покинули берега Яика и двинулись к Красному Яру. Однако и эта мера не уберегла калмыков от нового казахского вторжения. В конце зимы – начале весны 1724 г. казахско-каракалпакская армия, насчитывавшая 10–13 тысяч всадников во главе с Абулхаиром, обрушилась на улус сына Доржи-Назарова Лубжи, который кочевал на луговой стороне Волги. В результате набега казахи и каракалпаки захватили в плен, по разным данным, от 50 до 400 калмыков. Барымтачи отогнали 500–600 верблюдов, 3 тыс. коров и 8–10 тыс. овец. В ходе стычек калмыкам удалось убить около 40 барымтачей, а 15 человек взяли в плен (История Казахстана..., 2005, с. 311).

Таким образом, сугубо оборонительная стратегия, выбранная калмыками летом 1723 г., продемонстриро-

вала свою полную несостоятельность. Заяицкие степи превратились в плацдарм для казахских и каракалпакских армий. Весенний набег Абулхаира со всей наглядностью показал уязвимость калмыцких кочевий не только на берегах Яика, но и на луговой стороне Волги. Упаднические настроения захлестнули даже ближайших родственников Доржи-Назарова. Его сын – Лубжи стал настойчиво требовать от российских властей перевести его на правый берег Волги и выслать для защиты от казахов 2 тыс. драгун и 6 пушек (там же). Фактически речь шла о том, чтобы полностью очистить Левобережье Волги и передать его под контроль казахов и каракалпаков. Этого Доржи-Назаров допустить не мог. Для влиятельного калмыцкого феодала, которого российское правительство рассматривало в качестве основного кандидата на ханский трон, потеря богатых пастбищ на луговом берегу Волги означала бы крах политических амбиций и экономического благополучия его семьи. Доржи-Назаров принял решение дать казахам генеральное сражение в поле.

Начало боевым действиям было положено летом 1724 г. Для войны с казахами Доржи-Назаров собрал все наличные силы. Отдельные отряды прислали некоторые соседние калмыцкие владельцы. В войска поступило новое «секретное оружие» – пушки. Отказом от борьбы за ханский престол Доржи-Назаров обеспечил себе надежный тыл со стороны соперничающих калмыцких феодалов Правобережья Волги и смог сосредоточиться на военной кампании против казахов и каракалпаков (История Калмыкии..., 2009, с. 386, 387).

Калмыцкая разведка, посланная за Яик, показала, что казахов и каракалпаков «зело много». Опасаясь, что казахи, совершив обходной маневр, могут напасть на практически безза-

щитные (после выступления армии в поход) калмыцкие улусы, Доржи-Назаров отправил женщин и детей к Волге, под защиту охранных отрядов и российских войск. В это же время калмыцкая конница (18 тыс. чел.), разделившись на три колонны, под общим командованием Лубжи вышла в степь, чтобы «неприятеля своего встретить и с ним бой дать». Калмыки отнюдь не были уверены в успехе, так как за год до этого Абулхаир-хан обещал двинуть в поход на Калмыкию 40-тысячную казахско-каракалпакскую армию. В случае поражения Доржи-Назаров предполагал отступить к Саратову, где рассчитывал «получить себе помощь» со стороны российских войск (История Казахстана..., 2005, с. 308, 312).

В начале августа калмыцкий разведывательный отряд военачальника Зубака (100 чел.), переправившись через Яик, неожиданно напал на каракалпаков и, захватив «языков», начал стремительно отступать к основным силам. Каракалпакам удалось настичь калмыков и дать им бой, однако основной части разведывательного отряда удалось ускользнуть из западни. Согласно добытым сведениям объединенная казахско-каракалпакская армия, собиравшаяся переправляться через Яик, насчитывала только около 10 тыс. чел. (Материалы по истории..., 1935, с. 180). Таким образом, собранных калмыцких войск было вполне достаточно, чтобы отразить казахское вторжение. Это, видимо, поняли и казахские полководцы, которые отложили масштабное наступление и сделали ставку на внезапность. В качестве основного объекта атаки был выбран улус командующего калмыцкой армией Лубжи (сына Доржи-Назарова).

21 августа 1724 г. отборный казахско-каракалпакский отряд военачальника Исета (Есета) Кулубая (1667–

1749), «объехав караулы», напал на спящих воинов Лубжи. Удар был настолько неожиданным, что сам Лубжи «с трудом спасся и ушел». Казахи «побрав немалое число людей и скота, пошли назад». Однако Лубжи, вместе с давним противником казахов – хошоутским владельцем Лекбеом, удалось собрать своих воинов и настичь отряд барымтачей в урочище Узени (Материалы по истории..., 1935, с. 183).

Источниковая база о сражении в урочище Узени отличается значительным разнообразием. Письменные источники представлены сообщениями калмыцких воинов и военачальников, принимавших участие в сражении, показаниями пленных казахов и каракалпаков. Кроме того, сведения о сражении были систематизированы астраханским губернатором А.П. Вольнским, в специальном «доношении» 28 августа 1724 г., и В.М. Бакуниным в 1761 г. Информацию об особенностях вооружения и тактики калмыков, казахов и каракалпаков дает комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников. Несмотря на наличие широкой источниковой базы, Узенинское сражение ни разу не становилось объектом специального военно-исторического исследования.

Прежде чем приступить к реконструкции хода сражения, необходимо коротко остановиться на силах противоборствующих сторон.

Согласно показаниям пленных казахов и каракалпакских воинов, отряд Исета Кулубая был набран из числа подданных хана Среднего жуза Семеке и правителя Младшего жуза Абулхайра. Всего отряд насчитывал около 750 воинов². В том числе: казахов (около 200 чел.), каракалпаков (около 500 чел.) и несколько десятков башкир (История Казахстана..., 2005, с. 314–317).

Для участия в заграничном набеге («внешней барымте») традиционно отбирались лучшие молодые воины³. К барымтачам охотно присоединялись представители знати со своими дружинниками-теленгитами, профессиональные воины-батыры и старшины. Несмотря на численное преобладание в отряде Кулубая каракалпакских воинов, командование было возложено на казахов военачальников. В рассматриваемый период каракалпаки занимали подчиненное положение по отношению к казахским правителям, которые охотно привлекали каракалпакских воинов к своим военным предприятиям. На момент сражения командиру казахско-каракалпакского отряда И. Кулубая было уже 57 лет. Он являлся старшиной рода тама поколения жетыру и входил в число ближайших сподвижников хана Абулхайра (История Казахстана..., 2005, с. 392). Это был опытный военачальник, неоднократно водивший казахские войска в военные походы. Судя по ходу военной кампании, он собирался повторить успешные военные набеги казахов 1723 – весны 1724 гг., разгромить улус Лубжи Назарова и отступить в степь. Ставка была сделана на внезапность нападения.

Основную атакующую роль в ходе сражения казахские полководцы XVIII в. отводили массам конницы, вооруженной саадаками, длиннодревковым, ударным, ударно-рубящим и клинковым оружием. Наиболее популярным оружием ближнего боя среди рядовых воинов были длинные кавалерийские пики. При их изготовлении использовалось небольшое количество железа, которое в ряде районов казахской степи являлось дефицитным товаром. Самые бедные ополченцы вооружались пиками без железного наконечника. Древяк таких деревянных пик заострялось на конце и обжигалось на огне. В рукопашном бою

казахи активно использовали дубины и булавы. Весьма популярны были боевые топоры на длинных рукоятях. Широкое использование казахами боевых топоров существенно отличало их комплекс вооружения от комплексов вооружения их западных (туркмены) и восточных (монголы) кочевых соседей. В рукопашной схватке применялись длинные кинжалы и ножи. Длинноклинковое оружие (сабли, палаши) использовали преимущественно состоятельные воины. Значительная (если не большая) часть сабель поступала в казахские степи из городов Мавераннахра (Бобров, 2012б).

Вопреки расхожему мнению, казахи в рассматриваемый период активно применяли огнестрельное оружие. Русские посланцы называют казахские ружья «фузеями» на европейский манер. Однако в реальности большая часть ружей номадов Дашт-и Кипчак была представлена изделиями среднеазиатских мастеров (Бобров, 2012а). Абсолютно преобладающей разновидностью огнестрельного оружия были ружья с фитильным замком «азиатского типа» (S-образный курок упрятан в толщу ложа). Такие ружья можно было применять преимущественно в сухую погоду и в спешном положении. «Ружейные сумки» («киса») и мешочки для пуль («окшынтай») казахские воины обычно носили на поясе. Чтобы повысить темп стрельбы, отмеренные порции пороха сыпались в специальные костяные, роговые, деревянные или металлические мерки, которые «гроздьями» крепились к специальной веревке или кожаному ремешку (там же). Такие «азиатские бандельеры» («биратар») казахские воины нередко подвешивали на шею таким образом, чтобы мерки располагались на животе и груди.

Перед атакой казахские лавы разворачивались в степи, формируя отря-

ды по родовому признаку. Каждый отряд атаковал противника, выкрикивая родовой боевой клич-«уран». Во главе каждого рода в бой устремлялись лучшие бойцы- «батыры» и просто зажиточные ополченцы, облаченные в кольчатые, кольчато-пластинчатые или стеганные панцири. Головы некоторых из них защищали железные шлемы с бармицами и мисюрки. На более богатые воины могли покрывать кольчатой броней и своих боевых коней. Батыры были вооружены саадаками, пиками, топорами, булавами, саблями. Фитильные ружья в момент конной атаки забрасывались за спину. Шлемы и пики батыров и старшин снабжались специальными матерчатыми значками, шелковыми или волосяными кистями, на которые ополченцы ориентировались во время сражения. Боевые наголовья батыров-командиров отрядов украшали перья филина, а на их копьях вились цветные флажки (Бобров, 2012в; Бобров, Белоусова, 2012). Основная масса ополченцев не имела доспехов. Их главным оружием были саадаки, пики, топоры и палицы.

Незадолго до рукопашной схватки на противника обрушивался ливень стрел, после чего казахские воины врвались в его ряды. Первый удар наносили длинными копьями и пиками, стараясь выбить противника из седла. Затем в дело шли тяжелые палицы, дубины и топоры на длинных рукоятях, которые казахские всадники обрушивали на головы и плечи вражеских воинов, шеи и крупы их боевых коней. Конные казахские секироносцы и воины, вооруженные ударным оружием, были опасным противником как для дружинников и ополченцев правителей Мавераннахра, так и для гордых центральноазиатских нукеров. Мощный удар булав и палиц сминал железные шлемы, дробил кости и черепа. Удачный удар

боевым топором корежил и прорубал кольчато-пластинчатые «бехтерцы» бухарских панцирников и пластинчатые «хуяги» монгольских латников.

Несущаяся по степи под рев родовых уранов волна всадников, над которой реял лес косматых бунчуков и родовых знамен, производила на современников неизгладимое впечатление. Если в этот момент противник начинал паниковать, атака казахов нередко оказывалась успешной. Однако, если первый натиск казахов удавалось сдержать, то последние предпочитали отойти (Бобров, 2009а, с. 83, 84, 87). Нехватка защитного вооружения делала казахские и каракалпакские отряды уязвимыми в продолжительном столкновении с панцирной конницей противника, поэтому казахи, отражая конную атаку, нередко спешили и «садились в осаду», укрывшись за спинами стреноженных коней и верблюдов (Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 146, 146; Бобров, 2012а). Взять такой «живой вагенбург», обороняемый пешими стрелками, штурмом было крайне сложно. Недаром Доржи-Назаров, хорошо изучивший воинские приемы своих соседей, писал губернатору А.П. Вольнскому: «...сии каракалпаки и киргиз-касаки на лошадях биться плохи, а пеши-крепки» (История Казахстана..., 2005, с. 312). Отразив ружейным огнем атаку врага, барымтачи могли продолжить движение в родные улусы, заключить мир, либо прорваться из окружения, в конном строю бросив трофеи (Бобров, 2012а).

Противостоявшая казахам калмыцкая армия состояла преимущественно из дружин и ополчений феодалов Волго-Яицкого междуречья. Точная численность калмыцких войск, участвовавших в сражении, неизвестна. Летом 1724 г. Доржи-Назаров вместе с союзными владельцами смог выставить 18-тысячную армию. Однако ма-

ловероятно, что все три летних месяца эти войска находились в порубежных степях. Часть отрядов покинула театр боевых действий к августу 1724 г. Другие были рассредоточены по военным лагерям и улусам, в непосредственной близости от границы. Судя по ходу сражения, численность воинов в улусе Лубжи была сопоставима с отрядом воинов Кулубая. Объединенный корпус Лубжи и Лекбея, отправившийся в погоню за барымтачами, уже превышал по численности казахско-каракалпакский отряд и насчитывал, вероятно, более тысячи воинов. Силы калмыков еще более возросли после того, как на помощь сыну подошел отряд Доржи-Назарова. На заключительном этапе сражения численное превосходство калмыков над казахско-каракалпакским отрядом было весьма значительным.

Во главе калмыцких отрядов стояли видные ойратские правители и военачальники: крупнейший калмыцкий феодал волжского Левобережья Доржи-Назаров, его сын Лубжи и хошоутский «владелец» Лекбей. Их улусы прикрывали основные калмыцкие кочевья с востока и регулярно подвергались казахским набегам. Поэтому калмыцкие полководцы хорошо знали тактические приемы и военные хитрости своего противника.

В XVII в. волжские калмыки являлись носителями «центральноазиатской» военно-культурной традиции в степях Восточной Европы. Их оружейный комплекс и тактические приемы имели принципиальные отличия от вооружения и тактики местных тюркоязычных кочевников. Если крымские и ногайские военачальники делали ставку на быстрые рейды легковооруженной конницы и дистанционный бой с использованием саадаков, то ключевым приемом ойратских полководцев были массивная конная атака и рукопашная схватка.

Главной ударной силой калмыков в этот период была массовая панцирная («куяшная») конница, действовавшая в плотном шереножном строю, который современники-европейцы сравнивали со строем «крылатых» польских гусар. После обстрела противника из луков «куяшники» устремились в копейную атаку, прорывали вражеские построения и довершали разгром саблями и палашами (Бобров, Худяков, 2008, с. 567–570; Бобров, 2009б, с. 83–94). Для повышения ударной силы атакующих отрядов монгольские и ойратские полководцы стали массово снабжать копьями и пиками не только панцирников (как это было в период раннего и развитого средневековья), но и легковооруженных воинов. В результате на полях сражений появилась новая разновидность кавалерии – легковооруженная копейная конница⁴.

Когда ойратская армия, организованная и оснащенная по центральноазиатскому образцу, вторглась в ногайские земли, оказалось, что, как и во времена гуннов, древних тюрков и монголов, местным кочевникам нечего противопоставить захватчикам с востока. Ойраты не уступали ногайцам ни в мощи боевых луков, ни в скорости коней, зато превосходили их в сфере защитного вооружения и тактике ведения ближнего боя. Ойратская «копийная и куюшная» атака стала полной неожиданностью для ногайских полководцев. Русские служилые люди сообщали в Москву о невозможности легкой ногайской конницы противостоять «куяшным» клиньям ойратов: «...а им де, государь, ногайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо, и противих не стаивали они нигде и биться с ними не умеют».

Переселение части ойратов на берега Волги не могло не сказаться на трансформации их военного искусства применительно к новым эконо-

мическим и политическим реалиям. Ввиду дефицита железа число конных латников в калмыцких войсках постепенно снижалось. В XVIII в. резко возросло значение импорта защитного вооружения и сабель с территории Северного Кавказа и Ирана. Во второй половине того же столетия калмыцкая «одоспешенная» знать по своему внешнему виду уже практически не отличалась от представителей «мусульманской» аристократии региона. Импортные доспехи стоили дорого, поэтому рядовые калмыцкие воины в XVIII в. все чаще выходили на бой в «мягких» панцирях, а то и вовсе без защитного вооружения. В момент Узенинской битвы летом 1724 г. в калмыцких войсках применялись как пластинчато-нашивные «куяки», клепаные шлемы, пики и палаши центральноазиатского образца, так и кольчатые панцири, мисюрки и сабли восточноевропейского, иранского, северо-кавказского и среднеазиатского производства. В конце XVII в. калмыки, одними из первых среди кочевых народов Евразии, наладили массовое производство ружей в степных условиях (Бобров, 2009б, с. 94). В начале 20-х гг. XVIII в. они начали изготавливать и легкие малокалиберные пушки, которые перевозили на верблюдах (Бобров, 2009, с. 98). Опробовать новый вид оружия калмыки смогли именно в Узенинской битве⁵.

Комплексный анализ источников позволяет реконструировать ход Узенинского сражения следующим образом. Неожиданное нападение на улус Лубжи 21 августа 1724 г. позволило барымтачам захватить пленных и большое количество скота. Желание пригнать в родные кочевья как можно больше живых трофеев существенно тормозило движение отряда Исета Кулубая. Калмыки же, напротив, действовали очень быстро и решительно. Большую роль сыграл тот факт, что

калмыцкие отряды находились недалеко друг от друга и смогли оперативно прийти на помощь Лубжи.

Первым на подмогу молодому тайше, во главе отряда хошоутов, ринулся Лекбей, горевший желанием отомстить казахам за разорение своего улуса летом прошлого 1723 г. Загоняя коней, гонцы Лубжи прибыли и в ставку Доржи-Назарова. Тот немедленно выступил на подмогу своему сыну во главе большого конного корпуса и каравана верблюдов, груженных легкими пушками. Старый калмыцкий правитель не мог точно знать, какими силами располагает противник, напавший на калмыцкие улусы, поэтому специальный гонец был срочно направлен в Астрахань к российскому губернатору А.П. Волынскому. В письме, привезенном посланцем Замянгом уже 22 августа 1724 г. (!), Доржи-Назаров настойчиво просил губернатора: «...чтобы для штурмования оных каракалпаков прислать к нему, Дорже, из Саратова пушек и войск» (История Казахстана..., 2005, с. 98). Таким образом, против небольшого отряда И. Колубая были брошены конные торгоутские и хошоутские сотни Лубжи и Лекбея. За их спиной разворачивался корпус Доржи-Назарова, а в случае необходимости поддержку калмыкам должны были оказать регулярные войска Российской империи⁶. Этим сил было более чем достаточно, чтобы разгромить хотя и хорошо вооруженный, но немногочисленный казахско-каракалпакско-башкирский отряд. 21 или 22 августа конница Лубжи и Лекбея настигла барымтачей...

К сожалению, установить точное место битвы в настоящее время пока не представляется возможным. Ввиду того, что начальный и заключительный этапы сражения представляли собой динамичные конные схватки, речь может идти не о конкретном поле, а о

районе сражения, в центре которого находилось урочище Узени. Битву открыла схватка кавалерийских отрядов. Движение казахов и каракалпаков замедляли пленные и захваченный скот. Оторваться от преследователей можно было, лишь бросив захваченную «великую добычу» (Бакунин, 1997, с. 42). Однако это означало провал предпринятого набега, поэтому казахские военачальники продолжали удерживать пленных и упорно продвигались к Яику, отбиваясь от нападающих калмыков. Низкая скорость движения барымтачей позволила ойратской коннице нагнать Исета Кулубая, блокировать его отряд и навязать тюркам бой. В конечном счете, перевес в конной рубке оказался на стороне калмыков, которые были лучше оснащены защитным вооружением. Казахи, по всей видимости, были вынуждены применить свой традиционный прием «сесть в осаду». Для этого было необходимо стреножить лошадей и верблюдов, положить их на землю, образовав огромный круг, в центр которого сгонялись пленные и захваченный скот. За спинами лошадей и верблюдов укрывались ружейные стрелки и лучники. Любой, кто попытался бы атаковать казахов, должен был вначале преодолеть открытое, простреливаемое пулями и стрелами пространство шириной около 100 м, затем перелезть «вал» в виде сотен убитых и живых лошадей и верблюдов и только после этого сойтись в рукопашной с хорошо вооруженными барымтачами (Бобров, 2012а). Попытаться взять штурмом свернувшийся «в клубок» отряд барымтачей значило пойти на большие жертвы. Это прекрасно понимали как калмыцкие, так и казахские военачальники. «Живая крепость» не раз спасала казахские войска от поражения, но в этот раз оборонительная тактика сыграла роковую роль для казахской армии.

Казахские полководцы недооценили готовность калмыков дать решительное сражение, а главное, Исет Кулубай и его соратники, конечно же, не могли предугадать появление у калмыков «чудо-оружия», способного на расстоянии разрушить «живую крепость». 22 или 23 августа к калмыцким войскам, осаждавшим барымтачей, подошли главные силы ойратов вместе с самим Доржи-Назаровым. После этого численное превосходство калмыков стало подавляющим. Однако решающее значение имел тот факт, что вместе с отрядом Назарова прибыли груженные пушками верблюды.

Появление на поле боя артиллерии резко изменило рисунок всего сражения. Теперь калмыки могли планомерно с дальнего расстояния расстреливать («штурмовать из пушек») казахские позиции, не опасаясь стрел и ружейных пуль барымтачей. Кроме того, по данным В.М. Бакунина, ойраты не только обстреливали казахов из орудий, но и штурмовали («доставали приступом») позиции казахов (Бакунин, 1997, с. 43). «Живая крепость» из надежного укрепления превратилась в ловушку для отряда Исета Кулубая.

Шансов уцелеть под пушечным огнем у барымтачей не было и казахские военачальники приняли единственно возможное решение, бросив трофеи, раненых лошадей и верблюдов, они повели конные казахские и каракалпакские сотни на прорыв («побежали на побег»). Если бы союзники попытались пробиться из окружения в самом начале битвы, до подхода Доржи-Назарова, они, возможно, и сумели бы вырваться из западни, однако теперь калмыки надежно блокировали пути отступления из урочища. Началась резня. Вырваться из кольца удалось немногим. В погоню за беглецами устремилась калмыцкая конница. Практически весь отряд союзников был

уничтожен. По сообщениям современников, в ходе сражения и преследования были убиты около 750 казахских, каракалпакских и башкирских воинов. Несколько человек попало в плен. По калмыцким данным, спастись удалось только троим барымтачам. Среди них был и командир отряда – Исет Кулубай (История Казахстана..., 2005, с. 392).

Цельную картину сражения, составленную на основании свидетельств современников сражения, дал в 1761 г. известный российский исследователь В.М. Бакунин: «...киргиз-касака на Лубжин улус напададо 757 человек, которых Лубжа с войсками своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками своими приспел, и, соединясь, их, киргисцов, доставали приступом и из пушек своих по ним стреляли, и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека; и при том прислан к Волынскому в подарок один взятый киргиз-касака...» (Бакунин, 1995, с. 43).

Судя по сведениям письменных источников, главная причина поражения казахов и каракалпаков крылась в том, что союзники не смогли верно оценить военные возможности калмыков. Вместо того, чтобы бросить трофеи и уходить от преследователей, казахские военачальники приняли решение дать оборонительный бой превосходящим силам противника и тем самым обрекли отряд на почти полное уничтожение. Калмыки, напротив, проявили себя с лучшей стороны, быстро сконцентрировав отряды на направлении главного удара. «Пропав» атаку казахов на свой улус, Лубжи Назаров сумел тем не менее быстро собрать свои силы в единый кулак, настигнуть и заблокировать барымтачей. Важную роль в победе калмыков сыграли пушки, доставленные к месту битвы Доржи-Назаровым.

После подсчета убитых и пленных барымтачей калмыцкий лагерь захлестнула волна эйфории. Сражение в урочище Узени было первой большой победой калмыков над казахами и каракалпаками с начала 20-х гг. XVIII в. Особый вес военному триумфу ойратов придавал тот факт, что она была достигнута без помощи регулярных российских войск и русской артиллерии. Упоенный победой, которой, по выражению А.П. Волынского, «у калмык над каракалпаками никогда не бывало», ойратский военачальник, наряду с пленными, прислал «в презент» астраханскому губернатору кровавый «подарок» – 415 правых ушей, отрезанных у убитых казахских и каракалпакских воинов (История Казахстана..., 2005, с. 346, 347; Материалы по истории..., 1935, с. 179–183).

Данный способ подсчета потерь противника практиковался кочевниками Центральной Азии в эпоху Великих Монгольских завоеваний. Для калмыков в целом он был не характерен. Обрезание ушей у поверженных врагов в Узенинской битве было, вероятно, вызвано ощущением военного триумфа, достигнутого малой кровью, а также желанием калмыцких военачальников продемонстрировать мощь ойратского оружия своим российским союзникам и сюзеренам.

Обращает на себя внимание разница между декларируемым числом убитых казахских воинов (около 750 чел.) и количеством отрезанных ушей (415). Возможно, общее число убитых казахов и каракалпаков преувеличено калмыками. Однако не менее вероятно, что калмыки отрезали уши только у тех вражеских воинов, которые

погибли во время сражения в «живой крепости» и непосредственно вокруг нее. Трупы казахов и каракалпаков, погибших в ходе кавалерийской схватки и во время преследования, вдали от «вагенбурга», не были изуродованы победителями.

Сражение в урочище Узени имело важные военные и политические последствия. Новая калмыцкая тактика борьбы с казахами, основанная на сочетании действий конницы с мобильной «верблюжьей артиллерией», продемонстрировала свою эффективность и впоследствии активно применялась калмыками во второй половине 20–40-х гг. XVIII в. Узенинский разгром сократил военный потенциал казахской армии и наглядно показал, что захват калмыцких земель, даже в условиях отсутствия единства среди калмыцкой знати, является весьма легким делом. Вероятно, это повлияло на решение Абулхаира перенести острие грядущей военной кампании 1725 г. с «калмыцкого» на «джунгарский» театр боевых действий. Сложно согласиться с теми современными исследователями, которые считают, что боевые действия 1723–1724 гг. в Волго-Яицком междуречье предотвратили угрозу джунгаро-калмыцкого союза и сняли опасность калмыцкого вторжения в казахские владения. Напротив, после летней кампании 1724 г. казахи были вынуждены временно перейти к обороне, а калмыцкая стратегия в 1725–1726 гг. была синхронизирована с действиями джунгарских армий и носила, преимущественно, наступательный характер (История Казахстана..., 2005, с. 348, 349). Однако решающие битвы Казахско-калмыцкой войны были еще впереди...

Список литературы и источников

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. – 153 с.

2. *Бобров Л.А.* «И напали на них с копы жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum*. 2009а. № 31. С. 67–104.

3. *Бобров Л.А.* Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*. – Элиста: Изд. дом «Герел», 2009б. Т. 3. С. 83–103.

4. *Бобров Л.А.* Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Ч.I. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012а. С. 105–135.

5. *Бобров Л.А.* Источники поступления сабель в казахские войска XVIII – середины XIX вв. // *Военное дело Улуса Джучи и его наследников*. – Астана: «Абди-компани», 2012б. – С. 210–230.

6. *Бобров Л.А.* Казахские копейные значки эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012в. – С. 103–107.

7. *Бобров Л.А., Белоусова Н.Е.* Воинские плюмажи казахов XVII – середины XIX в. // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. – С. 107–113.

8. *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее средневековье и Новое время: учеб. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 288 с.

9. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

10. *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 456 с.

11. *История Казахстана* в русских источниках XVI–XX вв. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. – 445 с.

12. *История Калмыкии* с древнейших времен до наших дней. – Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. – Т.1. – 840 с.

13. *Материалы по истории каракалпаков* (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке). – М.; Л., 1935. – Т. 7. – 289 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В самый разгар военной кампании 1724 г. при губернаторе Волынском в Саратове находилось только 2 роты драгун и 200 казаков, «...а пушек полковых и одной не было» (Бакунин, 1997, с. 43).

² По данным губернатора А.П. Волынского – 757 человек (Материалы по истории..., 1935, с. 183). Эту же цифру называет и В.М. Бакунин (Бакунин, 1995, с. 43).

³ По замечанию англичанина Джона Кэстля (художника «Оренбургской экспедиции» И.К. Кирилова), посетившего кочевья Младшего жуза хана Абулхаира в 1735–1737 гг., то есть через 11 лет после Узенинской битвы: «Оборона или нападение у казахов не являлись всенародным делом. В походах участвуют мужчины и, в первую очередь, молодежь... На войне молодежью обычно командуют старшины, выполняя приказы хана».

⁴ Впоследствии данную практику переняли многие ближние и дальние соседи монголов и ойратов – казахи, киргизы, каракалпаки, жители Восточного Туркестана, уральские и донские казаки и др.

⁵ Согласно В.М. Бакунину: «...пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах» (Бакунин, 1997, с. 43).

⁶ Несмотря на нехватку воинских сил, губернатор Волынский, в ответ на просьбу Доржи-Назарова прислать «пушек и несколько войск российских», «поиграл мускулами», переправив на луговой берег Волги драгунские подразделения. Российские драгуны не приняли участие в Узенинской битве, но, благодаря предпринятой военной

демонстрации, прозорливый губернатор «через то не токмо здешний интерес соблюл, но и от Доржи-Назарова после получил благодарение» (Бакунин, 1997, с. 43).

Аннотация

В статье проанализировано сражение калмыцких войск с казахско-каракалпакским отрядом И. Кулубая в урочище Узени, которое стало основным событием военной кампании 1724 г. На основании комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников выявлены численность, состав и вооружение противоборствующих сторон, реконструированы основные этапы битвы. Установлено, что Узенинское сражение стало первым боевым столкновением, в котором калмыки применили артиллерию собственного производства. Автор приходит к выводу, что данная битва оказала существенное влияние на дальнейший ход Казахско-калмыцкой войны 20-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: Волжско-Уральское междуречье, казахи, калмыки, сражение, военное искусство кочевников, вооружение кочевников.

Summary

The battle of Kalmyk troops against I. Kolybay's Kazakh-Karakalpak squad in Uzeni stow is analyzed in the article. The battle has appeared to be the main event of 1724 military company. The main stages of the battle are reconstructed in the article based on the comprehensive analysis of material, visual and written sources, as well as number, composition (staff, personnel), equipment and armament of the opposing parties. The author outlines that Uzeni battle became the first battle in which Kalmyks had used self-made artillery. The author makes a conclusion that this battle made a profound impact on the future course of the war between Kalmyks and Kazakhs in the 20-s of the XVIII century.

Keywords: Volga-Ural interfluve, Kazakhs, Kalmyks, battle, military art of nomads, nomadic armament.

УДК 392.5

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

А.Р. Мухамадеев, кандидат исторических наук

Древнетюркской семье, ведущей пастушеское, кочевое хозяйство, были характерны патриархальные отношения¹. О патриархальном характере тюркской семьи, основанной на главенстве и авторитете отца, говорил и С.Максуди. При этом С.Максуди доказывает это не только на основе исторических источников, но и разбора терминов родства тюрков. Перечислив и проанализировав основные термины родства, он подчеркивает, что в самом архаичном из тюркских диалектов – чувашском насчитывается более 60 слов для выражения различных степеней родственных отношений, которые указывают на патриархальность тюркской семьи. Исследователь был вынужден отстаивать эту точку зрения потому, что в то время, по его словам, «...значительное число европейских и русских ученых пытаются обнаружить признаки матриархата в истории тюрков. Это может происходить только по той причине, что ученые представляют тюрков как некие первобытные племена, примитивную расу»².

О патриархальных отношениях в болгарском обществе VIII–X вв. писали Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин. Они отмечали, что сохранению этих родовых пережитков способствовала значительная роль скотоводческого хозяйства, которое обычно соединяется с устойчивым патриархально-родовым бытом³. В целом скотоводческое хозяйство, ведомое отдельной

семьей, предполагает патриархальные отношения. Волжские болгары продолжили традиции и нормы семейных отношений, построенных их древнетюркскими предшественниками. Булгары языческого периода, осуществляя постепенный переход к оседлости и земледелию, в этом отношении не представляли исключения.

Все же в татарских легендах, сохранившихся с болгарского периода, можно встретить намеки на пережитки матриархата. В легенде об Алып и возникновении города Булгара местность, где поселился Алып, была болотистая и покрыта дремучими лесами. После долгого скитания по лесам Алып вышел к берегу некоей реки, где жили люди, знавшие его язык, но совершенно другого рода. Невозможность найти обратную дорогу заставила Алып поселиться рядом с этими людьми. Наконец, Алып совершенно свыкся с этими людьми, позже выбрал невесту среди них и женился на ней. Таким образом, говорится в легенде, Алып окончательно обосновался здесь и стал считаться местным жителем⁴. Получается, что Алып становился полноправным членом общины, общества только при условии, если женится на девушке из этой общины. Последнее обстоятельство отчетливо говорит о некогда существовавшей матрилокальности брака у предков волжских болгар.

В этнографической литературе, посвященной свадебным обрядам

тюркских народов, имеются многочисленные указания на то, что после свадьбы новобрачная не переселялась в дом мужа, а продолжала жить у своих родителей. Обычай требовал, чтобы муж переселялся в дом жены на определенное время и строил для нее временное свадебное жилище, в большинстве случаев шалаш. В среде некоторых тюркских народов этот обычай имел иные формы: например, муж после брачных церемоний систематически навещал жену, которая продолжала жить в родительском доме. В этих фактах этнографы усматривают отражение древнего вида брака, возникшего еще при господстве матриархальных отношений⁵. У ряда народов, у которых матриликальный брак превратился в патрилокальный, древние формы свадебных обрядов постепенно исчезают или же сохраняются как пережитки, часто теряя первоначальный смысл и приобретая новое содержание.

Одним из пережитков матриликального брака у тюрков считалось строительство для новобрачных свадебного жилища. При матриликальном браке значительная часть свадебных обрядов совершалась в доме невесты, там же начиналась супружеская жизнь новобрачных. Однако с течением времени матриликальные отношения стали вытесняться патрилокальными, в связи с чем изменился и практически весь брачный церемониал. При патрилокальном браке большая часть свадебных обрядов посвящается таким важным моментам, как увоз невесты в дом мужа, появление ее в новой семье, первая брачная ночь, открытие лица молодой и приобщение ее к домашнему хозяйству. В связи с этим потерял свой первоначальный смысл и обряд сооружения свадебного жилища, постепенно превратился в свадебный стол для угощения людей, приехавших с

женихом, а затем становился местом свадебных веселий⁶.

П.В. Денисов, считавший единственными предками волжских болгар чувашей, сделал попытку выявления неких материальных и духовных этнокультурных параллелей чувашей и современных дунайских болгар. Описывая брачные традиции чувашей, он приводит в пример обычай, когда в доме невесты режут барана для угощения людей жениха и угощение проводится в *шилехе* (временное свадебное сооружение во дворе дома невесты). У марийцев существовали аналогичные обряды (по-марийски *шиллек*), когда во дворе дома невесты людьми со стороны жениха устраивались праздничные столы. Пока они распоряжались всем, отец невесты изолируется, что объясняется тем, что «действие происходит» при матриликальном браке, когда отец невесты не играет никакой роли. По мнению П.В. Денисова, идентичность названия значительной части содержания этого свадебного обряда у чувашей и мари, по-видимому, объясняется тем, что он унаследован ими от волжских болгар. От волжских болгар, продолжает он, этот обряд восприняли и казанские татары, но под влиянием ислама был перенесен из их свадебной обрядности в обряды *сабантуя*, связанного с весенне-полевыми работами⁷.

Действительно, у некоторых групп татар Поволжья этот обряд имел место быть. Более устойчиво он сохранился у кряшен под названием *шильык*, у татар-мусульман восточных районов Татарстана он известен как *шолок*, а у татар Закамья он не бытовал⁸.

Однако наличие в памятниках устного народного творчества сюжетов и моментов, связанных с пережитками матриархата и матриликальности брака, не может свидетельствовать об их существовании в Волжской Болга-

рии. Тем более что приведенные нами примеры из народного фольклора, по мнению ученых, уже бытовали в исследуемый нами период. Болгарское общество задолго до этого времени было патриархальным. По утверждению этнографов, традиционным для татарской семьи было патрилокальное поселение. Примачество, не характерное для татар, являлось отступлением от нормы, считалось позорным явлением. Сохранилась народная поговорка: «Йортка кергәнче – утка кер», т.е. «Лучше войди в огонь, чем зятем в дом»⁹.

В эпических сказаниях и легендах пережитки матриархата у волжских болгар проявляются в брачных поединках героев с невестами, в образах богатырских дев. В огузской версии Алпамыша состязание жениха с невестой и братом невесты – два параллельных варианта брачных состязаний. Калым, назначенный братом, дублирует брачное состязание, будучи своеобразной разновидностью тех «трудных задач», которые жених выполняет в некоторых случаях, нередко с помощью свата. Менее существенно кажущееся противоречие между обручением жениха и невесты с колыбели и брачными состязаниями между ними: в богатырской сказке провиденциальная связь между богатырем и его «суженой» не только не исключает последующего испытания жениха, но, скорее, предполагает его. В кипчакской (башкирской) Алпамыш схватывается в брачном поединке с Барсын-хылу, побеждает ее и делает женой. В одном из рукописных вариантов татарской версии Алпамыша описывается наиболее древняя, отраженная в эпических произведениях форма брака. Прежде чем согласиться на брак, Сандугач ставит условие: она выйдет замуж только за того, кто победит ее в состязании¹⁰.

В чувашских легендах об Улыпте также прослеживаются пережитки

матриархата и господство патриархата, древний охотничий и кочевнический быт предков чувашей, переход их к оседлости, подсечному, затем пашенному земледелию, строй военной демократии, возникновение классового неравенства, государства¹¹. В начале легенды Улып был прикован к скале навечно за невыполнение заветов отца – Аслади. Сыновья, в свою очередь, обещали Улып исполнить его заветы и держать путь на север. Последнее обстоятельство говорит о развитии патриархальных отношений и возрастающей роли отца в обществе.

О несомненном существовании власти отца и мужа в болгарском обществе и семье Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин справедливо видят в текстах Ибн Русте и Ибн Фадлана¹². Ибн Русте говорит о бургасах, что жених, выбранный девушкой, приходит к ее отцу, «сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество»¹³. Ибн Фадлан сообщает, что через два года после похорон болгарина «родственники умершего созовут званый пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж»¹⁴. Установление двухгодичного траурного срока для женщин говорит не только о власти мужа в семье, но и авторитете мужчин как глав семей в болгарском обществе.

Указанные обстоятельства находят свое подтверждение и в древних памятниках устного народного творчества. В татарской версии Алпамыш, находясь в заточении в зиндане, просит своего друга через решетку передать жене Сандугач, чтобы ждала его пять лет. Если он (Алпамыш) не возвратится через пять лет, Сандугач становится свободной женщиной и будет вольна распоряжаться своей дальнейшей судьбой¹⁵. В других типологически архаичных вариантах татарской версии Алпамыш, оставляя жену, также

назначает определенный срок, в течение которого жена должна ждать мужа¹⁶. Во всех случаях Алпамыш как законный муж фактически сам устанавливает срок, согласно которому брачные узы могут быть расторгнуты супругой в одностороннем порядке. В эпосе об Алпамыше отражается и авторитет отца, его главенство в семье. Жена героя Сандугач в течение всего срока отсутствия сохраняет верность своему мужу. Тем не менее она находится во власти отца, который собирается выдать ее вновь замуж¹⁷.

Нормы, регламентирующие порядок вступления в брак в болгарском обществе, были весьма сходны с нормами многих тюркских народов, не только современных им, но бытовавших в разные периоды. Семья создавалась в результате церемонии бракосочетания (свадьбы, женитьбы). Сообщение Ибн Фадлана не оставляет сомнений в том, что болгары устраивали полноценные свадьбы. При этом правитель болгар получал от этих свадеб положенные ему подношения, исходя из размеров пиршества¹⁸. Несмотря на то, что мед (медовый напиток) или скот, получаемые правителем при болгарских свадьбах, тракуются как налоги, одновременно они похожи на подношения, «подарки» с целью разрешения и благословения бракосочетания со стороны власти. Вместе с тем свадьба, в отличие от бракосочетания мусульманского образца, не имела религиозный оттенок, а была специальным торжественным актом соединения двух людей в целях создания новой семьи.

Инициатива сватовства у древних тюрков принадлежала мужчинам¹⁹. Впрочем, способы приобретения невест у тюрков, в том числе и болгар, не исчерпывались только сватовством. Н.В.Никольский выявил следующие исторически сложившиеся формы заключения брака у чувашей XIX – на-

чала XX в.: «1) по предварительному согласию и договору с невестой и ее родителями, 2) женитьбы через похищение невесты. Сватун договаривается относительно калыма»²⁰.

Г. Ахмеров, изучавший историю семейно-брачных взаимоотношений и свадебных обрядов казанских татар, указывал на три способа приобретения невесты: 1) похищение путем насильственным, т.е. против воли как самой девушки, так и ее родных; 2) добровольный уход девушки из родительского дома к жениху – по обоюдному с ним соглашению, но без ведома и согласия родителей; 3) в порядке обыкновенного сватовства, по воле и предварительному соглашению родителей сторон. При этом исследователь отмечал, что как способы приобретения невесты, так и свадебные обычаи татар представляют резкие отличия от обычаев и обрядов прочих их соплеменников и имеют большое сходство с обрядами прочих инородцев (чувашей, черемис, мордвы и вотяков), что указывает на их близкое соседство с древнейшими времен и взаимное влияние²¹.

Первый способ, т.е. похищение девушки, наиболее древний и первобытный, называемый у татар «кыз урлау» («кража девушки»), редко, но еще практиковался до недавнего времени. Косвенные источники, в виде фольклорных памятников, позволяют нам подтвердить его бытование у болгар. В одном из вариантов татарской легенды болгарского периода о богатыре Иделе и красавице Акбикэ говорится, что на берегу реки Ширбетле находился большой город, где в роскошном дворце проводил дни хан. Жена его Фатима была искусной и бесстрашной чародейкой. Единственная дочь Акбикэ была красавицей, но из-за матери юноши обходили дворец стороной. Не испугался только богатырь Идель, влюбившийся в Акбикэ.

Однажды, набравшись храбрости, он выкрал девушку, чтобы навсегда быть с ней. Несмотря на требования матери, он отказался вернуть девушку²².

Г.Губайдуллин в 20-х гг. XX века, ссылаясь на знатоков обычаев местного татарского населения, указывал на древний обычай умыкания девушек с последующим их изнасилованием. «Обычай этот, говорил он, имеет чисто экономическую основу – невозможность для бедного человека уплатить при свадьбе значительный, требуемый обычаем калым. Умыкание часто происходит с согласия самой невесты»²³.

Возможно, древность и традиционность этого обряда до недавнего времени давали тем народам, у кого он существовал, основания считать его не только законным деянием в своем сообществе, но и выше официальных и религиозных установлений. Так, по убеждению чувашей, пока не выполнен установленный отцами и дедами ритуал и пока на голову молодой еще не был возложен сурбан, молодые не могли вступать в супружеские отношения, хотя до этого и могли быть обвенчаны в церкви. Наоборот, брак, совершенный через умыкание, давал полное право на вступление в супружеские отношения, если даже не были обвенчаны²⁴.

Второй способ приобретения невесты, т.е. ее уход к жениху по обоюдному с ним согласию, называемый у татар «ябышып чыгу», «чыгып киту», «чыгып бару» – также очень древний. По свидетельству Ибн Русте, он был широко распространен у буртасов. Арабский путешественник писал: «Девушка у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама, по желанию своему, выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в

замужество»²⁵. Сведения о тех же самых обычаях буртас можно встретить и в тексте ал-Бекри: «И когда у них девушка достигнет совершеннолетия, то у отца ее нет больше власти над ней: она избирает себе мужем кого хочет»²⁶.

Как утверждал Г. Ахмеров, большинство браков татар конца XIX – начала XX веков совершались именно по этому способу. Сложилась и соответствующая поговорка: «Углым кемне сойсэ – киленем шул булыр» (Кого сын полюбит – та и будет снохой), «Кызым кемне сойсэ – киявем шул булыр» («В кого дочь влюбится – тот и будет женихом»). Такой способ брака, основанный на взаимной любви, ничем не стесняет желающих вступить в брак: ни временем, ни возрастом, ни расходами, не нужно ждать даже очереди (пока не женится старший брат, или не выйдет замуж старшая сестра)²⁷.

В данном случае получается, что одни нормы обычного права (право добровольного ухода девушки к жениху) могут перекрывать другие (право старшинства при вступлении в брак и пр.). Однако эти коллизии, судя по сообщениям Ибн Русте, решались вполне мирно. Так, буртасский жених, к которому ушла невеста, в конце концов, все равно должен был явиться к ее отцу и уладить с ним спорные вопросы.

В случае приобретения невесты третьим способом, т.е. в порядке обыкновенного сватовства, жених и невеста могут быть как знакомы, так и совсем не знать друг друга до брака, живут в разных селениях. Сватали как уже взрослых юношей и девушек, так и несовершеннолетних. В целом Г. Ахмеров приводит параллели между древними способами и обрядами приобретения невест и сватовства татар, чувашей, черемис, мордвы и вотяков, что, по его мнению, может по-

мочь в вопросах, касающихся истории болгар и их соотношения с другими народами Поволжья²⁸.

Неизвестный автор «Булгарийа», истории Булгара, начиная с основания государства Волжской Болгарии до создания Казанского ханства, сообщает, что если молодой человек хотел жениться на девушке, то он непременно должен был спросить разрешения ее родителей. Независимо от того, любила она его или нет, девушка могла выйти замуж только с согласия родителей²⁹.

Сватовство – древний брачный договор, весьма распространенный у большинства народов мира, с некоторыми разновидностями и вариантами. Среди тюрков был распространен и обычай сватовства малолетних или еще даже не родившихся детей, что дает возможность применить этот обычай и к волжским болгарам языческого периода. Большинство вариантов тюркского лирико-эпического сказания «Кузы-курпач и Баян-сылу», происхождение которого отнесено примерно к X веку, начинается с того, что во время охоты двое друзей договариваются о женитьбе своих будущих детей, если у одного из них родится сын, а у другого дочь. В целом этот мотив сватовства малолетних, или еще не родившихся детей также является международным, но более характерным для фольклора тюркоязычных народов. Исследователи утверждают, что подобный обычай существовал и среди казанских татар³⁰.

Против воли своей матери Кузы женился на Баян-сылу, несмотря на то, что их разлучили еще в малолетстве, и они даже не знали имени друг друга. Это объясняется тем, что отец Кузы перед гибелью договорился с отцом девушки Кара-ханом женить своего сына на его дочери. Нарушение его последней воли, завещания было бы оскорблением памяти отца,

кощунством. Беспрекословное выполнение заветов предков явилось одним из важнейших условий возникновения и формирования многих обрядов и обычаев, которые со временем превратились в неписанные нормы права. Изначально зарождение и закрепление подобного закона было связано с древнейшими взглядами людей, со страхом перед умершими, с почитанием культа предков. Преодолевая труднейшие преграды, Кузы всю жизнь борется за выполнение желания отца и требований древнего обычая. Желание родителей женить Кузы на Баян, по мнению ученых, основывалось и на стремлении к объединению родов, созданию крупных племенных образований³¹.

Изложенное позволяет понять, что поступки героя мотивированы не чувством привязанности или любви к невесте, сколько определяются требованиями норм обычного права, условиями древних обычаев и обрядов, социально-экономическими причинами, особенностями семейно-брачных и родственных отношений.

В преданиях балкарцев, по мнению историков, являющихся потомками так называемых «черных болгар», оставшихся после хазарского нашествия на приазовскую Великую Болгарию на территории Северного Кавказа, также имеются свидетельства о наличии у болгар брачного договора. В сказании «Два парня» двое мужчин, у одного из которых был сын, а у другого дочь, намеревались заключить между собой брачный договор. Однако незадолго до этого умирает отец парня и сторона девушки заключает договор с другим парнем. В первую брачную ночь девушка сообщает новому жениху о своем обещании первому парню, после чего жених отводит ее к нему, но последний решает вернуть невесту жениху невредимой³². Факт возвращения невесты вторым женихом пер-

вому парню по ее требованию говорит об авторитете брачного договора (пусть даже не состоявшегося), о попытке восстановить справедливость и закон.

В татарской версии Алпамыш, чтобы выбраться из заключения, обещает дочери враждебного хана Кылтапа, бросившего его в зиндан, жениться на ней. Однако после того, как с ее помощью выбирается из зиндана, Алпамыш тайно сбегает из дворца хана Кылтапа и направляется к жене Сандугач³³. Здесь мы видим отголоски, пусть вынужденного, но устного брачного договора, который заключается непосредственно между женихом и невестой, не учитывающей мнение родителей (т.е. вторая форма приобретения невесты, по Г.Ахмерову). Надо думать, что обман Алпамыша и его побег «из-под венца» – это на-

слоение, связанное с чисто сюжетной линией эпоса.

В итоге мы можем заключить основные положения данной статьи, предполагающей семейно-брачные взаимоотношения волжских болгар. Булгарская семья была патриархальной. Семья создавалась в результате торжественного бракосочетания (свадьбы). Брак был патрилокальным, примачество было не характерно болгарскому обществу. Существовали три исторически сложившихся способа приобретения невесты – похищение (умыкание), добровольный уход девушки из семьи по обоюдному согласию, обыкновенное сватовство. Как правило, заключался брачный договор со всеми вытекающими последствиями (калым и т.д.). Сватовство могло производиться и в отношении малолетних детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – С. 73.

² Садрн Максуди Арсал. Тюркская история и право. Пер. с турецкого Р. Мухаммедина. – Казань: «Фэн», 2002. – С. 270–271.

³ История Татарской АССР. Т. I. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – С. 63–64.

⁴ Алпнын тормышы һәм Болгар шәһәрәнен салынуы / Бoryнгы татар әдәбияте. – Казан: СССР фәннәр академиясе Казан филиалы тел, әдәбият һәм тарих институты, 1963. – С. 23–24; Устные предания о городе Булгар / Сказания о Казани. Легенды и предания. – Казань: Библиотека журнала «Казань» – № 2, 1992. – С. 13–14.

⁵ Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1969. – С. 143.

⁶ Денисов П.В. Этнокультурные параллели... С. 147.

⁷ Денисов П.В. Этнокультурные параллели... С. 150–151.

⁸ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С. 305, 370.

⁹ Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004. – С.115.

¹⁰ Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – С. 75, 85–86, 124.

¹¹ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч.1. О жизни и борьбе народа с древних времен до XVI века. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1983. – С. 15–16.

¹² Материалы по истории Татарии. Вып.1 /Отв. ред. И.М. Климов/. – Казань: Таткнигоиздат, 1948. – С. 173.

¹³ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. – С. 21.

¹⁴ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – С.140.

- ¹⁵ Алпамша / Борынгы татар әдәбияте... С. 42.
- ¹⁶ *Жирмунский В.М.* Сказание об Алпамыше... С. 126.
- ¹⁷ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. – С. 127.
- ¹⁸ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана... С.136.
- ¹⁹ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки... С. 73.
- ²⁰ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чувашей. – Казань: Типографический класс О.Г. Люстрицкой, 1908. – С. 85.
- ²¹ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды. – Казань: Татарское книжное издательство, 1998. – С. 191–192.
- ²² Богатырь Идель и красавица Акбикэ / Пусть нам лешие попляшут, попоют... Татарские мифы и легенды. – Казань: Библиотека журнала «Казань» – №3–4, 1992. – С. 3; Иделнен Акбикэне урлавы / Борынгы татар әдәбияте. – Казан: СССР фәннәр академиясе Казан филиалы тел, әдәбият һәм тарих институты, 1963. – С. 35–36.
- ²³ *Мухаммадеев А.Р.* Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. – Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. – С. 76–77.
- ²⁴ *Никольский Н.В.* Краткий конспект... С. 88.
- ²⁵ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях... С. 21.
- ²⁶ *Куник А. Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878. – С. 62.
- ²⁷ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды... С. 194–195.
- ²⁸ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды... С. 211.
- ²⁹ *Ален Дж. Франк.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – С. 197.
- ³⁰ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа... С. 173.
- ³¹ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа... С. 176–177.
- ³² Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / Под ред. А.Ю. Бозиева. – Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1962. – С. 107–108.
- ³³ Алпамша / Борынгы татар әдәбияте. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1963. – С. 42.

Аннотация

Статья является попыткой выявления принципов и норм семейно-брачных отношений волжских болгар доисламского периода. На основе исторических источников в отношении волжских болгар, других близкородственных тюркских народов дается предварительная оценка их семейно-брачных отношений. Статья подкреплена примерами из памятников устного народного творчества соответствующего периода, а также этнографическим материалом в отношении казанских татар и чувашей.

Ключевые слова: волжские болгары, древние тюрки, семья, брак, патриархальность, матриархат, патрилокальность, матрилокальность, сватовство, калым, брачный договор.

Summary

The article is an attempt to identify the principles and norms of family relations of the Volga Bulgars in the pre-Islamic period. On the basis of historical sources on the Volga Bulgars and other closely related Turkic peoples, the preliminary assessment of their family relations is given. The article is supported by examples from the monuments of the folklore of the relevant period as well as the ethnographic material in respect of the Kazan Tatars and Chuvash people.

Keywords: Volga Bulgars, the ancient Turks, family, marriage, patriarchy, matriarchy, patrilocality, matrilocality, matchmaking, dowry, marriage contract.

УДК 352

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЦОВ САЙДАШЕВЫХ В ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

Л.А. Мухаммадеева, кандидат исторических наук

Социально-экономические преобразования в России начиная со второй половины XIX века сопровождались реорганизацией государственного аппарата, местной администрации, финансовой и судебной систем.

По Городовому положению 1870 года, самоуправление в городах строилось на всесловных началах. Распорядительным органом самоуправления стала Городская дума, а исполнительным – Городская управа под председательством городского головы. Сфера их компетенции включала в себя сбор и распределение местных налогов, ведение городского хозяйства, развитие торговли и промышленности, системы народного образования и здравоохранения. Городской голова каждые четыре года уведомлял население в газете «Казанские губернские ведомости», что «городскими избирателями почитаются: 1) русские подданные; 2) не менее 25 лет от рождения; 3) должны владеть в городских пределах, на праве собственности, недвижимым имуществом, облагаемым городским сбором, или содержать торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же проживать в г.Казани 2 года сряду перед выборами, хотя бы с временными отлучками, уплачивают городу сбор с свидетельств купеческого или промыслового на мелочный торг, или приказчицкого 1 разряда, или с билетов на содержание промышленных

заведений, причем лица, на коих числится недоимка по городским сборам, не могут быть избирателями, а потому городской голова приглашает означенных лиц озаботиться внесением числящихся за ними недоимок к...» определенному числу¹.

В Казани дума состояла из 68–72 гласных из всех слоев казанского общества, но преобладала в ней торгово-промышленная буржуазия. Согласно статье 35 Городового положения, нехристиане в думе должны были занимать не более 1/3 мест. В Казани в 1871–1874 гг. татар избрали 8, в 1875–1878 – 12, в 1879–1882 – 16, в 1883–1886 – 20, в 1887–1890, в 1897–1901 гг. – по 16 человек. В дальнейшем, вплоть до 1917 г., число гласных-татар также не превышало 16 человек. Большинство избранных гласных являлись представителями гильдейского купечества, которые выступали в думе в основном по вопросам благотворительности, образования, торговли². Среди них из года в год, вплоть до 1914 г., избирались купцы Сайдашевы, возглавлявшие мусульманскую группу на протяжении почти всего существования Казанской городской думы. Если до 1913 г. Мухаметзян Ахметзянович, как и его двоюродный брат Абдул-Кадыр Мухамед-Вафич Сайдашевы выдвигались по доверенности своих супруг-домовладельцев, то на последнее четырехлетие с 1913 по 1916 г. М.А. Сайдашев выдвигался от заведующих 5 каменной мечети

г.Казани: муллы Галимзяна Галеева, указного имама Абдрахмана Галеева и попечителя медресе Ахмед-Гирея Азимова, которые рекомендовали своего протеже в Казанскую городскую управу с тем, «чтобы он, г.Сайдашев, пользовался при этом всеми правами, предоставлявшимися избирателям по закону»³. Связано это было, по-видимому, с тем, что после смерти Ахметзяна Яхьича семья Сайдашевых из-за финансовых затруднений проживала на съемной квартире.

Если гласные по каким-либо причинам не могли присутствовать на очередных заседаниях Городской думы, то обязательно должны были оповестить об этом городского голову с объяснением причины отсутствия. Так, Сайдашевы и их зять И.М-Г. Утямышев отлучались по торговым делам в гг. Москва, Ростов-на-Дону, на Мензелинскую, Ирбитскую ярмарки и др., о чем оставляли предварительно письменные заявления от себя лично или от своих доверенных лиц⁴.

В Городской думе Сайдашевы проявили себя активными защитниками прав и интересов татарского населения г.Казани. Ярким примером может служить то, что А.Я. Сайдашеву удалось отстоять запрещение открытия трактира в Новой Татарской слободе. Во многом роль сыграло его выступление на очередном заседании Городской думы, где он, в частности, сказал: «...Новая Татарская слобода есть отдельная слободка, где исключительно живут одни мусульмане, у них более 20 лет не существовало трактирных заведений, они ходатайствуют на основании шариата, обязывающего каждого мусульманина стараться о приличиях, не допускать никаких дурных качеств, кои могут быть впоследствии для разврата молодых людей, мы не должны этого допускать... Причем наше уважаемое Правительство и правосудие нас

никогда не заставляют идти против шариата, в чем дают нам полную свободу. Несколько лет тому назад, все это хорошо помнят, когда был питейный съезд для разработки питейного патентного сбора, тогда наш покойный муфтий господин Тевкелев ходатайствовал на съезде, и было исключительно сказано, где мусульмане живут в своих селениях, если не пожелают открытия питейного заведения, то не допускать открытия таковых. Следовательно, есть возможность уважить просьбу жителей Новой Татарской слободы, от которой нет никакого ущерба и вреда для города»⁵. Слова эти склонили чашу весов в пользу жителей Новой Татарской слободы, и открытие трактира было запрещено.

Как отмечал А.Я. Сайдашев, в первый срок пребывания гласным Городской думы в 1873–1875 гг. он очень многое сделал для благоустройства и облагораживания центральных улиц татарской части Казани. При его непосредственном участии была вымощена камнем улица Большая Мещанская (ныне ул. Нариманова), до этого утопавшая в грязи. Кроме того, купец старался привлечь внимание городской общественности к другим социальным проблемам, присущим татарским слободам Казани⁶.

На второй срок, 1875–1878 гг., Сайдашев баллотировался⁷, но с 1876 г. отказался от своих обязанностей гласного, решив сосредоточиться на торговых делах⁸. Но уже с 1880-х гг. вновь активно приступает к работе в Городской думе.

Как видно из доклада Управы от 25 февраля 1887 г., Губернское земское собрание предложило Городской думе учредить комиссию для разработки проекта устройства педагогического музея на средства города и земства, разделив расходы пополам. На что А.Я. Сайдашев, признавая

пользу учреждения педагогического музея, *«находил участие города в половине расходов на его содержание обременительным, так как земство от города пользуется известным доходом, не вознаграждая его в свою очередь соответственно лежащим на городе земским тягостям»*. Он отметил также, что *«в Казани имеется только 20 школ, тогда как в губернии их более тысячи, поэтому несправедливо брать на себя половину расходов»*⁹.

В марте того же года жители 2 и 5 частей г.Казани, в числе 14 человек, под руководством А.Я. Сайдашева, подали в Городскую думу заявление, в котором говорилось, что власти города при принятии каких-либо мер, касающихся благоустройства города, игнорируют Забулачную часть. Они предлагали думе ввести керосиновое освещение, провести водопроводные трубы, устроить мостовые в данной части города. До этой просьбы те же просители 2 и 5 частей ходатайствовали о ремонте Усмановского корпуса лавок торговцев. Для того, чтобы оба эти вопроса решить беспристрастно, гласные предложили Сайдашева включить в комиссию по благоустройству города. На что последний заявил, что так как ремонт Усмановского корпуса необходим в интересах частных торговых лиц, то он со своей стороны отказывается от ходатайства о его ремонте, чтобы тем дать возможность удовлетворить общую потребность жителей в замощении улиц и проч. Далее Сайдашев на предложение гласных по поводу того, что домовладельцам 2 и 5 частей войти в частное соглашение с обществом водоснабжения, возразил: *«...богатые жители могут это сделать и не обратятся за помощью к Думе, но речь идет о бедном населении, помочь которому город может даже просто изменив несколько контракт с обще-*

*ством, продолжив ему напр. концессию»*¹⁰. Далее он, указав, что жители данной части города не требуют многого, а лишь необходимого, просил их ходатайство передать комиссии, соглашаясь, что удовлетворение просьбы жителей о мостовых должно стоять на первом плане. В результате, при поддержке остальных гласных, было постановлено *«ходатайство передать на рассмотрение комиссии для рассмотрения строительных смет, которой поручить обратить внимание на устройство мостовых в низменных частях города преимущественно перед другими требованиями благоустройства, изложенными в заявлении жителей... В комиссию эту, кроме состоящих в ней лиц, считать избранными А.Я. Сайдашева и В.Е. Соломина»*¹¹.

В 1895 г. А.Я. Сайдашев призвал управу сменить керосиновые лампы на более современные осветительные приборы. О том, что данное предложение было проигнорировано, свидетельствуют новые обращения уже в 1911 и 1913 гг. его сына М.А. Сайдашева, в которых он вел речь даже не об электроосвещении, а об отсутствии элементарных керосиновых фонарей в татарской части города, тогда как центральная часть, где проживало в основном русское население, давным-давно была электрифицирована¹².

На основании статьи 141 Городского Положения городской управы была составлена смета городских доходов и расходов на 1887 г. При чтении статьи 51 доходов с прорубей А.Я. Сайдашев предложил доход по этой статье исключить, предоставив жителям право бесплатного пользования прорубями. Гласный М.И. Галеев, поддержав своего друга и единомышленника, мотивировал это тем, что арендатор прорубей притесняет бедных жителей, собирая с них по 5 копеек, вместо одной. А.Я. Сайдашев,

ввиду притеснения жителей города со стороны рабочих прорубей, решил взять на свой счет этот расход и содержать проруби в течение трех лет по 200 рублей ежегодно. На что остальные гласные единодушно решили установить бесплатное пользование прорубями на озере Кабан и реке Казанке горожанам за счет города¹³.

В 1888 г. гласный А.Я. Сайдашев избирается в Строительную комиссию для рассмотрения смет на устройство новых мостов и ремонт зданий города Казани. В том же году его зачисляют в состав Комитета по устройству Научно-промышленной выставки, открытие которой планировалось в 1890 г., а с 10 ноября 1889 по 1891 г. состоит членом учетного комитета.

В 1892 г. Городская управа, борясь за экономию средств, провела привычную для бюрократии тех лет «реформу» – упразднила татарский сиротский суд, передав все дела, касающиеся мусульман, в ведение русского суда. И хотя его члены благожелательно и добросовестно отнеслись к заботам мусульманского населения, тем не менее лидеры татар организовали настоящую кампанию против превращения русского сиротского суда в смешанный русско-татарский. Прошения от купцов и мещан по этому поводу были поддержаны в выступлениях в Городской думе гласных М.И. Галеева и А.Я. Сайдашева, призвавших увеличить состав суда еще на одного члена, избираемого не от сословий, а собственно от мусульманской части Казани. Только через полтора года мусульманам удалось добиться нужного им решения, что явилось небольшой, но существенной победой, закреплявшей на местном уровне избирательные права татар Казани¹⁴.

Обеспокоенный беспорядками, творившимися на мусульманском кладбище, находящемся в 5 части

г.Казани, после отказа от звания попечителя мусульманского кладбища М.И. Галеева в 1908 г., гласный А.Я. Сайдашев подает заявление в Казанскую городскую управу, где предлагает на очередном заседании Городской думы избрать на вакантное место казанского купца Гильмутдина Ибрагимова. Однако, после утверждения его кандидатуры, последний неожиданно отказался от этой должности. После чего на имя городского головы от жителей г.Казани, в числе которых был и брат Ахметзяна Яхьи-ча – Мухамед-Галей Сайдашев, поступает прошение о назначении на данную должность более подходящую кандидатуру в лице Газизяна Галеева, сына умершего на тот период М.И. Галеева, и помощником его Ахметзяна Файзуллина. Через два дня Казанская городская управа утверждает в качестве попечителя и его помощника означенных лиц¹⁵.

В это время М.А. Сайдашев являлся членом Училищной, Инвентарной, Лесной и Луговой комиссий¹⁶.

В марте 1911 г. Городской думой был заслушан доклад по ходатайству Комитета по сооружению здания женской гимназии в Адмиралтейской слободе об отводе под здание гимназии участка земли. На что гласный М.А. Сайдашев выразил надежду, что на данное дело, которое хотят осуществить лица, известные городу, может быть найдены капиталы, и призвал властей отвести место и разрешить постройку, а в последующем принять учреждение в ведение города¹⁷.

В том же 1911 г. М.А. Сайдашев добился согласия Городской думы на асфальтирование главных улиц Старо-Татарской слободы – Евангелистовской (ныне ул. Татарстан) и Екатерининской (ныне ул. Тукаевская)¹⁸.

В 1913 г. предстояло чествование 300-летия царствования Дома Романовых. По этому поводу Городская дума

в декабре 1912 г. постановила определить состав комиссии, в которую, по предложению М.А. Сайдашева, вошло трое мусульман. Гласные проголосовали за 10 кандидатов, в число которых вошел и сам Сайдашев. На этом же заседании Городской думы М.А. Сайдашева избрали в комиссию для выработки правил о порядке производства выборов гласных на новое четырехлетие¹⁹. В феврале 1913 г. на заседании Городской думы городской голова доложил об ассигновании на празднование данного мероприятия 3000 рублей (1500 рублей – на уличные торжества, 500 рублей – на училищные и 1000 рублей – на памятник на могилу митрополита Ефрема), после чего М.А. Сайдашев выступил с речью за *«то, чтобы день 300-летия был отпразднован и ознаменован достойным образом»*²⁰.

Представители татарского населения в думе большие усилия прикладывали к развитию в мусульманской части города нормальной школьной сети. В январе 1913 г., преодолев упорнейшее сопротивление многих своих коллег, мусульмане-заседатели – С.Н. Максуди, А-Х.А. Апанаев, В.Гайнуллин с помощью сочувствующих Н.А. Новикова, М.Н. Пинегина, Н.Ф. Грауэрта добились принятия Думой постановления о покупке за счет городского управления первому русско-татарскому мужскому и пятому женскому училищам одного из самых прекрасных особняков в Старо-Татарской слободе с участком в 711,7 сажень – бывшего дома Сайдашевых. Это был большой успех гласных-мусульман, не просто «взявших» из городской казны внушительные денежные средства, а именно 47000 рублей, на образовательные нужды татар, но и сумевших впервые разместить классы государственной национальной школы в престижном, прекрасно оборудованном здании²¹.

В том же году М.А. Сайдашев и Б.К. Апанаев активно участвовали в прениях гласных Городской думы по поводу освещения улиц г.Казани²². Данное мероприятие еще многими годами раньше начал А.Я. Сайдашев. Только с помощью их упорства в данном вопросе Забулачная часть г.Казани была освещена керосиновыми лампами, а затем и электрифицирована.

Деятельность Городской думы и земства гласные Сайдашевы также широко освещали и на страницах своей газеты «Баянуль-хак». Так, например, в статьях газеты «Баянуль-хак» за 1913 г., посвященных выборам в Городскую думу (№№ 1212, 1218), сообщаются подробные сведения о предвыборных собраниях, главным образом, русско-мусульманского комитета, о его программе и будущей деятельности, если его члены пройдут в гласные Городской думы и т.д. В статье «Вниманию гласных выборщиков» мусульманам разъясняется, что, благодаря увеличивающемуся числу их избирателей, они могут существенно повлиять на исход выборов, и поэтому они должны все явиться на выборы, чтобы, по крайней мере, отстоять законное число гласных из мусульман в Городскую думу²³.

Как отмечал Р.Р. Салихов, среди фактических руководителей мусульманских гласных в Городской думе с 1870-х гг. до начала XX века были купцы М.И. Галеев и А.Я. Сайдашев, при которых многие проблемы решались за счет богатства, влияния и личных связей последних во властных структурах. Затем, вплоть до 1914 г., эту нишу безоговорочно занимал сын последнего М.А. Сайдашев, претендовавший, благодаря своей активности, широкому кругозору и правовой грамотности, на лидерство во всей Думе. При нем фракция, не имея уже рычагов для открытого

давления на администрацию, не без успеха училась закулисной борьбе. Например, несмотря на ряд неудачных попыток снять с должности члена управы Л.А. Плетнева и заведующего техническим отделением управы П.П. Голышева, осознанно игнорировавших нужды и потребности татарского населения при составлении смет на благоустройство города, М.А. Сайдашев со своими сподвижниками, поддержанные некоторыми русскими членами Думы, собрав серьезный компрометирующий материал, сумели, в конце концов, отправить этих общественных деятелей в отставку²⁴.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что купцы Сайдашевы, будучи гласными в органах местного самоуправления, к мнению которых прислушивалось большинство остальных депутатов, внесли весомый вклад в развитие родного города, а также с успехом отстаивали интересы всех слоев населения общества. Они стояли у истоков формирования новых органов административного управления Казани и Казанской губернии, а также своей активной работой в них, в условиях возросшей гражданской активности, принесли огромную пользу своим соотечественникам, городу и региону.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 24. Л. 8.

² *Мустафина Г.М.* и др. История Татарстана. XIX век: Учеб. пособие для сред. общеобразоват. шк., гимназий, лицеев и сред. спец. учеб. заведений / Г.М. Мустафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова. – Казань, 2003. – С.148–149; *Салихов Р.Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12 – Спец. выпуск. – С. 102.

³ Цит. по: НА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 1209. Лл. 3 об., 41.

⁴ НА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1143. Лл. 18, 47, 50, 80, 113, 127.

⁵ Цит. по: *Алиев И., Идрисова Р.* Усадьба купца Ахметзяна Сайдашева // Дворянское гнездо. – 2007. – № 4 (13).

⁶ Баянкуль-хак. – 1912. – № 1068. – 27 июня.

⁷ Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1875 г. – Казань, 1875. – С. 6.

⁸ Баянкуль-хак. – 1912. – № 1068. – 27 июня.

⁹ Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1887 г. – Казань, 1887. – С. 216–220.

¹⁰ Цит. по: Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1887 г. – Казань, 1887. – С. 239–255.

¹¹ Там же.

¹² *Салихов Р.Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX – XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12. – С.105.

¹³ Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады Управы за первую половину 1887 г. – Казань, 1887. – С. 255, 258–260.

¹⁴ *Салихов Р.Р.* Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX – XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12 – С.104.

¹⁵ НА РТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 2691. Лл. 1–5.

¹⁶ Справочная книга «Вся Казань». Отдел IV. Адреса жителей города Казани. – Казань, 1910. – С. 64.

¹⁷ Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады Управы за март 1911 г. – Казань, 1911. – С. 10–13.

¹⁸ Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12. – С.106.

¹⁹ Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады Управы за декабрь 1912 г. – Казань, 1913. – С.28–29, 69.

²⁰ Цит. по: Журналы и протоколы Казанской городской управы и доклады Управы за февраль 1913 г. – Казань, 1913. – С.4–5.

²¹ Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12. – С.109; Журналы и протоколы Казанской городской думы и доклады Управы за ноябрь 1913 г. – Казань, 1914. – С.12.

²² Журналы и протоколы Казанской городской думы и доклады Управы за апрель 1913 г. – Казань, 1913. – С. 53.

²³ НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 228. Л. 81.

²⁴ Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX – XX вв. / Панорама-Форум. – 1997. – № 12. – С. 107.

Аннотация

Казанские купцы Ахметзян Яхьич и его сын Мухаметзян Ахметзянович Сайдашевы представляли интересы татарского населения в выборных органах местного самоуправления. На протяжении сорока с лишним лет они возглавляли мусульманскую группу Казанской городской думы. Являясь активными гласными, многое сделали для развития благоустройства Казани, открытия новых школ, учреждений социального призрения в татарских слободах Казани и населенных пунктах Казанской губернии. Сайдашевы также известны активным отстаиванием интересов беднейших слоев населения г.Казани.

Ключевые слова: Городская дума, городская управа, городское положение, городской голова, выборные органы местного самоуправления, гласные, избиратели, купцы, Ахметзян Яхьич Сайдашев, Мухаметзян Ахметзянович Сайдашев.

Summary

Kazan merchants Akhmetzyan Yakhich and his son Mukhametzyan Akhmetzyanovich Saidashev represented the interests of the Tatar population in the elected bodies of the local self-government. For more than forty years they led the group of Muslim group of Kazan City Duma. Being active members of the city дума, they did much to develop improvement of Kazan, to open new schools, social care institutions in Tatar settlements of Kazan and towns of Kazan province. The Saidashevs are also known for defending the interests of the poorest people of Kazan.

Keywords: City Duma, City Council, city regulations, Head of the City, the elected bodies of the local self-government, members of the city дума, the voters, merchants, Akhmetzyan Yakhich Saidashev, Mukhametzyan Akhmetzyanovich Saidashev.

УДК 94“04/14”

ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ТАТАРСКИМИ ХАНСТВАМИ (конец XIV в. – середина XV в.)

Я.В. Пилипчук, кандидат исторических наук

Данная статья посвящена истории отношений между Великим Княжеством Литовским, Улусом Джучи и тюрко-татарскими ханствами на протяжении конца XIV – середины XV в. Задачей данного исследования является анализ главных тенденций отношений между Джучидами и Гедиминовичами в указанное время. Необходимо выделить главные этапы в отношениях между этими династиями в 1380–1468 гг.

Утверждением Токтамыша на сарайском престоле закончилась эпоха «Великой Замятни». В 1380 г. Токтамыш подчинил себе Орду Мамай. Окончательно остановил продвижение Кориатовичей на татарские земли поход Токтамыша на Подольское и Киевское княжества в 1380–1381 гг. В битве с татарами погиб Александр Кориатович [Черкас, 2011а, с. 168; Білецька, 2004, с. 115]. Эти события ознаменовали новый этап в отношениях Великого Княжества Литовского и Улуса Джучи. Только во времена Витаутаса литовцы возобновили продвижение на юг [Шабульдо, 2001, с. 95–106; Черкас, 2011 б, с. 46–52]. Очевидно, некоторое время после 1380 и 1399 гг. правителям Подолья приходилось платить дань [Kolodziejczyk, 2011, p. 7; Kuczynski, 1965, s. 157]. Но они прекращали платить дань, как только в Улусе Джучи начинался хаос. В общем, отношения

Польши и Литвы с Улусом Джучи и Крымским ханством напоминали движение маятника. Когда поляки и литовцы были не в силах противостоять набегам кочевников, они соглашались на уплату дани. Когда же сила была на их стороне, то, конечно, ни о какой дани не могло быть и речи.

На территории Днепровского Правобережья снова обосновались золотоордынские татарские эмиры. Но вряд ли их власть распространялась далее Днестра, поскольку Роман Мушат называл себя властителем земель от гор до моря [Руссев, 1999, с. 379–407]. Ибн Арабшах упоминал о Кара-Богдан. Мустафа ал Хусайни сообщал, что часть татар ушла в Рум (к османам), а вторая осела в Лакурбунде и их называют Кара-Бугдан [Валиди Тоган, 2010, с. 215]. В конце XIV–XV вв. граница между зонами расселения восточнороманского и тюркского населения проходила около Кишинева [Руссев, 1999, с. 379–407].

История золотоордынских владений между Днепром и Днестром слабо известна из сведений письменных источников, но на нее несколько проливают свет тимуридские персидские источники. Они детально сообщают о событиях 1395–1396 гг. Шараф ад-Дин Йазди сообщал, что эмир Усман, двигаясь в авангарде войск Тимура, атаковал владения татар около Днепра (Узи) и Киева (Мункармана). Войс-

ка Бек-Ярыка-оглана были разбиты, а Джанак спасся за счет искусства верховой езды. Эмиры Таш-Тимур-оглан и Актау бежали в область Хурмадай. При этом хронист сообщал, что эта область была враждебна им [Десей, 2010, с. 205–206]. Шараф ад-Дин Йазди, Низам ад-Дин Шами и Хафиз-и Абру сообщали, что Бек-Ярык после битвы на Дону бежал на север, в леса. Таш-Тимур и Актау укрылись в местности Уйматай (Хурмадай) [Валиди Тоган, 2010, с. 215; Десей, 2010, с. 205–206].

В источниках нет упоминания о вражде правителей Богдана (Молдавии) или Афлака (Валахии) с людьми Актау и Таш-Тимура. Враждебными по отношению к ним были правители страны или местности Хурмадай (Уйматай). Нужно принять во внимание, что молдавский господарь Штефан I писал Йогайлу, что он вместе со своим народом будет помогать полякам против турок и татар. Участие молдаван в битве на Ворскле свидетельствует о том, что молдаване сдержали слово, но уже по отношению к Витаутасу. Татары Актау пришли в Валахию с согласия Мирчи Старого. Это значит, что Актау и Таш-Тимур были в то время нейтральны по отношению к Токтамышу, а молдавские и валашские союзники Витаутаса не воспринимали их как врагов [Десей, 2010, с. 205, 208; Миргалеев, 2003, с. 97]. В условиях хаоса кочевники Днепровского Правобережья предпочли создать свой собственный улус, подобный тем, которые существовали в эпоху «Великой Замятни».

Нужно сказать, что власть хана оспаривалась его эмирами и родственниками. Когда Токтамыш принимал участие в походе на Мавераннахр, то в войсках на Кавказе поднял восстание Бек-Булат. Он был Тука-Тимуридом и, очевидно, хотел занять место Токтамыша. Он завладел прежними земля-

ми Мамая, а его первоначальный улус находился на Дону. Борьба с этим царевичем заняла несколько лет [Миргалеев, 2003, 110–112; Пономарев, 2011, с. 20]. До этого он уже проявил себя в «Солхатской войне» [Пономарев, 2011, с. 18–21]. В 1391 г. силы Токтамыша потерпели серьезное поражение от войск Тимура на реке Кондурче. Бек-Булат претендовал на Крым, а Тимур-Кутлук на ханский престол. Нужно сказать, что некоторые эмиры планировали изменить Токтамышу. При посредничестве Идегея и Тимур-Кутлука великий эмир Тимур подкупил Бек-Булата, Ходжа-Медина, Бекича и Турдучака Берди Давуда [Костюков, 2010, с. 172–183; Маврина, 2006б, с. 70–71; Миргалеев, 2011, с. 170–176]. Главным противником Токтамыша, конечно, был Идегей. Вместе с Тимур-Кутлугом он утвердился в восточной части Дашт-и Кыпчак [Заплотинский, 2005, с. 39]. По поручению Токтамыша Тулу-Ходжа, Кутлу-Буга и Хасан отправились с посольством в Литву в 1393 г., а в 1394 г. состоялась дипломатическая миссия в Египет. Татары организовали коалицию из египетских мамлюков, Джелаиридов, туркменов, османов и Кара-Коюнлу. Но власть Токтамыша значительно пошатнулась, когда в 1395 г. он потерпел еще одно значительное поражение. В битве на Тереке войска эмира Тимура снова одержали победу и двинулись в глубь территории Улуса Джучи [Валиди Тоган, 2010, с. 213–214; Маврина, 2006б, с. 72; Миргалеев, 2011, с. 176–180; Березин, 1998; Золотая Орда в источниках, 2003, с. 154, 168, 177, 201, 203–204, 233]. Арабские хронисты сообщали, что после этого Токтамыш ушел в земли урусов. Персидский хронист Муин ад-Дин Натанзи же указывал, что Токтамыш бежал в Либка. Под землями урусов и Либка нужно понимать Среднее Поднепровье. В то время в Киевском Княжестве

правил Скыргайла (наместник короля Йогайла). Мусульманские хронисты сообщали о разорении Каффы и Крыма, а это значит, что Токтамыш преследовал Идегей [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 154, 168, 197, 201, 315]. Некоторые арабские летописцы даже говорили о смерти Токтамыша в 1395/1396 гг., хотя он еще жил около десяти лет. Муин ад-Дин Натанзи сообщал о смерти Токтамыша в 1397/1398 гг. [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 177, 204]. В такой ситуации, чтобы привлечь на свою сторону литовцев, Токтамыш должен был сделать уступку. Предполагается, что Токтамыш уступил Витаутасу права на все ранее платившие дань татарам земли [Ždan, 1930, s. 542].

Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Йазди сообщали о действиях войск Тимура вблизи от Киева (Манкермана) и Ельца (Карасу), но никак не в Крыму. Если бы эмир Тимур действительно направил войско против Солхата и Кафы, это было бы зафиксировано в тимуридских источниках. А в них было зафиксировано бегство Таш-Тимура и Актау на запад от Узи (Днепра), а улус Бек-Ярыка был локализован между Манкерманом (Киевом), Узи и Таном (Доном), то есть на Днепровском степном Левобережье. Бек-Ярык бежал в район Карасу (Елец) [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 302–303].

В связи с этим оживились правители провинций, которые не желали покоряться центру. Одним из центров сепаратизма был Крым, где правил Таш-Тимур (сын Тука-Тимурида Джанака). На Урале обособился Мангытский юрт Идегея, а в Хаджи-Тархане правил Тимур-Кутлуг. Г. Заплотинский считает Тимур-Кутлуга ставленником Идегея [Маврина, 2008, с. 29; Маврина, 2006б, с. 72; Заплотинский, 2005, с. 39–40]. Владения эмиров Токтамыша Бек-Хаджи и Бек Ярыка были

ограблены. Операции войск врагов Токтамыша в Крыму возглавлял Идегей. В поэме иеромонаха Матфея сказано о девятилетнем противоборстве жителей Феодоро с агарянами (мусульманами). Поскольку край входил в состав владений Улуса Джучи, то именно поход Тимура привел к обособлению княжества Феодоро, которое раньше было лояльно к Токтамышу. Несмотря на то, что Идегей взял столицу княжества – Мангуп, местное население продолжало сопротивление [Маврина, 2006б, с. 72–73; Герцен, 2003]. Обособились также и другие территории, в том числе и улус Хурмадая [Десей, 2010, с. 205–206].

В мае 1396 г. Токтамыш вернулся из Литвы в Крым и провозгласил себя местным ханом. Осенью 1396 или зимой 1396–1397 гг. Тимур-Кутлуг и Идегей объединили свои силы против Токтамыша. Уже весной 1397 г. Тимур-Кутлуг изгнал Токтамыша из Крыма и предоставил тарханный ярлык Мухаммеду (сыну Хаджи Байрама) [Маврина, 2008, с. 30; Маврина, 2006а, с. 112–113; Заплотинский, 2005, с. 40]. Но Токтамыш вернулся в Крым при поддержке войск Витаутаса, а могущественный клан Ширинов признал его как легитимного правителя Улуса Джучи [Шабильдо, 2001, с. 95–106]. Факт союзнических отношений между литовцами, поляками и татарами Токтамыша был зафиксирован даже в дипломатической переписке Тимура. Великий эмир призывал турецкого султана Байазид I Йылдырыма заключить общий союз против франков (в данном случае поляков и литовцев) и татар Токтамыша [Валиди Тоган, 2010, с. 217–220].

Османский султан справедливо рассудил, что война с поляками и литовцами ему пока не нужна, тем более что турок ожидало испытание в виде крестового похода венгерского короля Сигизмунда [Валиди Тоган, 2010,

с. 209, 219]. Мысли Тимура в то время были заняты вовсе не Восточной Европой. Фактически великий эмир оставил Идегея и Тимур-Кутлуга самих разбираться с врагами. В то же время на переправе через Днепр по приказу Витаутаса была сооружена крепость святого Яна, которая обозначила литовско-татарскую границу по Днепру в 1398 г. [Валиди Тоган, 2010, с. 214; Zdan, 1930, s. 543–544].

Кульминацией похода Витаутаса стала битва на Ворскле. Русские летописцы открыто выступали с антилитовской риторикой [НПЛ, 1950, с. 393–396; Pelenski, 1982, p. 313–316]. Ян Длугош сфокусировался на освещении участия поляков в битве [Dlugosz, т.3, 1868, s. 495–497]. Немецкие же хронисты даже не знали о месте битвы и предполагали, что она произошла где-то около Киева. Они сообщали о поражении литовцев во время похода против татар [Scriptores Rerum Prussicarum, 1866, Bd. 3, s. 229–241; Торнский анналист, 2011].

Удивительно, но в восточных источниках почти не запечатлена битва на Ворскле. По-видимому, татары не придавали ей особенного значения. Ибн Арабшах сообщал, что между Идегеем и Токтамышем состоялось пятнадцать битв. Последняя битва была не в пользу Идегея. Но, по сведениям арабского хрониста, Идегей застал Токтамыша врасплох и убил. Сыновья Токтамышы – Керим-Берди и Джелал ад-Дин бежали к урусам. У Муин ад-Дина Натанзи указано, что Токтамыш пришел из Либка с большим войском и сражался на берегах реки Итиль. Итилем татары вообще называли большую реку. Поэтому не исключено, что под описанием этой битвы персидский хронист упоминает о битве на Ворскле. Указано, что много урусов погибли от рук узбеков (так в этом источнике были названы тюркские подданные Улуса Джучи).

Тимур-Кутлуг и Идегей после этого утвердили свою власть. Бросается в глаза и тот факт, что почти все восточные хронисты продолжают называть земли Среднего Поднепровья Урус, хотя на то время эти земли уже несколько десятилетий находились под властью литовцев. Только у Муин ад-Дина Натанзи была запечатлена смена государственного наименования [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 154, 168, 197, 201, 212–213, 315]. Практически все источники сообщали о страшном поражении войск Витаутаса. Татары в 1399 г. вышли на Днепровское Правобережье. Татары отступили, взяв с Киева откуп [Черкас, 2011, с. 48–49; Заплотинский, 2011, с. 43, 47; Żdan, 1930, s. 546–553].

В тюркских источниках куда более значительным считались эпизоды, связанные с некоторыми видными государственными деятелями. Так, Абд ал-Гаффар ал-Кырыми упоминал о Мамае и Сайид-Ахмеде [Миргалеев, 2010, б. 187–192]. Для более позднего времени указано, что Сайид-Ахмед кочевал около московской крепости Киев и был разбит неверными. Поскольку улус «Семеновых людей» отошел к Олельковичам, то логично заключить, что именно киевский князь и одолел татар Сайид-Ахмеда. При этом нужно заметить, что этот улус был передан Олельковичам Хаджи-Гиреем¹ [Шабульдо, 2010, с. 57–73]. Принимая во внимание тенденциозность подачи материалов Яном Длугошем по отношению к литовцам, то, скорее всего, Сайид-Ахмеда одолел именно литовский князь, а не будущий крымский хан, поскольку в хронике Абд ал-Гаффара ал-Кырыми указано, что не Хаджи-Гирей, а именно «неверные» разбили Сайид-Ахмеда. В общем, события представляются таким образом, что объединенное Польско-Литовское государство было готово к отражению нападения Сайид-Ахмеда. Хад-

жи-Гирей участвовал в событиях, но его роль не была значительной. Куда большую роль должны были играть отряды киевских князей Олельковичей, которые, как и Хаджи-Гирей, воспользовались победой над ордой Сайид-Ахмеда и присоединили к Литве ряд татарских владений [Dlugosz, т. 5, 1870, s. 109–111].

Возвращаясь к битве на Ворскле, стоит сказать, что на могуществе Литвы это сказалось минимальным образом. После поражения на Ворскле были еще многочисленные стычки с татарами. Если же быть более внимательным к региональным аспектам, то, конечно же, от набега Идегея наиболее пострадали приграничные регионы. Татары опустошили славянские поселения в междуречье Ворсклы и Сейма. Опустевшие земли колонизировались татарами, вассальными от Литвы. На Сейме и Выре находились владения Яголтая, который был в источнике назван Сараевичем. Интересно, что в мусульманских источниках при описании событий 1391 г. упоминается Хасанбек из клана Сарай. Д. Исхаков считает Сарай частью более влиятельного клана Барын. Земли на Суле, Удае и Снепороде были переданы Лексе Мансуркановичу из рода Глинских. Глинские происходили из клана Кыят, к которому принадлежал Мамай [Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004, с. 18, 38–39, 71, 73; Трепавлов, 2010, с. 136–170; Русина, 2001, с. 144–152; Исхаков, 2009, с. 39–42, 51–52].

В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду I упоминалась тьма Яголтая. Этот Яголтай происходил из клана Сарай. С. Кучыньски считал вероятным происхождение Яголтая от бека Хусейна сына Сарая. Сарай же считался сыном Урусаха. Хусейн был приближенным Улуг-Мухаммеда. Польский исследователь предполагал, что около 1440 г. Яголтай получил обширный фео-

д литовцев. Мнение С. Кучыньски разделял Б. Шпулер. Б. Греков и А. Якубовский относили образование тьмы Яголдая к 1438 г. Ф. Петрунь считал, что синонимом тьмы Яголдая была Курская тьма. Он считал, что Яголтаевщина существовала уже в конце XIV в. С. Кричински считал родоначальником Яголтаев Яголтая, который упомянут в ярлыках венецианскими купцами 1347 и 1358 г. Не исключен вариант с родством Яголтая с Сарайкой из окружения Мамай. Но Е. Русина считает, что это всего лишь гипотеза. В «Литовской Метрике» имя Яголтая упоминалось два раза в диапазоне между 1440 и 1486 гг. Последнее упоминание о Яголтае было связано с Романом Яголтаевичем. Патроним Яголтай, по мнению Е. Русиной, был родовым прозвищем. Потомками Яголтая были безымянная дочь Зиновия Яголтая и другой сын Яголтая Роман. Ф. Петрунь считал Яголтаевщину, как и Глинщину, татарским феодем на окраинах Великого Княжества Литовского. В состав Яголтаевщины входили Оскол, Мужеч, Милолюбль. Как единое владение Яголтаевщина прекратила существование в 1497 г. Вопрос о времени существования и дате основания Яголтаевщины как отдельного владения остается открытым. Неясно также, как образовался этот феоде и не предоставил ли его великий князь литовский татарскому аристократу [Русина, 2001, с. 145–149].

Относительно же родоначальника Глинских, то Б. Черкас считает, что предоставление сыну Мамай укрытия уже в 1380 г. повлекло за собой вторжение войск Токтамышша. Мансур-Кыят, таким образом, получил земли на Киевщине уже от Владимира Ольгердовича [Черкас, 2011а, с. 168–169]. В хронике Абд ал-Гаффара Кырыми указано, что кыяты после смерти Мамай ушли в районы Энгэл вэ Онгул, то

есть в бассейны рек Ингула и Ингульца, которые находились под контролем Гедиминовичей [Миргалеев, 2010, б. 193]. Предоставление Глинским владений вблизи Ворсклы произошло уже при Витаутасе-Александре.

После катастрофического поражения на Ворскле литовцы продолжали борьбу руками Токтамышевичей. В Великом Княжестве Литовском после гибели Токтамыша в 1406 г. оставались его сыновья, один из которых – Джелал ад-Дин принял участие на стороне литовцев в Грюнвальдской битве. В 1414 и 1422 гг. татары в составе литовских войск совершали нападения на владения Тевтонского Ордена [Свентославский, 2011, с. 73–77; Флоря, 2001, с. 73–77; Żdan, 1930, s. 559–563]. При помощи Токтамышевичей Витаутас беспокоил пограничье Улуса Джучи. Во время одного из таких набегов Джелал ад-Дин в 1407 г. даже был провозглашен ханом в Булгаре, но потом был вынужден отступить вследствие поражения от войск Идегея. В 1411 г. Джелал ад-Дин снова атаковал Идегея и убил в столкновении хана Пулада, правда, не смог удержаться в степи. В 1411 г. в Улусе Джучи воцарился хан Тимур, который не пожелал быть марионеткой Идегея и вынудил последнего бежать в Хорезм. В 1412 г. Джелал ад-Дин, пользуясь этой усобицей, воцарился, однако вскоре был убит своим братом Керим-Берди, чем воспользовался уже Идегей, восстановивший свою власть. В 1418 г. Витаутас провозгласил ханом Бек-Суфи, но поход закончился неудачей. Жильбер де Ланноа сообщал, что в 1422 г. умер какой-то друг Витаутаса, который носил титул императора Солхата и, вероятно, правил Крымом в 1418–1422 гг. Р. Беспалов считает, что это был Бек-Суфи. В 1419 г. Бек-Суфи перешел на сторону Идегея. После неудачной экспедиции в поддержку Бек-Суфи Витаутас

оказал поддержку Keremberden'у брату Jeremferden'a [Селезнев, 2011, с. 46–52; Черкас, 2011, с. 50; Валиди Тоган, 2010, с. 214; Dlugosz, т.4, 1869, s. 203–204; Pelenski, 1982, p. 313; Żdan, 1930, s. 564–569; Беспалов, 2012, с. 54; Сабитов, 2009 а, с. 180–183].

Татары Улуса Джучи также не ограничивались только незначительными ответными набегами. Например, поход Идегея на Киев в 1416 г. привел к сожжению Киева и Печерского монастыря, но киевская крепость так и не была взята татарами. Витаутас ответил экспедицией маршалка Радзивилла, которая была осуществлена совместно с Токтамышевичем Керим-Берды [Черкас, 2011б, с. 50; Клепатский, 2007, с. 118; Заплотинский, 2005, с. 42–43; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 182–183]. Под 1419 г. Ян Длугош сообщал о том, что Идегей заключил мир и союз с Витаутасом [Dlugosz, т. 4, 1869, s. 220]. Однако достоверность этого сообщения под вопросом. В то время Идегею уже было не до литовских дел и он погиб в битве с Кадыр-берди. Впрочем, в битве погиб и этот Токтамышевич [Золотая Орда в источниках, 2003, с. 234].

Однако это не остановило нападения татар Улуса Джучи на литовские владения. Ж. Сабитов предполагает, что в 1419–1420 гг. к власти над Улусом Джучи пришел Улуг-Мухаммед [Сабитов, 2009, с. 108–116]. В 1420 г. его войска напали на приграничные земли Великого Княжества Литовского. В 1422 г. Улуг-Мухаммед снова напал на литовское пограничье. Но татар Улуг-Мухаммеда отразили литовские пограничники под командованием Швитригайла. Однако отношения с Улуг-Мухаммедом не ограничивались только войной. Иногда между ним и литовцами возникали ситуативные союзы. Улуг-Мухаммед принял участие в походах Витаутаса на Псков и Смоленск. Вспомогательные та-

тарские отряды принимали участие в походах на владения Тевтонского ордена. Это случилось в 1414 и 1421 гг. На восточных границах Киевщины и Подолья были поселены татары Токтамышевичей, которые покорялись Витаутасу [Черкасс, 2011, с. 51; Ždan, 1930, s. 576–577; Флоря, 2001, с. 174].

В 1424 г. на Верхнее Поочье напали татары Куйдадата брата Улуг-Мухаммеда. Самого Улуг-Мухаммеда в 1424 г. поддерживал Витаутас. О нападении татар Куйдадата на Новосильско-Одоевское княжество сообщал Витаутас в письме гроссмейстеру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорффу. В своем письме Витаутас сообщал, что в земле татар за ханский престол воюют шесть претендентов. Три недели Куйдадат воевал под Одоевом, около восьми дней он пробыл около Тулы и потом двинулся на Рязанское ханство. Против татар выступили князья Юрий Романович Одоевский, Андрей Михайлович из окрестностей Воротынского, князья Андрей и Дмитрий Всеволодовичи из тарусских князей, князья Иван Баба и Иван Путята из друцких князей. Победа была настолько убедительной, что Витаутас упомянул ее в своем письме [Беспалов, 2009, с. 205–210]. В конце правления князя Витаутаса у литовцев был ряд форпостов на Днепровском Правобережье. Это были города и крепости Караул, Черн, Дашов и Тавань [Шабульдо, 2010, с. 68, прим. 37, 69, 70–71, прим. 44, 72; Ždan, 1930, s. 581–585]. Смерть Витаутаса означала конец прежней политики литовских князей.

Важную роль в отношениях между татарами и литовцами сыграл Улуг-Мухаммед. Этот правитель появился в сложные для Улуса Джучи времена. Ибн Арабшах сообщал, что в 830 году хиджры (2 ноября 1426 – 21 октября 1427) был государем Мухаммед-хан (Улуг-Мухаммед). Тем же годом да-

тировано правление в Крыму некоего Даулет-бирди. Сообщалось, что Мухаммед-хан стал править Сараем, а Барак занял земли, граничащие с владениями Тимуридов. Ал-Дженаби утверждал, что перед Кучюк-Мухаммедом хаканами Крымской земли были Токтамыш малый и Улуг-Мухаммед. Этот арабский хронист, живший в конце XVI в., уже не употреблял терминологии, которая относилась к Тахт-эли, но зато считал, что титул хакана мог носить правитель Крыма. Абд ар-Раззак Самарканди упоминал о Мухаммеде-хане, описывая события 1421–1423 гг. Тимуридский хронист сообщал, что в 826 год хиджры (15 декабря 1422 – 4 декабря 1423) Барак-оглан захватил орду Мухаммед-хана. Почти идентичное сообщение упоминалось и в 830 году хиджры (2 ноября 1426 г. – 21 октября 1427 г.). Он был упомянут тимуридским хронистом только потому, что рассматривался как враг Барака и союзник Шахруха. Гаффари упоминал Улуг-Мухаммеда среди сыновей Токтамыша и сообщал, что в 828 г. внук Урус-хана Барак победил Мухаммед-хана и стал царем. Хайдер Рази не упоминал о Улуг-Мухаммеде, но зато знал о сыне Тимур-Кутлуга Мухаммед-Тимуре, который взшел на престол после смерти Барака. Все упоминания о победе Барака над Мухаммед-ханом стоит рассматривать как сведения об утверждении власти Барака над землями около Сарая. По литовским данным, Улуг-Мухаммед находился в сфере влияния Великого Княжества Литовского и был одним из шести воевавших за власть претендентов на сарайский престол. Именно благодаря литовской помощи он смог укрепиться в близлежащих к Литве территориях. В 1430 г. карачибек Айдар напал на приграничные земли Великого Княжества Литовского. Ал-Маркизи, описывая события 1428–1430 гг., указывал, что

много татар умерли от моровой язвы. Следовательно, погибло и много скота. Потери были достаточно значительными, чтобы вынудить татар отправиться в поход на соседей дабы компенсировать себе экономические потери [Зайцев, 2004, с. 57–58; Золотая Орда в источниках, 2003, с. 198, 235, 238–239, 378–379, 398; Беспалов, 2009, с. 205–210].

Войско Айдара взяло город Мценск, а местного воеводу захватило обманом. Улуг-Мухаммед постарался быстро урегулировать этот конфликт с Швитригайлом. О его взаимоотношениях с этим литовским князем главным образом известно из сведений документов Ливонского ордена. Швитригайла доводил до ведома ливонских рыцарей, что хан дал шertz ему. Чтобы обеспечить себе союзные или нейтральные отношения с Ливонским орденом, Швитригайла сообщал, что Петр воевода новгородский вернулся из дипломатической миссии к татарам. Швитригайла доводил до ведома ливонского магистра Пауля тот факт, что Улуг-Мухаммед желает быть с литовцами в мире и если нужно, будет готов предоставить помощь в виде войск. Улуг-Мухаммед дал письменное согласие действовать так, как и его предшественники (имеются в виду литовские ставленники Джалал ад-Дин и Кадыр-берди). В залог дружбы он прислал четырех знатнейших князей (скорее всего, карачибек) и даровал свободу воеводе мценскому Григорию Протасьеву, как и многим другим литовцам, находившимся у татар. Упоминание о татарах служило одной цели. Швитригайла, предвидя конфликт с Польшей, хотел сделать своим союзником Тевтонский орден. Это ему удалось, поскольку 19 июня был подписан договор о союзе между тевтонцами и литовцами. В конце июня началась война. В битве при Стыре около Луцка поляки победили

войско Швитригайла. Йогайла-Владислав II в письме великому магистру сообщал о гибели многих татар в неудачной для Швитригайла битве на Волыни. Ян Длугош сообщал, что битва состоялась на Буге во время переправы поляков и что поляки победили русинов и татар. Марцин Бельский сообщал, что Швитригайла имел помощь от татар (скорее всего, от Улуг-Мухаммеда) и влахов (молдаван). Этот хронист сообщал, что татар и русинов поляки победили около Луцка. Похожие данные сообщал и Мацей Стрыйковский. В битве погибли польские паны Якуб Лигеза, Хенрик Пакославски, Сулислав Сурацки, Якуб Коморовски. В 1431 г. в августе месяце войско Улуг-Мухаммеда тремя отрядами напало на польские владения в Украине. По сведениям Яна Длугоша, они уничтожили значительно оторвавшийся от основного войска польский отряд. Швитригайла перед осадой поляками Луцка отправил Йогайле письма, в которых хан (Улуг-Мухаммед) приказывал польскому королю отдать Швитригайле Подолье. Ян Длугош считал их фальсификатом канцелярии Швитригайла. Молдавский господарь Александр I Добрый атаковал Покутье и Галичину. Молдаване заняли Покутье и атаковали Подолье. Однако на Подолье молдаване были разбиты воинами вельмож Бучацких. 1 сентября Швитригайла заключил перемирие с Йогайлом-Владиславом II и ставил себе в заслугу, что прекратил татарские нападения на польские земли [Зайцев, 2004, с. 57–58; Флоря, 2001, с. 175–176; Грушевський, т.4, 1993, с. 194–196; Babinskas 2008, p. 7; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 412, 415–416, 426–427; Bielski, 1856, s. 607–609; Strykowski, т. 2, 1846, s. 181–183].

13 декабря 1432 г. ливонский магистр сообщал тевтонскому гроссмейстеру о том, что к Швитригайлу прибыло 20 тыс. татар, 50 тыс. молдаван и

50 тыс. от воеводы киевского. Конечно же эти цифры очень преувеличены. Нужно сказать, что участие молдаван в кампании Швитригайла было вынужденным, поскольку в 1428 г. татарский Улуг-Мухаммед и османский султан Мурад договаривались об общих действиях против Афлака, то есть Валахии и Молдавии, которые отделяли друг от друга владения османов и татар. Поскольку на пути находились еще и земли Великого Княжества Литовского, то можно предположить, что и Витаутас в последние годы своей жизни также приложил свою руку к осуществлению замыслов Улуг-Мухаммеда. Союзниками Швитригайла Ян Длугош также называл бессарабов, то есть влахов [Зайцев, 2004, с. 57–58; Флоря, 2001, с. 176; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 437, 451].

В Великом Княжестве Литовском у Швитригайла были враги, которые организовали переворот. Это была партия литовцев, недовольных засилием русинов при Швитригайле. Переворот в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. удался. Великим Князем Литовским стал Сигизмунд Кейстутович. Под властью Швитригайла остались только земли русинов. 8 декабря 1432 г. в битве при Ошмяне в войске Швитригайла воевали татары. Сражались татары и в Подолье. Вместе с ними там действовали молдаване. 24 декабря 1432 г. перед Рождеством посланцы Федька Несвижского донесли весть о победе войска Швитригайла из русинов, татар и влахов над поляками. Это были известия о битве под Копыстерином около Мурафы. Войско Швитригайла атаковало поляков при переходе через реку и чуть не уничтожило польское войско. Но подход подкреплений спас ситуацию. Поляки даже сообщали о своей победе, говоря о многих тысячах убитых неприятелей и захвате двенадцати их хоругвий. Каждая из сторон счи-

тала себя победившей в этой битве. По мнению Б. Флори, Людвиг Ландзее (Ланце) имел доступ к переписке Швитригайла с Улуг-Мухаммедом. Он передавал слова хана, сообщая, что тот ради союза с Швитригайлом готов сесть на коня [Флоря, 2001, с. 176; Грушевський, 1993, т. 4, с. 210–211; Гваньїні, 2009, с. 334; Babinskas, 2008, p.9; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 437, 451–454; Bielski, 1856, s. 618]

6 января 1433 года посол Ливонского Ордена в Литве командор Людвик Ланце из Вейтвиска сообщал, что хан Махмет (Улуг-Мухаммед) намерен сам прийти с помощью к Швитригайлу или же прислать военачальников и союзников. В другом письме гроссмейстеру от 11 февраля того же года было написано, что хан отправил к Швитригайлу пять князей (огланов) с 10 тыс. войска. С этими силами Швитригайла хотел идти на Литву [Зайцев, 2004, с. 59; Флоря, 2001, с. 177].

Письмо Швитригайла великому магистру от 3 мая 1433 г. содержит интересные данные. Литовцы отправили к татарам несколько миссий. Первую возглавлял Михаил Арбанасс. Его отправили в Орду к «царю Магметю» (Улуг-Мухаммеду). Второе посольство возглавил Ивашко (Ян) Монивидович. После этих миссий к Швитригайлу должно было прибыть 20 тыс. воинов со многими уланами. Однако они не смогли прибыть зимой ввиду многочисленных снегопадов. Сообщалось, что вместо этого Улуг-Мухаммед обязывался отправить на помощь Швитригайлу своего наследника Мамутяка (Махмудека) и своих зятьев – беков Айдара и Елбердея. Улуг-Мухаммед называл Швитригайла своим братом и говорил, что исполняет договор с ним. В письме упоминалось о действиях татар в войске Федька и сообщалось, что татарских войск у Федька достаточно. С

осени 1433 г. в письмах Швитригайла упоминается уже иной татарский хан – Саид-Ахмед. Кроме того, молдавский господарь действовал в союзе с воеводами Швитригайлы весной 1433 г. [Зайцев, 2004, с. 59; Флоря, 2001, с. 177; Babinskas, 2008, p. 8].

Сообщая эти данные, Швитригайла несколько лукавил, поскольку татары не пылали желанием оказывать ему помощь и их точно не было настолько много, как изображал Швитригайла. Войска Айдара и Елбердея в 1433 г. вторглись в Литву и опустошили окрестности Вильнюса, Тракая и Лиды, но, по сведениям Яна Длугоша, возвращаясь в степи, опустошили Киевскую и Черниговскую земли. Возможно, Сигизмунд Кейстутович перекупил татар Улуг-Мухаммеда. В Густынской летописи сказано, что в 1433 г. Швитригайла привел татар на Литву и Ляхов. Сообщалось, что военные отряды Айдара и Елбердея, поданных Улуг-Мухаммеда, видя силу литовцев и поляков, не воевали против них, а идучи назад через Киевскую землю много местностей опустошили и многих забрали в плен. Поворот в политике замечен был еще и потому, что летом 1433 г. новый молдавский господарь Илья присягнул на верность Польше. Мацей Стрыйковский сообщал, что отряды Улуг-Мухаммеда на Подолье победил господарь Штефан II, соправитель господаря Ильи I. Союз Швитригайла с Улуг-Мухаммедом оказался не таким уже твердым и именно поэтому Швитригайла был вынужден прибегнуть к услугам Саид-Ахмеда. Когда армия Саид-Ахмеда атаковала земли Подолья и Русского воеводства, им навстречу вышли войска молдаван и отбили ее нападение. Молдаване взяли Брацлав и позволили полякам перехватить инициативу на Подолье. Воеводы Швитригайла Федько и Нос могли рассчитывать на помощь татар Саид-Ахмеда, которые жили на Подо-

лье [Грушевский, 1993, Т.4, с. 215; Флоря, 2001, с. 180; Babinskas, 2008, p. 8; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 475-476, 480-481; Bielski, 1856, s. 625-626; Густынская, 2003, с. 133-134; Strykowski, т.2, 1846, s. 189].

В документе от 11 апреля 1434 г. Швитригайла сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл его посол Немиза (Немиря) с известием, что сам хан готов двинуться в поход на помощь Швитригайлу. Сообщалось, что войско Саид-Ахмеда уже находится в пути в Киевщину и что Ян Монивидович послан его встречать. По сведениям одного из духовных лиц Тевтонского ордена, отряды Саид-Ахмеда участвовали в битве при Вилькомире в 1435 г. Однако эта битва закончилась для Швитригайла неудачно. Он потерял Полоцк, Витебск и Смоленск. Удержать ему удалось только Киевщину и Волынь. В документе полоцкого епископа сохранились данные о военных действиях на Подолье. Отряд во главе с братом познаньского епископа Чиолекком был уничтожен татарами, а сам Чиолек погиб в бою. В 1434 г. Швитригайла сообщал, что пришедших к нему Одоевских князей хан отдал ему во владение. В 1436 г., опасаясь нападения войск Саид-Ахмеда, молдавский господарь Илья I заключил договор с Сигизмундом Кейстутовичем, обязываясь оказывать друг другу помощь против всех врагов, кроме Польши. В документе от 24 февраля 1436 г. сообщалось, что хан Улуг-Мухаммед прибыл к нему на помощь и стоит у Киева. В то же время Владислав III договаривался с молдаванами о совместных действиях против армии Саид-Ахмеда. В апреле ливонский магистр сообщал гроссмейстеру Тевтонского ордена, что войска Швитригайла вместе с отрядами Саид-Ахмеда опустошили Подолье. Татарский хан, упомянутый в письме от 24 февраля 1436 г., это, конечно

же, Саид-Ахмед. 29 ноября в письме из Луцка Швитригайла сообщал, что дела идут хорошо, упоминал о Седрахмете (Саид-Ахмете), который победил Махмета (Улуг-Мухаммеда) и готов прийти на помощь к нему. С 1433 г. Улуг-Мухаммед был союзником Сигизмунда. Также союзником этого великого князя Литвы был и Хаджи-Гирей. Р. Беспалов предполагает, что союз Сигизмунда с Улуг-Мухаммедом в конце 30-х гг. XV в. В сентябре 1437 г. Швитригайла сообщал, что киевский воевода Юрша совместно с пришедшими ему на помощь отрядами Саид-Ахмеда разбил войско, посланное захватить Киев. В плен было захвачено 130 знатных пленников и 7 знамен. Но в 1437 г. уже было видно, что борьба Швитригайла за корону великого князя проиграна. В 1436–1438 гг. Швитригайла попробовал привлечь на свою сторону конфедерацию подольской и русской (галицкой) шляхты, но Сигизмунд сумел их переманить на свою сторону. В 1438 г. войско панов Русского и Подольского воеводств во время действий на Подолье было разбито, а его предводитель – подольский староста Михал Бучацкий был убит татарами. По данным письма Сигизмунда к великому магистру Тевтонского ордена, в январе 1439 г. Луцк оказался в руках Сигизмунда [Зайцев, 2004, с. 59; Флоря, 2001, с. 178, 180 – 181; Грушевський, т.4, 1993, с. 220–226, 232–235; Гваньїні, 2009, с. 335–336; Babinskas, 2008, р. 9; Dlugosz, т. 4, 1869, s. 531–532; Bielski, 1856, s. 635–637, 645–646; Strykowski, т. 2, 1846, s. 198; Беспалов, 2012, с. 57–58].

После смерти Сигизмунда в 1440 г. партии знати достигли консенсуса. Казимир IV стал великим князем литовским. Швитригайлу было оставлено Волянь, а также Гомель и Туров. В то же время Олельку Владимировичу было отдано Киевское княжение.

Земли, которые долго поддерживали Швитригайла, получили своих князей. Восстания же в Жемайтии и Смоленске были подавлены. После гибели Владислава III в битве под Варной Казимир стал польским королем. С тех пор он начал проводить пропольскую политику, что вызвало недовольство литовских панов. После смерти Швитригайла было ликвидировано Воляньское княжество, и оно снова превратилось в провинцию. Поляки хотели включить ее в состав Короны Польской, но этому воспротивились Юрий Пинский, Радзивил и Юрша, которые прибыли на Волянь с войском. Было решено оставить Волянь Великому Княжеству Литовскому [Грушевський, т.4, 1993, с. 237–243].

Одной из знаковых персон 40–50-х гг. был Саид-Ахмед-хан. О его происхождении в источниках крайне противоречивые данные. Халим-Гирей считает Саид-Ахмеда двоюродным дядей Хаджи-Гирея, то есть сыном Токтамыша. В «Муизз ал-Ансаб» Саид-Ахмед был назван среди сыновей Токтамыша. В послании Швитригайла тевтонскому магистру Саид-Ахмед был назван Sydachmatch Vexubowitz. При переговорах Швитригайла с Йогайла-Владиславом II литовский князь упоминал, что при нем находился сын татарского императора. Таким образом, можно предположить, что Саид-Ахмед – это сын Токтамыша. По мнению В. Трепавлова, Саид-Ахмед родился и вырос в Литве. Он рассматривался Швитригайлом как наиболее удобная креатура на золотоордынский престол. Когда Улуг-Мухаммед в 1433 г. перекинулся на сторону Сигизмунда, было решено возвести Саид-Ахмеда на престол. Уже в 1434 г. магистр Тевтонского Ордена получил известие о взошедшем на престол с литовской помощью татарском хане. Русский исследователь считает, что государства в это

смутное время не имели определенных границ, но ядро орды Саид-Ахмеда можно отметить на востоке Доном, на западе Днепром, на севере левыми притоками Дона и, может быть, Окой, а на юге Перекопским перешейком. Исследователь отмечает, что в русских источниках отличали «Сади-Ахметьевы Орды» от «Большие Орды». Интересно, что в 1441 г. вместе с Саид-Ахмедом упоминался тот же Айдар, который в 1430 и 1433 гг. напал на владения Швитригайла [Трепавлов, 2010, с. 45–48; Беспалов, 2012, с. 58].

Отдельно стоит сказать о внешней политике Саид-Ахмеда. В 1443 г. Саид-Ахмед захватил Крымский вилает и был провозглашен там ханом. На это свершение его вдохновил мирза Айдар из рода кунгратов. Правда, Ширины и Барыны недолго терпели его на престоле и во главе с беком Тегинной при помощи Радзивила, польского короля и литовского князя Казимира IV возвели на крымский престол Хаджи-Гирея. Борьба за этот престол продолжалась до 1449 г. и закончилась победой Хаджи-Гирея. В 1438 г. Кучюк-Мухаммед, который сверг Улуг-Мухаммеда, был вынужден уступить Саид-Ахмеду земли по Северскому Донцу. В глазах русских и крымских татар Саид-Ахмед был вполне легитимным правителем. Во владениях Саид-Ахмеда находилось Кучугурское городище и к нему перебежали царевичи от Улуг-Мухаммеда. Монетный чекан Саид-Ахмеда был Орду-Базар или просто Орду. По данным Швитригайла, во главе войска Саид-Ахмеда стоял беклярибек Бато (Баты). Позже эту должность занимал Айдар из кунгратов. В 1452 г. староста Подолья получил от короля Казимира IV упоминки для хана и четырех карачи-беков. Саид-Ахмед был союзником литовских панов, которые находились в оппозиции к Казимиру [Трепавлов, 2010, с. 49–52].

Литовские паны пропускали войска Саид-Ахмеда при походе на Молдавию. Быстрицкая летопись сообщала, что в 1438 г. княжество было атаковано татарами. 28 ноября отряды Саид-Ахмеда разорили молдавские земли до Ботошаны. В 1439 г. состоялся повторный поход татар. Они сожгли Васлуй и Бырлад. Н. Бабинскас датировал эти походы 1439 и 1440 гг. соответственно. Эти походы вынудили молдаван искать союза с Великим Княжеством Литовским. Александр Гванини считал, что в 1438 г. Саид-Ахмед разбил на Подолье литовское войско. Но на самом деле в этом году на Подолье было разбито польское войско. По данным Яна Длугоша в битве погибли Михал Бучацкий, Скарбек из Горы, Миколай Гиза, Ян Кола. Марцин Бельский ограничился только описанием похода Саид-Ахмеда на Подолье и победы татар над поляками. События были им датированы 1438 г. [Грекул, 1976, с. 25; Гваньїні, 2009, с. 141; Babinskas, 2008, p. 9; Dlugosz, т.4, 1869, s. 549–550; Bielski, 1856, s. 644–645].

В степях продолжалась борьба за верховенство. Воевали между собой Кучюк-Мухаммед и Улуг-Мухаммед. На сторону Кучюк-Мухаммеда перешел эмир Науруз б. Идегей. Улуг-Мухаммед победил бека Мансура. В 1438 и 1439 гг. он упоминался в Никоновской летописи. В ярлыках крымских ханов великим князем литовским он упоминался как Machmet. В первой половине 40-х гг. он еще продолжал борьбу за престол. В 1445 г. войска Улуг-Мухаммеда и Казимира напали на московские земли. В том же году Махмутек (сын Улуг-Мухаммеда) занял Казань, убил казанского князя Али-бея (Галим-бека) и сам стал правителем Казани. Он правил Казанским ханством совместно с отцом, а с 1447 г. стал его единственным властителем [Беспалов, 2012, с. 61–66].

К Саид-Ахмеду совершил дипломатическую поездку Теодор Буцацкий. Татарский посол потом навестил Владислава III в Буде. В сентябре-октябре 1442 г. Теодор Буцацкий получил деньги от короля на уплату упоминков хану и четырем карачи-беям. Нужно сказать, что по данным Яна Длугоша перед этим татары вторглись в Подолье и в Русское воеводство в 1442 г. Перед 1443 г. Марцин Бельский также сообщал о нападениях татар. В 1442 г. молдавский господарь Илья I в своем проекте договора предложил литовцам союз, по которому Молдова и Литва стали союзниками, однако обязывались не воевать против Польши и Венгрии. Казимир отклонил этот договор и не счел необходимым заключать договор с молдаванами против татар. Союз с Казимиром IV в 1447 г. заключил Штефан II, который сверг Илью в 1444 г. Союз с молдаванами был продуктивным. После разгрома Саид-Ахмеда молдаване отвлекли на себя силы его наследников. В 50-х гг. молдаване отбивали их нападения. Восшествие на молдавский престол Штефана III внесло свои коррективы в систему международных отношений в Восточной Европе. В письме молдавского господаря польско-литовскому королю Казимиру IV от 1462 г. сообщается, что сыновья Саид-Ахмеда находятся у Штефана III. Молдавский господарь заявил, что не собирается их выдавать ни влахам, ни литовцам, ни Хаджи-Гирею. Сыновья Саид-Ахмеда находились у него вместе с огланами и беками. Молдавский господарь сам хотел разыграть татарскую карту и только воцарение Менгли-Гирея и установление вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи помешали этому [Зайцев, 2004, с. 83; Флоря, 2001, с. 182–184; Babinskas, 2008, p. 10–11; Długosz, т. 4, 1869, s. 631–632; Bielski, 1856, s. 674].

Такое независимое поведение вызвало реакцию у Османов и Гиреев. В 1470 г. во владения Княжества Молдавия вторглись войска Менгли-Гирея. Штефан III 20 августа 1470 г. дал бой войскам крымских татар в дубраве Липница и одержал над ними победу. В 1471 г. крымские татары решили снова вторгнуться на территорию Молдавии и снова получили отпор [Зайцев, 2004, с. 87].

Казимиру IV приходилось нелегко, поскольку Саид-Ахмед оказывал давление на границы Литвы и Польши. Татары добивались от Казимира возвращения Михаилу Сигизмундовичу родовых владений. Михаил Сигизмундович был лидером партии литовских панов, недовольных унией с Польшей. Пока этот Гедиминович оставался в большой политике, великий князь литовский и король польский не мог надеяться на мир с татарами. В связи с подготовкой к войне Казимир IV в 1448 г. ходатайствовал о передаче ему части доходов польской церкви. В 1448 г. Саид-Ахмед совершил нападение на Подолье. По явно гиперболозированным и нереалистичным данным Мацея Стрыйковского они взяли замки Скалы, Бакоты и Каменца-Подольского. В 1449 г. Саид-Ахмед поддержал Михаила Сигизмундовича. С татарской помощью этот княжич на некоторое время занял Киев. Перед этим он взял Стародуб и Новгород-Северский. Очевидно, что при занятии этих городов не обошлось без помощи русинов. Казимир IV сообщал в письме великому магистру Тевтонского ордена от 26 августа 1449 г., что он разбил своих неприятелей. На помощь Казимиру IV пришел посланный московским князем Василием Темным татарский царевич Якуб, который был сыном Улуг-Мухаммеда. Такая помощь от московского князя была продиктована тем, что Саид-Ахмед также угрожал и московским владениям.

Касим, сын Улуг-Мухаммеда, отразил набег отрядов Саид-Ахмеда на владения Великого Моковского Княжества. В 1449 г. Хаджи-Гирей изгнал войска Саид-Ахмеда из Крыма. Однако Саид-Ахмед вовсе не был разгромлен. В 1450 г., воспользовавшись войной поляков с молдаванами, татары Саид-Ахмеда вторглись в Подолье и Галичину. Эти события Мацей Стрыйковский датировал 1451 г. Татары дошли до Городка в Галичине и замка Олесько в Белзской земле. Многие села в окрестностях замка были опустошены. Когда польские войска возвращались из похода в Молдавию, они уже не успели догнать татар Саид-Ахмеда. Нельзя сказать, что Казимир IV спокойно смотрел на это. В 1451 г. посол графа бургундского во время визита к польскому королю получил сведения о войне поляков с татарами Саид-Ахмеда, а Папа Римский дал Казимиру IV половину от доходов с Польши для отражения вторжений татар. В 1452 г. Казимир IV выслал с войском Яна из Чыжова и воеводу краковского Яна из Тенчина для обороны границ. Их должен был поддерживать и молдавский господарь Александрэл. В 1452 г. перед днем Иоанна Крестителя отряды Саид-Ахмеда напали на Подолье. Они разорили много местностей края и взяли замок Ров. В плен был захвачен Збигнев Рей вместе со всей своей семьей. Татарами был предпринят большой поход на Галичину. Составитель Гусынской летописи сообщал, что в 1452 г. татары сожгли город Бар, опустошили Подолье и Галичину до Львова. Во время этого похода войсками Саид-Ахмеда было захвачено много пленных. Литовские паны планировали свергнуть Казимира и поставить на его место Мартина Гаштольда. Мартин Гаштольд и Ян Монивидович отправили к Саид-Ахмеду посольство Радзивила с дарами [Трепавлов, 2010, с. 54–55; Флоря, 2001,

с. 186–187; Dlugosz, т. 5, 1870, s. 56–57, 72–73, 91–92, 104, 109–110; Гваньїні, 2009, с. 147; Густынская, 2003, 136; Strykowski, т. 2, 1846, s. 227, 229–231, 234–235].

Ян Длугош приписывал заслугу победы над Саид-Ахмедом Хаджи-Гирею. В письме от 26 августа 1449 г. Казимир IV выдвинул кандидатуру своего татарина против Саид-Ахмеда. Это был Хаджи-Гирей. Недовольные Саид-Ахмедом татары прислали своих послов в Киев. К Казимиру IV обратились представители родов Ширинов и Барынов, недовольные засилием кунгратов. Казимир IV писал великому магистру Тевтонского ордена, что в день отправки письма посланный им татарин сумел занять ханский престол. В 1452 г. к Казимиру прибыли послы от Ширинов и Барынов, которые просили, чтобы крымским ханом им был назначен Хаджи-Гирей. Вместе с Хаджи-Гиреем в Крым прибыл Радзивил Остикович. Однако окончательная победа над Саид-Ахмедом произошла позже. В 1451 г. польские дипломаты снова вели переговоры о предоставлении польскому королю части доходов церкви для войны с Саид-Ахмедом. В 1452 г., по версии Яна Длугоша, Хаджи-Гирей неожиданно напал на улус Саид-Ахмеда. Сам же Саид-Ахмед спасался бегством к Киеву, где его арестовали и отправили к Казимиру IV. После этого Саид-Ахмед находился под домашним арестом в Каунасе. Версию Яна Длугоша потом приняли Александр Гваньини и Мацей Меховский [Dlugosz, т. 5, 1870, s. 110–111; Kolodziejczyk, 2011, p. 12–13; Трепавлов, 2010б, с. 55; Флоря, 2001, с. 188–191; Гваньїні, 2009, с. 147; Меховский, 2009, с. 91]. В. Трепавлов считает, что после 1452 г. орда Саид-Ахмеда была обезглавлена и часть его людей, не желая покоряться ханам победителям, пополнила ряды формирующихся донс-

кого и запорожского казачества и вела вольную жизнь, нападая на русские и литовские земли. Сам же Саид-Ахмед жил в Литве. Бывшего хана очень хорошо охраняли, дабы он не вернулся в степи [Трепавлов, 2010б, с. 55–56; Флоря, 2001, с. 189–191; Strykowski, т. 2, 1846, s. 212–213].

Это нужно было для того, чтобы держать Хаджи-Гирея в фарватере политики Казимира. В 1453 г. ходили слухи, что литовские паны хотели свергнуть Казимира с помощью татар, но этому помешал Хаджи-Гирей. В 1453 г. Саид-Ахмедовы татары совершили поход на Теребовль и разорили земли около Луцка. Татары увели 9 тыс. пленных. Под 1457 г. в Густынской летописи отмечено, что татары опустошили многие местности на Подолье и что Варфоломей Буцацкий был побежден татарами. Орда Саид-Ахмеда беспокоила соседей вплоть до 1462 г., когда сыновей Саид-Ахмеда взял в плен Штефан III Великий. В 1456 г. сын Хаджи-Гирея Айдер совершил государственный переворот и провозгласил себя ханом, но уже после ноября того же года он бежал в Литву, а ханом снова стал Хаджи-Гирей. Однако это не означало конца дипломатических переговоров между литовскими панями и татарами. Длугош под 1461 г., сообщая о татарском посольстве в Польшу, указывал, что Хаджи-Гирей обещал никогда не нападать на Подолье. Он обращал внимание польско-литовского короля на то, что литовцы агитировали его это сделать. Так или иначе, литовские паны видели теперь уже в крымском хане своего природного союзника против Польши. Литовскими панями, которые хотели свергнуть Казимира IV, могли быть Олельковичи. Однако, пока был жив Хаджи-Гирей, эти замыслы не могли быть реализованы. В 1465 г. Хаджи-Гирей разбил войска Мухаммеда (Махмуда) или Ахме-

да (Ахмата). Ян Длугош, сообщая о прибытии к Хаджи-Гирею послов от Папы Павла II сообщал, что незадолго до прибытия посольства Хаджи-Гирей разбил хана Заволжской орды (Большой Орды). Папа Римский хотел привлечь крымского хана к союзу против османских турок. В 1467 г. умер хан Хаджи-Гирей и на его место пришел Нур-Девлет. Новый хан заверял, что он будет продолжать политику своего предшественника, и дал Казимиру IV шерт-наме. Также Нур-Девлет отправил посольство в Большую Орду. Нур-Девлет вступил в борьбу за престол и хотел заручиться поддержкой соседей в этой борьбе. Однако уже в 1468 г. его сместил Менгли-Гирей, новый правитель, которому было суждено изменить ход развития Восточной Европы. Установление вассалитета Крымского ханства от Османской империи избавило Гиреев от необходимости оглядываться на Гедиминовичей [Грушевский, 1993, т.4, с. 319, 326–327; Флоря, 2001, с. 189–192; Зайцев, 2004, с. 83–86; Гайворонский, 2010, с. 47–50; Kolodziejczyk, 2011, p. 534–535; Густынская, 2003, с. 137].

Нужно сказать, что татарский фактор хотели использовать в своей политике и Гедиминовичи, которые не имели титула Великого Княжества. После гражданской войны в Великом Княжестве Литовском в 1440 г. было восстановлено Киевское княжество. Его возглавляли потомки Владимира Ольгердовича – Олельковичи. Киевское княжество обратило свои взоры на юг. К ним перешло большинство прежних владений Кориатовичей. Это была территория Брацлавщины. Также к ним перешли крепости Маяк, Черн, Дашев, Балаклея. На юге владения Олельковичей ограничивало Черное море, на востоке – нижнее течение Самары, Северский Донец и Тихая Сосна, на западе – реки Мурафа и Днестр. Сосед Олельковичей молдав-

ский господарь Штефан III Великий называл Семена Олельковича киевским царем [Русина, 1998, с. 128–129; Трепавлов, 2010, с. 45–48]. Во второй четверти XV в. с Киевским княжеством взаимодействовали не единый Улус Джучи, а отдельные ханства. Они попытались сыграть значительную роль в политике Восточной Европы середины XV в. После крушения Орды Саид-Ахмеда к ним перешел Улус «Семеновых людей». Киевское княжество нависало над территориями кочевания крымских татар. Пребывавший в сложной геополитической ситуации Хаджи-Гирей был просто вынужден мириться с тем, что часть Орды Саид-Ахмеда стала принадлежать Олельковичам [Шабульдо, 2010, с. 57–73; Трепавлов, 2010, с. 45, 55].

Улус «Семеновых людей» стал предметом домогательств Менгли-Гирея, который указывал на их принадлежность его предшественникам, в том числе Саид-Ахмеду. Усиление киевских князей явно не нравилось Казимиру IV. После смерти Семена Олельковича Казимир IV назначил в Киев своего наместника Мартина Гаштольда и упразднил Киевское княжество. Была уничтожена прежняя вертикаль власти, которую выстраивали Олельковичи. Паны из других земель получали земли на Киевщине, а служивый элемент размывался. Вместо отлаженной системы обороны края литовцы в 1482 г. могли противопоставить крымским татарам только островки сопротивления, не связанные между собой. Упразднение княжеской администрации сыграло роль в падении Киева. Ян Ходкевич узнал о крымско-татарском войске за четыре дня до осады. Пограничная служба на Киевщине пришла в полное расстройство при правлении воевод. Очевидно, Казимир боялся собственных вассалов больше, чем татар. И боялся он не зря. В 1481 г. Казимир IV казнил

участников «заговора князей», в котором приняли участие Михаил Олелькович, Иван Юрьевич Гольшанский и Федор Бельский. Нужно сказать, что среди участников заговора были сильны промосковские настроения. Династия Олельковичей вообще отличалась симпатиями к Великому Княжеству Московскому. Целью заговора была попытка свергнуть Казимира IV. Великого князя планировалось убить, а на его место поставить Михаила. В число заговорщиков входил и Ян Ходкевич. Правда, он был тайным агентом великого князя и он передал планы заговорщиков королю. Ян Ходкевич в 1482 г. был наказан судьбой, когда крымские татары взяли Киев и взяли его в плен. Ян Ходкевич умер в Крыму. Крымско-татарское войско пришло на землю, которая была расколота на два лагеря – сторонников Олельковичей и сторонников Казимира IV. Не исключено, что бывшие сторонники Олельковичей пропустили татарское войско к Киеву. Поход Менгли-Гирея на Киев состоялся с одобрения Ивана III. Поддержка Казимиром выступления хана Большой Орды Ахмата против Великого Княжества Московского привела к набегу крымских татар на Подолье в 1480 г. и сложению альянса между Менгли-Гиреем и Иваном III. Казнь москвофилов в Великом Княжестве привела к походу Менгли-Гирея в 1482 г. и разрыву шерти между Казимиром IV и крымским ханом. Литовцы оказались не готовы к отражению набега и, кроме Киева, крымские отряды взяли еще 11 городов в Киевской земле [Шабульдо, 2010, с. 57–73; Русина, 1998, с. 129–131, 141–148; Черкас, 2011б, с. 53–54; Ульяновский, 2005, с. 357–373].

Отношения между Гедиминовичами и Джучидами в 1380–1468 гг. прошли несколько этапов. Первый из них начался с похода Токтамыша на Киевское княжество в 1380–1381 гг.

Вследствие похода Тамерлана Улус Джучи рассыпался на несколько отдельных владений, часть из которых покорил Витаутас. Второй этап можно датировать 1399–1419 гг., когда между Великим Княжеством Литовским и Улусом Джучи наблюдалось равновесие. Витаутас успешно противодействовал Идегею, опираясь на татарскую диаспору, которая образовалась в Литве с переселением Токтамышевичей в Литву. Третий этап датируется 1420–1430 гг. и характеризовался безусловной зависимостью Джучидов от Литвы. Четвертый этап датируется 1431–1452 гг., когда и Улус Джучи, и Великое Княжество Литовское переживали

эпоху междоусобиц. Отношения Джучидов с Гедиминовичами диктовались политической конъюнктурой. Из всех Гедиминовичей он был союзником только Швитригайла, а симпатии к Сигизмунду Кейстутовичу диктовались поддержкой союзных Саид-Ахмеду панов. Эпоха закончилась поражением Саид-Ахмеда от Оленьковичей и утверждением в Крыму Хаджи-Гирея, который пользовался поддержкой поляков и литовцев. Последний пятый этап датирован 1452–1468 гг. В это время Хаджи-Гирей пребывал в русле политики Казимира IV, не осмеливаясь на набеги и уступив Семену Оленьковичу улус «Семеновых людей».

Литература

Березин И.Н. Ярлик Тохтамыш: второе возвращение // Эхо веков. №1–2. Казань, 1998. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057

Беспалов Р. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом в 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. музей-заповедник Куликово поле, 2009. – С.205–210.

Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: От Белева до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 53–70.

Білецька О. Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Монографія – Одеса: Астропринт, 2004. – 416 с.

Заки Валиди Тоган. Восточно-европейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.209–225.

Гайворонский О. Повелители двух материков. – Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. – К.-Бахчисарай: Майстерня кнѣгы – Бахчисарайский историко-культурный заповедник. – 2010. – 400 с.

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. – К.: Вид. Дім Києво-Могилянська Академія, 2009. – 1008 с.

Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме Иеромонаха Матфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского, 2003. – С. 562–589.

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XIV/Matfei/text.phtml?id=9427>

Грекул Ф.А. Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. – М.: Наука, 1976. – 151 с.

Грушевський М.С. Історія України-Руси – Киев: Наукова думка, 1993. – Т.4. – 544 с.

Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 40. – М.: Дмитрий Буланин, 2003. – 202 с.

Десей О. Обоснование Актава из Золотой Орды в Османской Империи во времена Йылдырма Баязида // Золотоордынская цивилизация –Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010 – С. 202–209.

Зайцев И.Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. – М.: РУДОМИНО, 2004. – 216 с.

Заплотинський Г. Емір Едігей: основні віхи державницької політики // Український історичний збірник. – Вип.8. – К.: Інститут історії України, 2005. – С. 33–53.

Золотая Орда в источниках. – Т.1: Арабские и персидские сочинения. Составление, вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. – М.: ЦИВОИ. – 448 с.

Исхаков Д.М. Исторические очерки. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 164 с.

Клепатский П.Г. Очерки по истории земли Киевской: Литовский период. – Біла Церква: Вид. О. В. Пшонківський, 2007. – 480 с.

Костюков В.П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г., в: Золотоордынская цивилизация. – Вып. 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 172–183.

Мавріна 2006 а – *Мавріна О.С.* Від улусу Золотої Орди до Кримського ханства: особливості політичної еволюції // Сходознавство – № 33–34. – К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006. – С. 108–119.

Мавріна 2006 б – *Мавріна О.С.* Протистояння Тимура і Тохтамиша та зміна політичної ситуації на півдні Східної Європи наприкінці XIV ст. // Сходознавство – № 35–36. – К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006 – С. 66–76.

Мавріна О. Кримське ханство як спадкоємець Золотої Орди // Україна-Монголія: 800 років у контексті історії. – К.: НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського НАН України, 2008 – С. 27–34.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. – Рязань: Александрия, 2009. – С. 1–274.

Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода Токтамыш-хана. – Казань: Алма-лит, 2003. – 163 с.

Миргалеев И. М. «Черный человек». Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 183–197.

Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак-Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). – Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 170–182.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.

Пономарев А.Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова. – Вып. 2. – Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 18–21.

Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. – К.: Видавничий дім Альтернативи, 1998. – 320 с.

Русина Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева Тьма // Славяне и их соседи – Вып. 10. – М.: Наука, 2001 – С. 144–152.

Русев Н. Молдавия в темные века: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum Plus.– СПб.–Кишинев: Высшая антропологическая школа, 1999. – № 5. – С. 379–407.

Сабитов Ж.М. Золотоордынский клан Бек-Суфи: история и вопросы генеалогии // Золотоордынское наследие. – Вып. 1. – Казань: Фэн, 2009. – С. 180–183. <http://www.proza.ru/2011/08/02/800>

Сабитов Ж.М. Таварих-и гузида-йи нусрат нама как источник по генеалогии Джучидов // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 2. – Казань: Фэн, 2009. – С. 108–116. <http://www.proza.ru/2011/08/02/798>

Селезнев Ю.В. Деятельность хана Джелал ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы // Studia Slavica et Baltica Petropolitana – № 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011 – С. 46–52.

Свентославский В. Татары на территории Тевтонского ордена в Пруссии // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова, Казань, 29–30 марта 2011 г. – Вып. 2. – Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011 – С. 73–77.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. – К. – Полтава: Ахеологія, 2004. – 82 с.

Торнский анналист/ Перевод с лат. и комм. И. Дьяконов. Электронная версия 2011. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frametext.htm

Трепавлов В.В. Предки Мамай-царя. Киятские беки в Подлинном родослове князей Глинских // Мамай. Опыт исторической антологии – Казань: Изд-во «Фэн» РТ, 2010. – С. 136–170.

Трепавлов В.В. Большая Орда. – Тахт эли. Очерк истории. – Тула: Граф и К., 2010. – 112 с.

Ульяновський В.І. Київський воєвода в Криму // Сугдейський збірник. – Вып.2. – Киев-Судак: Академперіодика, 2005. – С. 357–373.

Шабульдо Ф.М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo poimanu iki Napoleono. – Вильнюс: Вага, 2001 – С. 95–106.

Шабульдо Ф.М. Семеновы люди: их территории и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // Ruthenica – № 9. – К.: Інститут історії України, 2010 – С. 57–73.

Черкас Б.В. Поход Токтамыша на Великое Княжество Литовское // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 167–169.

Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. – К.: Темпора, 2011. – 144 с.

Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века // Славяне и их соседи. – Вып. 10. – М.: Наука, 2001. – С. 172–196.

Babinskas N. Политические отношения Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430–1447 гг. // Revista de Istorie a Moldovei. – № 3. Iulie-septembrie. – Chisineu: Institutul de Istorie, 2008. – P. 3–15.

Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polski Ksiąg Dwanascie. T. 3. Ks. IX–X/ Przekład Karola Mecherzynskiego. Krakow: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1868.

<http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=894&dirids=15>

Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. – T. 4. – Ks. XI, XII — Kraków: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1869.

<http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>

Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego – T. 5 – Ks. XII — Kraków: W drukarni «Czaszu» W. Kirchmayera, 1870.

<http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=897&dirids=15>

Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th -18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. – XXXVI, 1109 p.

Kronika Polska *Marcina Bielskiego*. T.1. Księga I-III. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856.

<http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>

Kronika polska *Marcina Kromera biskupa Warmińskiego* Księg XXX. – Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857.

Kuczynski S. M. Sine Wody (Rzecz o wyprawie Olgerdowej 1362 r.) // *Kuczynski S. M.* Studia z dziejow Europy Wschodniej X–XVII w. – Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1965. – S. 135–179, 221–226.

Pelenski J. The contest between Lithuania-Rus and the Golden Horde in the Thourteenth century for supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi – Vol. II – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1982 – P.303–320.

Scriptores Rerum Prussicarum: Die Geschichtquellen der Preussecher Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Ed. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke – Band. 3 – Leipzig, 1866 – S. http://books.google.de/books?id=-4AOAAAAAAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszytkiej Rusi. – T. II. – Warszawa: Nakład Leona Gustava Glukenberga Księgarza, 1846.

Żdan M. Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego – Rocznik VII – Zeszyt 3–4. – Wilno, 1930. – S. 529 – 601.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За предоставление перевода отрывка хроники Абд ал-Гаффара Кырыми о Сайид Ахмеде хочу выразить благодарность Ильясу Мустакимову.

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу отношений между Джучидами и Гедиминовичами в 1380–1468 гг. Отношения между Гедиминовичами и Джучидами в 1380–1482 гг. прошли несколько этапов. Первый из них начался с похода Токтамыша на Киевское княжество в 1380–1381 гг. Вследствие похода Тамерлана Улус Джучи рассыпался на несколько отдельных владений, часть из которых покорил Витаутас. Второй этап можно датировать 1399–1419 гг., когда между Великим Княжеством Литовским и Улусом Джучи наблюдалось равновесие. Витаутас успешно противодействовал Идегею, опираясь на татарскую диаспору, которая образовалась в Литве с переселением Токтамышевичей в Литву. Третий этап датируется 1420–1430 гг. и характеризовался безусловной зависимостью Джучидов от Литвы. Четвертый этап датируется 1431–1452 гг., когда и Улус Джучи, и Великое Княжество Литовское переживали эпоху междоусобиц. Отношения Джучидов с Гедиминовичами диктовались политической конъюнктурой. Из всех Гедиминовичей он был союзником только Швитригайла, а симпатии к Сигизмунду Кейстутовичу диктовались поддержкой союзных Саид-Ахмеду панов. Эпоха закончилась поражением Саид-Ахмеда от Олельковичей и утверждением в Крыму Хаджи-Гирея, который пользовался поддержкой поляков и литовцев. Последний пятый этап датирован 1452–1468 гг. В это время Хаджи-Гирей пребывал в русле политики Казимира IV, не осмеливаясь на набег и уступив Семену Олельковичу улус «Семеновых людей».

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Улус Джучи, тюрко-татарские ханства, Джучиды, Гедиминовичи.

Summary

This study focuses on the analysis of the relationship between Juchids and Gediminoviches in 1380–1468. Relations between Gediminovich and Juchids in 1380–1482 went through several stages. The first of them began with a raid of Toktamysch to the principality of Kiev in 1380–1381. Due to the campaign of Tamerlan Jochi Ulus was disintegrated into several domains some of which were conquered by Vytautas. The second stage can be dated back to 1399–1419, when the balance could be observed between Grand Duchy of Lithuania and the Jochi Ulus. Vytautas successfully resisted troops of Idigey based on Tatar diaspora, which was formed in Lithuania after the resettlement of Toktamyshevichis to Lithuania. The third stage is dated back to 1420–1430 and is characterized by absolute dependence of the Juchids from Lithuania. The fourth stage is dated back to 1431–1452 when both Jochi Ulus and the Grand Duchy of Lithuania experienced the era of feud. Relations of the Juchids with Gediminovich were dictated by political conjecture. Of all Gediminians he was an ally only with Shvitrigayl and sympathy for Sigismund Keystutovich was dictated by the support of lords allied to Said-Ahmed. The era ended with the defeat of Said-Ahmed by Olelkovich and approval of Haji-Giray in the Crimea, who had the support of the Poles and Lithuanians. The last fifth stage is dated back to 1452–1468, at this time, Haji Giray was in line with the policy of Casimir IV, not daring to raid and giving ulus “Semyonovi people” to Semen Olelkovich.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Jochi Ulus, Turko-Tatar khanates, Juchids, Gediminoviches.

УДК 930.2

МАНГЫТСКИЙ ЮРТ: ОТ МАНСУРА ДО ВАККАСА

Ж.М. Сабитов, доктор философии (Казахстан)

Вопрос о политической истории Мангытского юрта времен Гази и Ваккаса слабо разработан в исторической литературе.

Согласно Абдал Гаффару Кырыми, Гази и Науруз воевали с Бараком после убийства их брата Мансура. При этом они возвели на трон Кучук-Мухаммеда. После этого Гази и Кучук-Мухаммед даровали пост даруги Сарайчука некоему Айиасу¹. В.В.Трепавлов считает, что Мансур был беклярибеком при Хаджи-Мухаммеде, или по другой версии Гияс ад-Дине, Кучук-Мухаммеде и Бараке, Науруз при Улуг Мухаммеде и Кучук-Мухаммеде, Кей-Кавад при Пуладе, Гази при Кучук-Мухаммеде и Джумадуке.

Здесь можно подойти к первому противоречию в источниках. Кадырали Джалаири писал, что после смерти Едигея его сын Мансур сделал ханом Хаджи-Мухаммеда². В то же время Абдал Гаффар Кырыми писал, что «после смерти отца Мансур скрылся в русском юрте. Затем вернулся на Волгу, где стал бием при Гияс ад-дине бен Шадибеке. Через два года тот умер и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда бен Тимур бен Тимур-Кутлук. Однако вскоре охладел к своему малолетнему протеже и решил поддержать восточного хана Барака»³.

По нашему мнению, тут нет противоречия между двумя источниками и каждый из них прав. После смерти Едигея Мансур возводит ханом Хад-

жи-Мухаммеда, которого через год свергает Барак. Скорее всего, тогда и был убит Хаджи-Мухаммед. Мансур же убегает от Барака в русский юрт. После он возвращается в Булгар, где возводит ханом Гияс ад-Дина, который чеканил монеты в это время в Булгаре. А.Г. Мухамадиев считает, что монеты Гияс ад-Дина чеканились в Булгаре в 1422–1425 г.⁴ Скорее всего, время его правления стоит отнести на 1423–1425 гг., когда Мансур уже вернулся из «русского юрта». Время правления Гияс ад-Дина, по Кырыми, составляло два года, таким образом, можно предположить, что Мансур в 1425 г. оказался без хана. По нашему мнению, тогда Мансур не возводил Кучук-Мухаммеда в ханы, но думал об этом. Безусловно, можно согласиться с И.Л.Измайловым в том, что Кучук-Мухаммед был родственником Мансуру, так как его мать была либо дочерью Нураддина (согласно тегеранскому переводу Натанзи)⁵, сына Едигея, либо дочерью самого Едигея (согласно переводу Натанзи из СМИЗО)⁶.

В общем, после бегства на Русь и правления Гияс ад-Дина Мансур решил примириться с Бараком, который приходился ему родственником (дядя со стороны матери). Видимо, это родство было следствием тесных отношений Едигея и родственников Барака. Три кузена Барака – Бугучак, Тенгри-Берды и Анике-Пулад (дети Токтакии, сына Уруса) – принимали участие в 1408 г. в походе Едиге на

Москву⁷. Здесь стоит отметить, что в «Муизз ал Ансаб» и «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме» произошла путаница. В «Муизз ал Ансаб» приставка Анике относится к Анике-Пуладу⁸, а в «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме» идет следующее упоминание Йагуджак-анеке, Пулад. Причем Йагуджак употребляется без приставки Анике, когда перечисляют его детей⁹. Скорее всего, тут правы «Муизз ал Ансаб» и в «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме» произошла ошибка, когда начало третьего имени приняли за конец второго имени. В «Муизз ал Ансаб» в геометрических фигурах эти имена разделены правильно.

Если исходить из данной гипотезы, то можно объяснить факт женитьбы Едигея на дочери Куйурчука, сестре Барака. Видимо, это произошло после смерти Куйурчука, когда потомки Урус-хана решили не бороться за власть с Едигеем (тем более их ресурсы были не сопоставимы), а подчиниться ему. Данное решение было скреплено брачным союзом Едигея и дочери Куйурчука. Скорее всего, данное действие произошло во второй половине 1990-х гг. XIV века.

У Самарканди написано два раза, что Барак захватил орду Мухаммеда: в 826 г. хиджры (15.12.1422 – 04.12.1423) из Хорезма от Шахмалика к Шахруху пришло известие о том, что Барак овладел ордой Мухаммед-хана, причем за год до этого приходили послы Мухаммед-хана к Шахруху. Ниже, в известиях 830 г. хиджры, написано, что в 828 г. Барак захватил орду Мухаммеда, а в 829 г. пришел в Сыгнак¹⁰. Видимо, летописец напомнил событие 826 г., но ошибся датой. В Никоновской летописи Барак упоминается под 1422 г., таким образом, можно утверждать, что во второй половине 1422 г. Барак свергнул Хаджи-Мухаммеда и, скорее всего, убил его. В сентябре 1422 г. Барак победил

Кудайдат-хана¹¹, двоюродного брата Улуг Мухаммеда и Давлетберды.

В 1424 г. Худойдат вторгся на земли Одоевского князя и был разбит великим князем Василием Московским. М.Г. Сафаргалиев считает, что тот до этого изгнал Улуг Мухаммеда и таким образом Улуг Мухаммед появился во владениях Витовта¹². Но здесь можно возразить, Худойдат являлся двоюродным братом Улуг Мухаммеда: вряд ли Улуг Мухаммед мог быть соперником своему кузену. Скорее всего, он был его соратником и причинами его появления у Витовта было поражение Худойдата от войск московского княжества. После этого Худойдат не известен, в то время как Улуг Мухаммед в письмах Витовта именуется как хан (впервые упомянут в письме 22 июня 1424 г.).

Здесь стоит отметить также правление Гияс ад-Дина, сына Шадибека. Согласно Кырыми он правил два года, а потом умер. В то же время нумизматический материал говорит о том, что тот правил в 1430-х гг.¹³. А.Г. Мухамадиев выдвигает версию о двух правлениях Гияс ад-Дина и в промежутке между ними правление Улуг Мухаммеда. А.Г.Гаев опровергает эту версию на основе анализа нумизматического материала¹⁴.

Данные факты не находят подтверждения в письменных источниках, так как нигде в 1430-х гг. Гияс ад-Дин не упоминается как живой правитель. Кроме того, поход из Булгар в 1429 г. возглавляет Махмуд-ходжа и Али-бей (Али-баба), никакого Гияс ад-Дина также не упоминают русские летописи, которые бы должны были фиксировать этого правителя, если бы он правил столь продолжительное время. Таким образом, мы предполагаем, что правил Гияс ад-Дин всего два года – в 1423–1425-х гг. с помощью Мансура. В Родословии тюрков Гияс ад-Дин упомянут как хан

между Бараком и Мухаммедом сыном Тимур-хана (Кучук-Мухаммед)¹⁵. Это косвенно подтверждает версию о том, что Гияс ад-Дин правил параллельно с Бараком и до Кучук-Мухаммеда.

Дальше можно согласиться с мнением Т.И.Султанова, что в 1426 г. Барак и его новый союзник Мансур, перешедший к нему около 1425 г., были разбиты Улуг Мухаммедом и отошли на Восток¹⁶.

Основываясь на анализе противоречий двух первоисточников, можно предположить, что Мансур после смерти Едиге возвел на престол Хаджи-Мухаммеда, который потерпел поражение от Барака и погиб. Мансур бежал на территории Руси, откуда вернулся в вилайет Булгар, где выдвинул ханом Гияс ад-Дина, который умер около 1425 г. После этого у него возникла дилемма воздвигнуть ханом Кучук-Мухаммеда или стать беклярибеком Барака. Он выбрал второе, Кучук-Мухаммед тогда не стал ханом. После убийства Мансура его братья Султан-Махмуд, Гази и Науруз выступили против Барака и после его смерти на границе с Могулистаном возвели на трон Кучук-Мухаммеда.

Ранее мы считали, что в битве против Барака участвовали Махмуд-ходжа, Науруз и Кази. Таким образом, Махмуд-ходжа был ханом у братьев Кази и Науруза¹⁷. С данным утверждением согласился Д.Н. Маслюженко¹⁸. Мы здесь хотели указать также на изменение своей точки зрения по вопросу противника Барака в битве с Гази и Наурузом. К.З.Ускенбай считает, что сообщение Самарканди о том, что Султан-Махмуд победил Барака, было всего лишь дезинформацией либо самого Султан-Махмуда, либо Улугбека¹⁹. Мы не согласны с данной точкой зрения, так как никаких причин для дезинформации не было. Такая дезинформация не несла никаких политических дивидендов. Здесь

стоит отметить, что Султан-Махмуд у Самарканди упоминается выше как сын Едигея от сестры Джалал ад-Дина²⁰, мы вполне можем предположить, что Султан-Махмуд, боровшийся с Бараком, был сыном Едигея и вместе с братьями Кази и Наурузом боролся против убийцы брата. Также можно отчасти согласиться с тезисом К.З.Ускенбая о том, что данные Абдал Гаффара Кырыми вполне достойны доверия как источник, но в то же время мы не согласны с тезисом К.З.Ускенбая о том, что ханом у Кази и Науруза был Улуг Мухаммед. Мы считаем, что против Барака братья Кази, Науруз и Султан-Махмуд выдвинули Кучук-Мухаммеда (согласно Кырыми), который к тому времени еще не достиг совершеннолетия и был удобным ханом для братьев Султан-Махмуда, Кази и Науруза²¹. После смерти Барака Кучук-Мухаммед объявляется ханом. Скорее всего, это произошло на месте битвы возле границ с Могулистаном.

Для того, чтобы разобраться все-таки, кто стал ханом при Гази и что случилось с Султан-Махмудом, можно рассмотреть две группы источников:

1. Абдал Гаффар Кырыми сообщает историю о возведении Кучук-Мухаммеда Гази и Наурузом после смерти Мансура. Стоит отметить, что Абдал Гаффар Кырыми довольно-таки поздний источник, но при этом вполне возможно, что автор, бывший из рода Ширин и проживавший в Крыму, записал легенду, бытовавшую среди Мансуров в Крыму. Так как Мансуры являлись потомками беклярибека Мансура, можно не сомневаться в том, что в данном сочинении есть рациональное зерно.

2. Среднеазиатские источники.

2.1. Фасихов свод сообщает, что в 832 г. хиджры (1428–1429 гг.) «прибыло известие об убийстве Бурак оглана Махмуд султаном в Могол[истан]е....

Казнь Махмуд султана Мухаммадом Гази в Могол[истан]е»²². Весть о смерти Барака приведена до сообщения, датированного 3 джумада ал-аввала (8 февраля 1429 г.). А весть о казни Махмуд Султана приведена после сообщения, датированного 17 шаввала (20 июля 1429 г.). Получается, что эти два события произошли с определенным перерывом в полгода.

Две рукописи Самарканди.

2.2. «В Моголистане случилось великое сражение и Султан-Махмуд умертвил Барака... Из Мавераннахра вновь прибыл гонец и доложил, что у моголов Махмуд-гази убил Султан-Махмуд-оглана»²³. Здесь стоит отметить, что приставка оглан обозначает потомков Чингиз-хана по мужской линии, но в разных списках Султан-Махмуд фигурирует с приставкой оглан и без нее, а выше у Самарканди он назван как сын Едиге.

2.3. «Между Султан-Махмудом (в рукописи С добавлено огланом) и Барак-огланом в Могулистане произошло большое сражение и Султан-Махмуд убил Барака»²⁴.

В итоге нам кажется, что две рукописи Самарканди имели своим источником либо самого Фасиха, либо источник Фасиха, причем у Фасиха события описаны наиболее близко к оригиналу.

Мы можем предположить, что действительно, после победы братьев над Барак, Кази мог убить своего сводного брата Султан-Махмуда. Это может объяснить то, как Науруз мог попасть к Улуг Мухаммеду: он мог, опасаясь репрессий со стороны Кази, бежать к хану-противнику Кучук-Мухаммеда, коим являлся Улуг Мухаммед. Косвенно фактом того, что Кази правил деспотично, является отрывок из Тарихи Абулхаир-хани:

Когда эмиры и вожди Даит-и Кипчака вышли из терпения от зла Гази-бия и возопили от его насилия

и угнетения, и когда счастье и благоденствие отвернули от него лицо, они [эмиры и вожди], сговорившись, умертвили его и отвратили зло от голов обитателей этой страны. [После чего] преисполненные надежд [они] направились ко дворцу Джумадук-хана. Достигнув ставки [Джумадук-] хана, [они] удостоились чести занять место [у него] на службе и утвердиться в ряду великих эмиров и слуг высокопоставленного хана. Однако та надежда на благоволение и милость Джумадук-хана, на которую они уповали, не оправдалась, [и] вышеупомянутый хан из-за крайней степени падишахского высокомерия и спеси верховного владыки не обратил внимания на положение тех людей»²⁵.

Раньше мы полагали, что данные эмиры, убившие Гази, бежали от Махмуд-ходжи-хана, при котором беклярибеком был Гази²⁶. Сейчас же считаем, что Гази был беклярибеком при Кучук-Мухаммеде. Джумадук же был связан союзом с тимуридами, так как стал ханом он после того, как был послом Барака к тимуридам и во время обострения отношений Барак-хана и тимуридов он был объявлен ханом. Таким образом, эмиры, убившие Гази, бежали к хану Джумадуку, который, скорее всего, был в недружественных отношениях с Кучук-Мухаммедом, чьим беклярибеком являлся Гази. Как мы знаем, преемниками Гази во главе мангытов стали Ваккас и Аббас²⁷. В.В. Трепавлов считает, что Ваккас мог быть причастен к смерти Гази²⁸. Более того, В.В. Трепавлов отмечает, что отнюдь не родственные чувства к Ваккасу испытывали приближенные Тимура, сына Мансура²⁹. Нам кажется, это вызвано тем, что Ваккас «дважды завоевал трон Саин-хана» для Абулхаир-хана³⁰. Второй раз был во времена битвы Абулхаир-хана с Кучук-Мухаммедовичами, а вот время первого овладения Нижним По-

волжьем Абулхаир-ханом установить будет сложно.

Ранее мы уже высказывали точку зрения о том, что хронология у Масуда Кухистани сбивчивая и содержит много ошибок³¹, поэтому мы критически относимся к датировкам событий Б.А.Ахмедова³².

Вопрос о роли Ваккаса в государстве Абулхаир-хана очень интересен. В источниках очень мало встречается упоминаний о действиях Ваккаса.

В Тарихи Абулхаир-хани он упомянут только в нескольких случаях:

1. Возведение на трон Абулхаир-хана (упомянут на 4-й позиции после Бузанчар кията и двух сеидов).

2. Поход на Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук-Мухаммеда, и захват Орду-Базара (упомянут на первой позиции впереди Адад-бек буркута и Бузунчар кията).

3. Поход на Сыгнак (указан вторым, после Бахтияр-султана). Упомянут как человек, пожалованный сырдарьинским городом Узгендом, наряду с Бахтияром (сын Хызыр-хана) и Мане-огланом (сын Мурат-Суфи, потомка Тангута).

4. Выдвижение Ваккасом Мустафы-хана против Абулхаир-хана. Поражение Мустафы-хана.

5. Поход на Хорезм. У Масуда Кухистани написано:

Абу-л-Хайр-хан вызвал для совещания и совета вождей войска и отважных [предводителей] победоносной рати, сливки сейидов, гордость семейства Та-Ха и Йа-Син славных, [как то]: Кул-Мухаммад-сейида, Кара-сейида, Бахтияр-султана, Адад-бек буркута, Кибек-Ходжа-бий буркута, Бузунджар-бий кыйата, Мухаммад-бек конграта, Хаким-Шайх-бахадур кушчи, Кунгур-бай-бахадур кушчи, Тули-Хаджи-бий кушчи, Даулат-Ходжа-дивана кушчи, Акча-Уруса кушчи. Кылыч-бай-бахадур уйгура, Суфи-бек наймана, Кара-Усман наймана,

Ходжа-Лак курлаута, Баглы-Ходжа конграта, Йахиши-бек-тархана, Кутлук-Бука-тархана, Хан-кули наймана и других предводителей победоносного войска, [хан] изволил сказать, что он укрепился в желании завоевать Хорезм: «Я хочу, приведя в порядок войско, приют победы, отправиться на жестокую битву с хакимом Хорезма»³³. Далее есть отрывок следующего содержания:

[Абу-л-Хайр-хан], смело решившись на завоевание Хорезма и выступив по обычаю хаканов завоевателей мира и властителей государств, двинулся [вперед]. Бахтияр-султана, который был крокодилом моря храбрости, назначил во главе авангарда. Великие эмиры и высокопоставленные Сейиды, чьим присутствием был украшен и прославлен мир и жители мира, как то: сливки Сейидов – источник славы и счастья – Кул-Мухаммад-сейид и Кара-сейид, Ваккас-бий мангыт, Бузунджар-бий кыйат и все эмиры и прочие витязи и бахадур, приведя в порядок победоносное войско, отправились в сторону Хорезма³⁴.

То есть изначально Ваккас не был в составе тех, кого созвал Абулхаир-хан для обсуждения похода на Хорезм. Но при выходе на Хорезм он был уже в составе войска и назван на третьей позиции, что показывает его значимость в походе. Здесь мы можем предложить свое объяснение такому не упоминанию в первом составе и появлению во втором составе. Вполне возможно, что Ваккас был инициатором похода на Хорезм. Он мог оказаться в Хорезме вместе с Мустафой-ханом после поражения от Абулхаир-хана. После того, как Мустафу-хана свергли в Хорезме Якуб (сын Кучук-Мухаммеда) в союзе с кунгратами, Ваккас вынужден был бежать к Абулхаир-хану. И уже пребывая в стане Абулхаир-хана, Ваккас мог предложить ему совершить поход на Хорезм. Поэтому он не упомянут

в списке тех эмиров, кого вызывали на совет, он уже находился в ставке Абулхаир-хана.

В «Таварихи Гузидаи Нусрат-наме» указано, что Абулхаир дважды лишал Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук-Мухаммеда, престола и подчинил себе страны Буляр и Булгар³⁵.

Утемыш-хаджи пишет, что всего Абулхаир-хан занимал Тахт эли трижды, после чего на его имя в Орду-Базаре читалась хутба³⁶.

Как известно, Мустафа-хан после поражения правил в Хорезме до того, пока его не сверг Якуб-оглан, которого мы отождествляем с Якубом, сыном Кучук-Мухаммеда.

Известно, что Мустафа чеканил монеты без указания года в Хаджитархане³⁷.

Таким образом, можно предположить, что фактически Абулхаир-хан захватывал территорию Тахт эли (Хаджи-тархан) три раза: два раза он отбирал территорию у детей Кучук-Мухаммеда, и до этого он отобрал данную территорию у Мустафы-хана, чьим беклярибеком был Ваккас.

У Махмуда бен Вали упомянуто, что изначально Абулхаир-хан победил Махмуда, сына Кучук-Мухаммеда, обратив его в бегство. Потом Абулхаир-хан пошел походом на Хорезм, выгнав оттуда потомков Едигея. После этого Абулхаир-хан снова совершил поход на Ахмада и Махмуда, сыновей Кучук-Мухаммеда. Сыновья Кучук-Мухаммеда бежали от Абулхаир-хана и спрятались в одной из крепостей на территории Мангышлака, где пребывали вплоть до смерти Абулхаир-хана³⁸, а не до неудачи Абулхаир-хана в войне с калмаками, как считает В.В.Трепавлов³⁹. С учетом того, что в 1465 г. Махмуд потерпел поражение от Хаджи-Гирея⁴⁰, мы можем предположить, что этот эпизод его жизни был в промежутке между двумя битвами с Абулхаир-ханом.

Первое столкновение Абулхаир-хана с Ахмадом и Махмудом мы датируем началом 1460-х гг.⁴¹. При этом мы вполне можем согласиться с мнением Д.Н.Маслюженко о том, что время смерти Кучук-Мухаммеда является довольно спорным⁴².

Косвенно это подтверждается отсутствием имени Якуб среди противников Абулхаир-хана. Он к этому времени, скорее всего, погиб (под 1460–1461 гг. он указан как соперник Мустафы-хана) и его место заняли его дети Джуак и Башиак, которые также указаны как противники Абулхаир-хана.

Тогда понятным становится появление Ваккас-мирзы в рядах армии Абулхаир-хана в его битве с Кучук-Мухаммедовичами. Скорее всего, он был беклярибеком Мустафы-хана в Хорезме до тех пор, пока его не свергли Кучук-Мухаммедовичи во главе с Якуб-огланом. После этого Ваккас, потеряв Мустафу-хана, решил использовать силы Абулхаир-хана для реванша и присоединился к нему, уговорив выступить против Кучук-Мухаммедовичей. Эта победа стала источником того, что Абулхаир-хан во второй раз захватил «трон Саин-хана» в Нижнем Поволжье. Но после этого, скорее всего, Абулхаир-хан позволил Ходжашу, сыну Гази, убить Ваккаса. Дети Ваккаса отсоединились от Абулхаир-хана и стали кочевать около замка Сарай⁴³.

В конце статьи хотелось бы подвести некоторые итоги. После смерти Едигея Мансур возводит ханом Хаджи-Мухаммеда, против которого выступает с поддержкой тимуридов Барак. Хаджи-Мухаммед был убит около 1422 г. Мансур бежит к русским. Откуда приходит в Булгар и около 1423 г. возводит там Гияс ад-Дина, сына Шадибек-хана. В 1425 г., в связи со смертью Гияс ад-Дина, Мансур становится перед дилеммой:

возвести Кучук-Мухаммеда, который воспитывался в семье потомков Едигея, или же перейти к дяде Бараку (брат матери). Мансур в 1425 г. переходит к Бараку.

Барак, развивая свой успех в борьбе с Хаджи-Мухаммедом, разбивает в 1422 г. Худойдата, который в 1424 г. был разбит также русскими и потерял власть. Его кузен Улуг Мухаммед становится ханом в 1424 г. и бежит к Витовту, с помощью которого он разбивает в 1426 г. Барака и Мансура. Барак чуть позже убивает Мансура. Братья убитого Мансура – Султан-Махмуд, Кази и Науруз – бегут от Барака и выступают против него.

В битве против Барака участвовали Султан-Махмуд, Гази и Науруз, выдвинувшие Кучук-Мухаммеда, который еще был ребенком. После победы братьев над Баракком Гази мог убить своего сводного брата Султан-Махмуда. Это может объяснить, как Науруз мог попасть к Улуг Мухаммеду. Он бежал, опасаясь репрессий Гази. Позже некие заговорщики во главе с Кепек-ходжой и Умар буркутами (хотя Кепек-ходжа назван мангытом, но, по нашему мнению, это ошибка и он был буркутом, отцом Умар буркута) убили Гази и бежали к Джумадуку. Позже эти буркуты присоединились к Махмуд-ходжа-хану. Кучук-Мухаммед же плавно перемещался с востока на запад: он был провозглашен ханом на границах Могулистана (после смерти Барак-хана), потом он совершил набег на Хорезм и в итоге его владения были установлены в западной части Казахстана.

Ваккас же изначально поддерживал Абулхаир-хана при его интронизации. Но при этом Ваккас сохранял автономность и не участвовал в военных операциях Абулхаир-хана. В 1440-х гг. Абулхаир-хан вместе с Ваккасом совершил поход на сырдарь-

инские города и захватил их. Ваккас получил Узгенд и посчитал себя обделенным. Из-за этого он выдвинул Мустафа-хана, сына Гияс ад-Дина, и распространил свою власть до Хаджитархана, где были биты монеты Мустафа-хана. После поражения Мустафа-хана от Абулхаир-хана (первый захват Абулхаир-ханом Тахт эли) Ваккас вместе с ним бежит в Хорезм, где являлся его беклярибеком до того, как туда вторгся Якуб, сын Кучук-Мухаммеда, и в союзе с кунгратами захватил Хорезм. Видимо, тогда Мустафа-хан и погиб. До этого события Абулхаир разбил Махмуд-хана, сына Кучук-Мухаммеда, и во второй раз захватил Тахт эли. Ваккас после поражения от Якуба вынужден был бежать к Абулхаир-хану, где он призывает Абулхаир-хана к походу на Хорезм. Соединившись с ним, он совершает поход на Хорезм и разбивает братьев (Ахмад и Махмуд) и сыновей Якуба (Джуак, Башиак). Абулхаир-хан в третий раз захватывает Тахт эли. Вскоре после этого Ваккас погиб от рук Ходжаша, возможно, с молчаливого согласия Абулхаир-хана.

Таким образом, список ханов и их беклярибеков того периода был следующим:

1. Хаджи-Мухаммед и Мансур (1421–1423)
2. Гияс ад-Дин и Мансур (1423–1425)
3. Барак (1423–1425, 1427–1428)
4. Барак и Мансур (1425–1427)
5. Кучук-Мухаммед и Султан Махмуд (1428–1429)
6. Кучук-Мухаммед и Гази (1429)
7. Кучук-Мухаммед (1429–1432)
8. Кучук-Мухаммед и Науруз (1432 – ?)
9. Абулхаир (1429–1469) Бузанчаркият (хронология не ясна)
10. Мустафа и Ваккас (хронология не ясна).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 229 с.
2. *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов//Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Том.3. Нижний Новгород, 2002. – С. 9–55.
3. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. – 303 с.
4. История Казахстана в персидских источниках. Т.4. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 620 с.
5. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992. – 373 с.
6. *Маслюженко Д.Н.* Ханы Махмуд-ходжа и Хаджи-Мухаммад или улус Шибана в первой четверти 15 века//Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2011. – С. 88–109.
7. *Маслюженко Д.Н.* Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири//Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 4. – Казань, 2012. – С. 76–88.
8. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – 650 с.
9. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск I. (Ромодин В.А. – редактор). М., 1973. – 283 с.
10. *Мустакимов И.А.* Владения Шибани Абулхаир-хана по данным Таварихи гузида Нусрат-наме//Национальная история татар. Теоретико-методологическое введение. – Казань. 2009, С.214–232.
11. *Мухамдиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. – 192 с.
12. *Сабитов Ж.М.* Восточный Дешти-Кипчак в 20-е годы 15 века//Иран-наме. № 1 (21). Алматы, 2012. – С. 266–275.
13. *Сабитов Ж.М.* Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. – №2. – С.166–180.
14. *Сабитов Ж.М.* Хронология событий в Восточном Дешти-Кипчаке в 30–50-е годы XV века//Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». Курган. 26–28 апреля 2012 г. – С.96–97.
15. *Сабитов Ж.М.* Хызыр-хан: хронология правления// Научный вестник столицы. – № 4–6. – 2011. – С. 109–112.
16. *Сабитов Ж.М.* Чекре-хан и «Мухаммед-хан»// Зертеуші. 2011. – №3–4. – С. 98–104.
17. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. – 278 с.
18. *Селезнев Ю. В.* Элита Золотой Орды. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 232 с.
19. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула. Гриф и К 2010. – 112 с.
20. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001. – 752 с.
21. *Ускенбай К.З.* Арало-Каспий в первой трети 15 века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов// Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Часть II. – Актобе, 2006. – С. 18–26.
22. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. (пер. Д.Ю. Юсуповой). Ташкент: Фан, 1980. – 230 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.95.
- ² *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во. 1960. – С.202.
- ³ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.94.
- ⁴ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. – С.127.
- ⁵ *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К 2010. – С.58.
- ⁶ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.263.
- ⁷ *Селезнев Ю. В.* Элита Золотой Орды. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С.37.
- ⁸ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.112.
- ⁹ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.438.
- ¹⁰ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.374.
- ¹¹ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан. 1992. – С.205.
- ¹² *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. – С.199.
- ¹³ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. – С.134.
- ¹⁴ *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Том.3. Нижний Новгород. 2002. – С. 35.
- ¹⁵ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.400.
- ¹⁶ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992. – С.207.
- ¹⁷ *Сабитов Ж.М.* Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. – № 2. – С.169.
- ¹⁸ *Маслюженко Д.Н.* Ханы Махмуд-ходжа и Хаджи-Мухаммад или улус Шибана в первой четверти 15 века //Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. – Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2011. – С.98.
- ¹⁹ *Ускенбай К.З.* Арало-Каспий в первой трети 15 века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов// Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Часть II. Актобе, 2006. – С.25.
- ²⁰ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006, С. 368–369.
- ²¹ *Сабитов Ж.М.* Чекре-хан и «Мухаммед-хан»// Зертеуші. 2011. № 3–4. – С.101.
- ²² Хотелось бы выразить признательность А.Парунину за то, что обратил внимание на данный отрывок. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. (пер. Д. Ю. Юсуповой). Ташкент: Фан, 1980. – С. 202–203.
- ²³ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск I. (Ромодин В.А. – редактор). М., 1973. – С.168.
- ²⁴ История Казахстана в персидских источниках. Т.4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.378.
- ²⁵ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. – С.141.
- ²⁶ *Сабитов Ж.М.* Хызыр-хан: хронология правления// Научный вестник столицы. №4–6. 2011. – С.111.
- ²⁷ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.98.
- ²⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.100.
- ²⁹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.99.

- ³⁰ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С. 98.
- ³¹ *Сабитов Ж.М.* Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. – №2. – С.166–180.
- ³² *Сабитов Ж.М.* Хронология событий в Восточном Дешти-Кипчаке в 30–50-е годы XV века // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». Курган. 26–28 апреля 2012 г. – С.96–97.
- ³³ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 143–144.
- ³⁴ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. – С.150.
- ³⁵ *Мустахимов И.А.* Владения Шибани Абулхаир-хана по данным Таварихи гузида Нусрат-наме // Национальная история татар. Теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. – С.219.
- ³⁶ *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К 2010. – С.65.
- ³⁷ *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. – С.29.
- ³⁸ *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С.84–85.
- ³⁹ *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К 2010. – С.62.
- ⁴⁰ *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К 2010. – С.63.
- ⁴¹ *Сабитов Ж.М.* Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2009. – №2. – С.177.
- ⁴² *Маслюженко Д.Н.* Политическая история становления ханства Абулхаира на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 4. Казань, 2012. – С.84.
- ⁴³ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. – С.100.

Аннотация

Данная статья посвящена одному из самых запутанных периодов в истории Ногайской Орды: периоду после смерти Едиге и приходу к власти его детей и внука Ваккаса. К сожалению, не сохранились письменные документы, таким образом, большинство источников по этому периоду лишь косвенно затрагивает жизнедеятельность этого государства, что часто затрудняет реконструкцию исторических событий. В этой статье на основе восточных среднеазиатских летописей автор попытался высказать свою точку зрения на хронологию правления детей Едиге.

Ключевые слова: мангытский юрт, Ногайская Орда, Казахские ханства, персидские источники, Барак, Едигей, Кучук-Мухаммед, Гияс ад-Дин, Мансур, правление.

Summary

This article is dedicated to one of the most confusing periods in the history of the Nogai Horde: Edige period after death and the rise to power of his children and grandchild Waqqas. Unfortunately, written records were not preserved, so most of the sources about this period only indirectly affect the livelihoods of this country, which often makes it difficult to reconstruct historical events. In this article, based on the Eastern Central chronicles, the author tried to express his point of view on the chronology of the reign of Edige's children.

Keywords: mangytsky yurt, the Nogai Horde, Kazakh Khanates, Persian sources, Barack Yedigei, Kuchuk Mohammed, Gias ad-Din, Mansur, reign.

УДК 355(091)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И СПЕТЫЕ ИМИ ПЕСНИ В ЛАГЕРЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В 1916–1917 ГОДАХ (В СВЯЗИ С ТРАГИЧЕСКОЙ ДАТОЙ – СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНОЙ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

*Мурадгелди Соегов, академик Академии наук Туркменистана,
профессор, доктор филологических наук (Ашхабад/Туркменистан)*

Введение или некоторые сведения о военнопленных

«Закаспийская туземная газета», выходявшая на туркменском языке в 1914–1917 гг. в Ашхабаде, административном центре одноименной области Туркестанского края Российской империи, в своем номере, изданном 20 января 1915 г., поместила информацию, что 13 января 1915 г. в город Ашхабад поездом привезли австрийских военнопленных в количестве 2 тыс. человек, в результате чего на станции стало очень многолюдно. Ибо на станции их ожидало немало горожан, которые пришли посмотреть на них. Военнопленных разместили в солдатских казармах города. По сообщению той же газеты, на следующий день, т.е. в 9 часов утра 14 января 1915 г., на станцию Ашхабад со стороны Ташкента прибыл другой эшелон с военнопленными численностью еще 2 тыс. человек. Из-за нехватки мест в казармах Ашхабада всех их отправили на том же поезде в город Шахгадам (т.е. Красноводск, город-порт на туркменском берегу Каспийского моря, ныне Туркменбаши). Эта газета от 17 февраля 1915 г. также оповестила своих читателей, что всего в Туркестанский край придут 30 тыс. военнопленных, но их будут размещать

теперь не в городах, а в сельской местности. Из работ современных ученых узнаем, что уже к лету и осени 1918 г. в Туркестане находились примерно 35 тыс. военных и гражданских пленных.

Из существующей литературы, немалая часть которой содержится в соответствующих сайтах Интернета, явствует, что за весь период Первой мировой войны около 3 млн. солдат и офицеров противника были захвачены в плен русской армией. В то же время половину потерь России в войне составили пленные (более 2,4 млн. человек). Небезынтересно будет узнать, что в плен в период Первой мировой войны попало около 70 русских генералов (встречается также цифра – 73). Совершил побег из плена лишь один из них – начальник 48-й дивизии генерал Л.Г. Корнилов (1870–1918), причем с третьей попытки¹. Плененными стали не только сами русские, но и представители других национальностей, в том числе тюркских народов, населявших тогдашнюю Россию. Среди них были и рядовые кавалеристы-туркмены, которые храбро сражались в составе Туркменского конного полка на полях сражений Первой мировой войны.

Перед тем как перейти к рассказу непосредственно о туркменских воинах-кавалеристах, хотим указать на

то, что охрана австро-венгерских и германских военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги состояла из черкесов, ингушей, других выходцев с Северного Кавказа. В августе 1916 г. она составляла 942 горца, т.е. на каждого стражника приходилось более 40 пленных, которые из-за малочисленности не смогли противостоять постоянным побегам последних. Поэтому было принято решение довести численность стражи до 2000 человек: примерно по одному охраннику на 20 пленных. С этой целью предусматривалось использовать туркмен из расчета 1 охранник на 10 пленных. Однако управление строительства Мурманской железной дороги отказалось от этого предложения, справедливо полагая, что туркмены «совершенно непригодны к перенесению климатических условий Севера»². По нашему мнению, данная военная стража из туркмен численностью более тысячи человек не была связана непосредственно с Туркменистаном (Закаспийской областью) и, очевидно, она состояла из туркмен Ставрополя (Северного Кавказа).

Туркмены-кавалеристы и их командиры

Туркменский добровольческий кавалерийский полк, переименованный 31 марта 1916 г. в Текинский конный полк (так как в нем служили в основном туркмены из племени теке), отличился своими боевыми действиями на Австрийском фронте. Кроме данного полка отдельные офицеры-туркмены командовали подразделениями российской армии на Кавказском театре войны. Одному из них посвящена небольшая статья под названием «Вспоминая старшего офицера, ставшего героем», которая была помещена в первом номере «Закаспийской туземной газеты» от 14 декабря 1914 г. В

ней рассказывается о подвигах офицера Чары Амангелди оглы, уроженца села Ата Серахского приставства Тедженского уезда Закаспийской области, в последующем выпускника Киевского военного училища, который пал смертью героя 29 октября 1914 г. на Кавказском фронте.

Другим туркменским офицером старшего ранга, который командовал 1-й Казанской стрелковой дружиной, участвовавшей в боевых действиях на Кавказе, был подполковник Николай Николаевич Хан Иомудский (Карашхан оглы Иомудский, 1868–1928)³. Как видим из статьи Т. Латыпова, казанские газеты того периода напечатали его благодарственное письмо от 17 мая 1916 г., в котором, в частности, говорилось: «Мы счастливы, что дорогая родина нашей дружины – Казань – не забывает нас... Нам, оторванным от своих домов и сражающимся за честь и величие России, конечно, весьма дорого иметь общение с родиной в лице дорогой нам Казани и чувствовать здесь, на чужбине, ее любовь и заботы о нас. Низко кланяемся дорогой земле Казанской»⁴.

Как пишет С. Исхаков (Институт российской истории РАН) в своей статье «Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы», ссылаясь на воспоминания туркменского белоэмигранта Резак-бека Хаджиева, в добровольческий Текинский конный полк туркмены пошли служить по призыву представителей своей элиты: «Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии». Однако предложение набрать 40-тысячную армию из числа хивинских (даشوгузских) туркмен не было принято русскими военными. В итоге на средства туркменского населения Закаспийской области был сформирован один лишь Текинский конный полк. Его боевые успехи сразу привлекли вни-

мание. Журналист «Петроградского курьера» писал: «В бою под Сольдау, на германской земле, впервые видел новые конные части нашей армии из туркмен... Их появление всюду производит фурор и обращает всеобщее внимание». Полк не раз спасал положение на русско-германском фронте. В «Русском слове» известным военным корреспондентом Василием Ивановичем Немировичем-Данченко были описаны бои под Лодзью: «Налет их на большие силы оторопевших немцев невозможно описать... Один из офицеров германского генерального штаба говорил: «Кто же мог думать, что у русских есть «дьяволы», совершающие то, что должно быть вне пределов человеческих сил? Разве можно предвидеть подвиги, граничащие с безумием. Они не поддаются здравому расчету». 28 мая 1916 г. Текинский полк наголову разбил австрийские части, в разы их превосходящие: туркмены уложили около 2000 человек, взяли в плен более 3000 человек. Всего за несколько месяцев в полку появились 67 георгиевских кавалеров, не считая награжденных другими военными наградами⁵ (в скобках также отметим, что поименный список 67 награжденных воинов-туркмен с указанием сел, откуда они были родом, на страницах издаваемых Международным туркменско-турецким университетом сборников был обнаружен нами дважды: в 1999 г. на туркменском и в 2011 г. на русском языках)⁶. А ведь было время, когда после тяжелых боев из-за понесенных многочисленных потерь численность полка насчитывала всего 400 всадников-туркмен.

Из числа командиров Текинского полка вышли знатные туркмены. Один из его командиров Ораз Хан (? – 1929, Белград), в последующем белоэмигрант, будучи сыном Дыкма (Тыкма) Сердара – организатора и ко-

мандира героической обороны Гёкдепинской крепости (Геок-тепе) в 1879 и 1881 гг., славился среди простого народа как «полковник Ораз Сердар», хотя в 1918 г. впервые среди туркмен ему было присвоено высокое военное звание генерал-майора. Он 19 ноября 1918 г. в Байрамалы (где раньше находилось имение русского царя Николая II) встретил английского генерала сэра Уилфреда Маллесона (Major-General Sir Wilfred Malleon, 1866–1946) и от имени эмира-монарха вручил ему орден Бухарского государства⁷.

До своей эмиграции за рубеж Ораз Хан (Сердар) возглавил первое национальное Туркменское (мусульманское) правительство, созданное осенью 1918 г. в Бюзмейине (Безмеин, ныне Абадан) и просуществовавшее всего три месяца. Еще в 1922 г. тогдашний молодой литератор из Бюзмейина, а в будущем известный туркменский писатель-романист Ата Говшудов (Каушудов, 1903–1953), создал пьесу под названием «Ораз Сердар» (другое название «Закаспийский фронт»), которая ставилась на сценах вновь открываемых туркменских театров.

В том же 1918 г. другой бывший командир подразделения Текинского полка Сейитмырат (Сеид Мурад) Овезбаев (1889–1937) был заочно утвержден в должности военного министра правительства «Кокандской автономии», возглавляемого Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941). В последующем С. Овезбаев стал одним из многочисленных жертв «большого террора» 1937–1938 гг.⁸

Выпускник Московского кадетского корпуса и Тверского кавалерийского училища, один из командиров Текинского конного полка, Резак-бек (Бегназар) Хаджиев (1895–1966) с лета 1917 г. был начальником охраны уже упомянутого выше генерала Л.Г. Корнилова. Генерал дал своему адъютанту Хаджиеву прозвище

«Хан». Благоговей перед памятью генерала, он принял имя «Хан Хаджиев» и, находясь в эмиграции в Мексике, так подписал свои произведения-мемуары: роман «Великий Бояр», повесть «Атчапар» и многочисленные статьи⁹.

Работа, проведенная музыковедами среди военнопленных

Возвращаясь к начатому в начале статьи рассказу о военнопленных, отметим, что на страницах «Закаспийской туземной газеты» наряду со списком награжденных воинов-туркмен (10 февраля 1915 г.) в номере от 23 января 1915 г. были напечатаны имена 20 раненых и пропавших без вести воинов с указанием сел, откуда они ушли на фронт и где раньше проживали. Из них 11 человек являются без вести пропавшими. Вот их имена: 1. Ата Сары оглы из села Гёкдепе (Геок-тепе); 2. Дурды Аннагылыч оглы из села Гёкдже (Гокче); 3. Нурмырат Илмырат оглы из села Бахарден (ныне Бахарлы); 4. Бердимырат Овез оглы из села Мюрче (Мурча); 5. Гуртав Овез оглы из села Гыпджак (Кипчак); 6. Аннамаммет Пащы оглы из села Янгыгала (Янкала); 7. Байрамдурды Халлыгурбан оглы из села Анев (Анау); 8. Аннанепес Шыхшах оглы из села Гыпджак (Кипчак); 9. Суханберди Худайберди оглы из села Бюзмейин (Безмеин); 10. Гурбангелди Менгли оглы из села Горджав; 11. Сёйюн оглы из села Горджав. В период Первой мировой войны наблюдались многочисленные случаи, когда попавших в плен солдат считали без вести пропавшими.

Австрийский музыковед, поэт и композитор Роберт Лах (Robert Lach, 1874–1958) записал туркменские песни на фонографические пластинки в 1916 г. из уст Реджепа Сары (Redscheb Tsari) – одного из военнопленных-

туркмен, которые содержались в лагере Австро-Венгерской монархии, расположенном недалеко от чешского города Егер (ныне Хеб). Реджеп Сары был уроженцем Марыйского уезда (старый Мерв), до войны батрачил, ему было 27 лет от роду¹⁰.

В этом лагере для военнопленных кроме туркмен находились казанские, западносибирские и крымские татары, мишари, башкиры, кумыки, ногайцы и киргизы (казахи) и представители некоторых других народов России, в исполнении которых Роберт Лах в 1916–1917 гг. производил граммофонную запись их национальных песен¹¹. Музыковед кроме своих докладов об этой работе в Венском фонограммархиве, публиковавшихся в трудах Академии наук в Вене (1917–1918 гг.), выпустил серию сборников под названием «Gesänge russischer Kriegsgefangener» («Песни русских военнопленных»), I–III. Wien–Leipzig, 1926–1952. Во втором его выпуске, изданном в 1930 г., содержатся ноты и тексты 79 крымско-татарских народных песен, которые по просьбе Р. Лаха были в свое время исполнены четырьмя военнопленными: Мустафа Сулейман (30 лет, бывший торговец) исполнял 34 песни (1–34), Кабуллах Бикдаш (25 лет, садовник) – 5 песен (35–39), Абдуллах Армет (26 лет, садовник) – 8 песен и Усейн Асан (31 год, садовник-виноградарь) – 31 песню (48–79)¹².

Будучи профессором Венского университета (1920–1939) и Венской академии музыки (1924–1945), Роберт Лах в 1952 г. совместно с Гербертом Янским издал в Вене итоговый сборник с нотными записями и текстами песен, который называется «Volksgesänge von Völkern Russlands, II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und

tscherkessisch-tatarische Gesänge» (объем 207 стр.). В этой книге, как и в предыдущих выпусках сборника, тексты песен на арабской графике транскрибировал латинскими буквами и перевел на немецкий язык Герберт Янский (Herbert Jansky, 1898–1981) – австрийский тюрколог, автор многочисленных работ по истории ислама и тюркологии. Во многом благодаря его целенаправленной работе были опубликованы эти образцы песенного фольклора тюркских народов. Наряду с немецкими переводами Г. Янский снабдил эти стихи необходимыми пояснениями и комментарием, предназначенными немецкому читателю.

В последней из упомянутых выше двух книг, по нашим расчетам, сохранились нотные записи и тексты 180 татарских песен в исполнении троих военнопленных-татар, которые были родом из разных регионов России: Нигматуллах, казанский татарин, 26 лет от роду, бывший батрак, уроженец Уфимской губернии (62 песни); Абдулганим, мишарский татарин из Симбирской губернии, 25 лет от роду, бывший батрак (94 песни); Латиф Хайбуллин, ему было 41 год, он родом из Западной Сибири, бывший торговец, родился и до войны жил в Семипалатинске (14 песен)¹³. Простое сравнение показывает, что количество песен гораздо больше, чем их слова, так как часто одни и те же стихи использовались в исполнении двух или более песен. Кроме того, по нашему убеждению, большое количество песен военнопленных не является таковым в научном понимании этого термина, о чем свидетельствует исполнение одним человеком 34, 62 и даже 94 песен. Многие из них, очевидно, были отдельными напевами, простыми песенными мотивами. Поэтому нотные записи этих мелодий получились очень краткими. С другой стороны, можно предположить,

что эти исполнители имели неплохие личные вокальные данные и пели не только ранее известные им песни, но и те, которые по просьбе Р. Лаха они впервые научились у других военнопленных-однолагерников.

Наряду с песнями, записанными Робертом Лахом, есть сведение о собрании фонограмм народных песен, записанных среди военнопленных Первой мировой войны (в основном в Вюнсдорфе) под руководством профессора Высшей музыкальной школы Берлина Г. Шюнемана. В данном собрании, например, имеются записи 61 татарской, 11 чувашских и 4 башкирских песен. В сборник было включено немало других народных песен в исполнении военнопленных – представителей других, нетюркских народов¹⁴. По нашему мнению, меньшее число туркменских песен в сравнении с песнями других народов, например, татарскими, говорит, хотя и косвенно, о том, что сами плененные туркмены, скорее всего, были малочисленными среди военнопленных других национальностей.

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу туркменских песен, хотим отметить, что с гуманитарными вопросами, связанными с военнопленными из России, в том числе мусульманами-тюрками, занимались не только австро-венгерские и немецкие ученые (Р. Лох, И. Кунош, Г. Шюнеман и др.), а также международные организации по милосердию (Красный крест, Красный полумесяц и др.), но и некоторые представители передовой интеллигенции Османской (Османской) империи. Например, специальная делегация, в состав которой вошли Халим Сабит Шибай (татарин родом из Казани), Тунуслу Шейх Салих, Абдуллах Ибрагим, Агаоглу Ахмед и некоторые другие лица, побывала в Берлине, для того, чтобы узнать о состоянии мусуль-

ман, попавших в немецкий (можно предположить, и австро-венгерский) плен¹⁵.

Четыре куплета из шести песен, спетых Реджепом Сары

Ниже приводятся тексты туркменских народных песен, записанных в исполнении упомянутого выше военнопленного-туркмена Реджепа Сары. В текстовую часть сборника 1952 г. включен один куплет якобы из каждой песни. И в действительности в нашем распоряжении имеются всего 4 куплета, каждый из которых также состоит из 4 строк (итого 16 строк). Несмотря на это, в нотной записи приводятся не четыре, а шесть образцов (первый из них даже в 2 вариантах) туркменского песенного фольклора, ибо одни и те же куплеты вокалист

Р. Лаха Реджеп Сары смог спеть под разные музыки. Это говорит о его неплохих знаниях в области национального песенного творчества. Но жаль, что в книге, как и в предыдущих выпусках данной серии, не приводятся названия песен, они просто пронумерованы по порядку изложения¹⁶.

Приводимые ниже четыре строфы из шести туркменских песен мы перевели с арабской графики (с использованием уже имеющейся в книге транскрипции на латинице) не на современный, ныне действующий алфавит туркменского языка, а с целью создания в будущем русскоязычному читателю удобств в использовании оригинала решили передать их прежним туркменским алфавитом на кириллице, снабдив его подстрочными переводами на русский язык (*выделены курсивом*):

Куплет из песен под №№ 1а, 1б и 5 (184)

Карарым ёк, Ай жемалың гөрмесем,
Нет у меня покоя (досл. решительности, определенности), пока не увижу твое лицо, подобное Луне,
 Дуарарым ёк, дүнийэ малын бермесем,
Не будет у меня терпения (досл. остановки), пока не подарю (досл. не дам) тебе богатства этого мира,
 Сениң билен бәш гүн дөвран сүрмесем,
Пока не буду наслаждаться тобою в течение пяти дней (т.е. быстротечной жизни),
 Мениң яныма гел сен, Айжемал!
Приходи ко мне, ты, Айджемал!

Отметим, что последнее слово первой строки (гөрмесем) в книге передано на латинице ошибочно в виде *gürmätäm*, которое получилось не только бессмысленным, оно не соответствует основному фонетическому закону туркменского языка – палатальной гармонии гласных.

Впервые автору этих строк повезло получить удовольствие, слушая эту песню в студенческие годы, в конце шестидесятых – начале

семидесятых годов прошлого столетия, в исполнении своей однокурсницы, активного участника художественной самодеятельности Огулбиби Бердиевой, которая приехала в Ашхабад из Марыйского вилайета (бывший уезд Мерв – Мары) и обучалась вместе с нами на факультете туркменской филологии Туркменского госуниверситета. Песня тогда состояла, кажется, из четырех куплетов, один из которых остался в моей памяти по сей день:

Мениң Айжемалым гыммат бахалы,
Моя Айджемал – высокой цены,
 Тылладандыр көвүшиниң нахалы,
Подкова ее туфли из золота,
 Инди якын гелди гелжек махалы,
Наступает уже время ее прихода,
 Шаңдырдап яныма гел сен, Айжемал!
Приходи ко мне ты со звонами
своих украшений, Айджемал!

Записи этой песни под названием «Айджемал» в исполнении Огулбиби Бердиевой и некоторых профессиональных вокалистов-бахши (исполнитель народных песен) марыйско-пендинского региона, в том числе под аккомпанемент туркменской флейты най (гаргы тюйдюк), хранятся в архивах Туркменского радио и Цент-

рального телевидения Туркменистана. Некоторые туркменские литераторы придерживаются мнения, согласно которому слова этой песни принадлежат одному из поэтов Балканского вилайета конца XIX – начала XX вв. (Байрам-шахиру?). Скорее всего, и слова, и музыка песни «Айджемал» являются народными (анонимными).

Куплет из песни под № 2 (185)

Агалар, дүшдүм бейле зындана,
О, старшие братья, попал я в такую темницу,
 Ачар ёкдур, килиди бар, ханым, билмедим,
Ключа нет, есть только замок, о, мой хан,
не знаю (что мне делать),
 Өзүм зындан ичинде болдум бикарар,
Сам (нахожусь) внутри темницы в отчаянии,
 Дост хайсы, душман хайсы, ханым, билмедим.
Кто мне друг, а кто враг, – о, мой хан, не знаю.

Лексема ханым (ее можно переводить не только как ‘мой хан’, но и как ‘моя госпожа’), присутствующая во второй и четвертой строках, не является элементом стихотворного текста, а

представляет собой приставку к песне исполнителем для достижения ее наибольшей созвучности. Одновременно она как обращение обеспечивает усиление внимания слушателей к песне.

Куплет из песен под №№ 3 и 6 (186)

Кадыр Мөвлам берсе ганат,
Если Всемогущий даст (дал) мне крылья,
 Учдум долаша-долаша, жан-а,
Я летал, путаясь и путаясь
(т.е. снова и снова), о, душенька,
 Учурдым тэзе гүллере, жан-а,
Отпустил на волю (птицу своей души)
по новым цветам, о, душенька,
 Гачар долаша-долаша.
Убегают (она), путаясь и путаясь
(т.е. снова и снова).

Художественная ценность строфы не высока. Как и в предыдущей строфе, в ней присутствует своеобразная песенная приставка: жан-а 'душенька'.

Куплет из песни под № 4 (187)

Отуранда, гулпагы ере дөкдүрен,
Когда она сидит, то ее косы достигают
(досл. льются) земли,
 Дуранда, гулпагы ярым билине уран,
Когда она стоит, то ее косы достигают
(досл. ударят) ровно талию,
 Өзи бир лачын кимин далым уруп дуран,
Сама в подобие ястреба стоит, тоскуя,
 Нирде мениң шах дилберим, гөрүнмез.
Где же моя шахиня-возлюбленная, не видно ее.

Для пояснения туркменского слова гулпак (gulpaq 'косы, волосы'), использованного в первой строке, Герберт Янский приводит без указания на какой-нибудь источник следующий куплет и утверждает, что он является словами одной песни:

Гара гулпакларың йүзүнде чөзгүн,
Твои черные косы (лежат) не сплетенными
в лице моем,
 Солгун гара гөзлер нечүйн сүзүлйэр?
Глаза твои блеклые, почему слипаются?
 Гөзүңе сүрме чек, гулпагыңы дара,
Глаза свои подводи сурьмой,
сплетай косы свои,
 Мундан артык салма багрыма яра!
Больше этого не наноси рану в мою печень.

В действительности это четверостишие является одной из строф стихотворных произведений туркменского поэта, прозаика и ученого Абдулхекима Кульмухаммедова (Abdylhekim Gulmuhammedow, 1885–1931), включенных в сборник его стихов, который был издан в 1926 г. в Ашхабаде под названием «Умыт ялкымлары» («Воспламеняющиеся надежды»). Здесь новым для нас является сведение Г. Янского о том, что имеется песня, сложенная на эти слова.

лом истории изучения туркменской национальной музыки европейскими специалистами 1928 г., ибо именно в том году в Москве был издан В.А. Успенским (1879–1949) первый том своего капитального двухтомного труда «Туркменская музыка», написанного им в соавторстве с В.М. Беляевым (1888–1968) на основе собранных полевых материалов, начиная с середины двадцатых годов прошлого столетия¹⁷. Теперь, когда точно стало известно, что Робертом Лахом еще в 1916 г. была произведена запись на фонографические пластинки, по меньшей мере, шести туркменских народных песен (хотя издание-тиражирование их нотных записей осуществлялось значительно позже),

Некоторые итоги и задачи на будущее

Музыковеды Туркменистана до последнего времени считали нача-

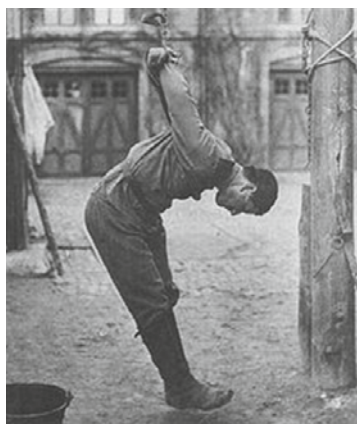
можно будет уточнить указанную выше дату, отодвинув ее хотя бы на несколько лет назад. Кроме того, ноту одной песни из туркменского героического эпоса «Кёроглы» Александр Ходзько (Alexander Chodzko, 1804–1891) включил в книгу своих английских переводов, изданную в Лондоне в 1842 г., а слова другой песни из этого же народного эпоса содержит книга путешествий сэра Александра Борнса (Sir Alexander Burnes, 1805–1841), которая была издана в том же городе еще в 1834 г.¹⁸. Это, во-первых.

Во-вторых, в соответствующем сайте Интернета вниманию пользователей представляется татарская песня «Заман» («Время») в исполнении Государственного фольклорного ансамбля Республики Татарстан, а на видео

(вначале) – старая грамофонная запись этой песни, исполненная татаринном в плену у немцев в ходе Первой мировой войны¹⁹. Это говорит о том, что наши ученые-музыковеды в сотрудничестве со своими австрийскими коллегами могут и должны находить в архивах звукозаписей этой страны все сохранившиеся национальные песни тюркских народов для использования их в новом исполнении, а также вести по ним конкретную исследовательскую работу. Восстановление на основе старых магнитных лент живого языка и голоса участников Первой мировой войны будет непреходящей памятью современных поколений о них и своеобразным символом склонения головы перед героизмом и мужеством своих дедов и прадедов.

Русские, захваченные под Танненбергом

Пытка военнопленного в австрийском лагере

Роберт Лах

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Военнопленные Первой мировой войны // Цитируется по сайту в Интернете: voynablog.ru/2012/04/12/voennoplennye-pervoj-mirovoj-vojny/ (28.02.2013) и др.

² См.: Новикова И.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные на строительстве Мурманской железной дороги // Военно-исторический журнал, 2006, № 2.

³ Подробнее см.: Söyegov M. Sandarmoh'ta şehit olan üç Türkmen aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. Kerkük/Irak, 2011. S. 14–20.

⁴ Латыпов Т. «Низко кланяемся дорогой земле Казанской» // Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-24631.htm> (01.03.2013).

⁵ Исхаков С. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир, 2004, № 15.

⁶ Söyegov M. Türkmenler ve İlk Dünya Savaşı // Türkmenistan'ın Bağımsızlığının Sekizinci Yılına Armağan. Aşgabat: UTTÜ, 1999. S. 1–19; Соегов М. Туркменский кавалерийский полк // Türkmen ylmý Galkynyş we halkara gatnaşyklar ýolunda (Ylmý makalalar ýygundy – 2011/3). Aşgabat: Ylym, 2011. S. 96–117.

⁷ См.: Туркмен Совет Энциклопедиясы. Т. 6. Ашгабат, 1984. – С. 327.

⁸ См.: Söyegov M. Sandarmoh'ta şehit olan üç Türkmen aydın. S. 14–20.

⁹ Более подробно см.: Соегов М. Туркменский писатель-белоэмигрант из Соединенных Штатов Мексики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64). – № 3, ч.1. – С.259–266.

¹⁰ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands, II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und tscherkessisch-tatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1952. S. 5.

¹¹ См.: Какук Ж. Татарский материал Игнаца Куноша // Советская тюркология, 1987, № 3. – С.53–57.

¹² Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. II. Band: Turktatarische Völker. I. Abteilung: Krimtatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1930. S. 5–76.

¹³ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands. S. 5–57, 92–165.

¹⁴ Гилязов И. «Германия воспринимает вас не как военнопленных, а как своих гостей». О книге Маргот Каляйс «Мусульмане в Бранденбурге – военнопленные в Первой мировой войне» // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002, № 1/2.

¹⁵ Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан, 2012, № 4. – С. 51–56.

¹⁶ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands. S. 66–67, 176–178, 207.

¹⁷ См.: Гуллыев Ш. Туркменская музыка (наследие). Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1998.

¹⁸ См.: Söyegov M. Köroğlu Destanlarından Bazı Şiirlerin XIX. Yüzyılda Birleşik Krallık'ta ve ABD'de İncelenmesi (Yazarlar, Eserleri ve Tercümelere Hakkında Kısa Notlar) // Türk Halklarının Edebi Geçmişi: Türk Destanları. Uluslararası Sempozyum. Bakü, 2004. – S.14–23.

¹⁹ Первая мировая война... Песня пленных татарских солдат // Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.turkist.org/2012/09/tatar-alman.html> (28.02.2013).

Аннотация

На фоне ярких событий периода Первой мировой войны, происходивших с военнопленными противостоящих сторон, кратко описываются отдельные эпизоды боевых действий Туркменского конного полка и дальнейшие судьбы его командиров. Наиболее конкретно рассматриваются вопросы, связанные с работой некоторых западных музыковедов по грамофонной записи песен тюркских народов, у представителей которых были произведены эти записи в лагерях для военнопленных. Проводится анализ туркменских песен, записанных австрийским музыковедом Робертом Лахом в 1916 г.

в исполнении военнопленного-туркмена Реджепа Сары, который был родом из уезда Мерв (Мары) Закаспийской области (Туркменистан).

Ключевые слова: военнопленные, лагерь, народные песни, музыковед, граммофонные и нотные записи.

Summary

On the background of the brightest events of the First World War, which took place with the prisoners of the opposing sides, the individual episodes of fighting of Turkmen cavalry regiment and the fate of his commanders are described in brief. The author examines in detail the issues related to the work of some Western musicologists on a gramophone record of the songs of Turkic peoples, the representatives of which had these records in war camps. Turkmen songs are analyzed recorded by Austrian musicologist Robert Lach in 1916, performed by the prisoner-Turkmen Rejep Sara, who was born in the county of Merv (Mary), the Trans-Caspian region (Turkmenistan).

Keywords: prisoners, war camp, folk songs, music, gramophone records and musical notes.

УДК 82.0(091)

АБУЛЬМАНИХ КАРГАЛЫЙ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЭТА-СУФИЯ

А.А. Хасавнех, кандидат филологических наук

XIX век богат именами таких татарских поэтов-суфиев, как Габдрахим Утыз Имяни (1754–1834), Абульманих Каргалый (1782–после 1833), Хибатулла Салихов (1794–1867), Шамсетдин Заки (1825–1865), Гали Чокрый (1826–1889), Ахметзян Тубыли (1825–189?) и т.д. В этой яркой плеяде талантливых мастеров пера имя А.Каргалый (Габдессалям Абульманих Абульфаиз угылы) занимает видное место.

Профессор Г.Тагирджанов, говоря о необходимости изучения наследия поэтов-суфиев, отметил: «Если наши литературоведы и ученые, изучающие истории общества, скрупулезно будут исследовать этих суфийских поэтов, то, по нашему мнению, они собрали бы довольно-таки большую информацию о внутренней борьбе литературного движения того времени в области развития общественной мысли. ...Вдобавок, из этих письменных памятников можно получить богатые сведения о преобладающих литературных формах, техниках стихосложения, средствах художественного описания. Наконец, подробное изучение суфийской литературы, кроме показа влияния властвовавшей идеологии на общественную мысль, даст и интересные сведения о литературных взаимоотношениях» [22, с.63–64]. Это мнение ученого, высказанное о поэтах-суфиях средневековья, относится и к творчеству А.Каргалый.

Имя этого поэта стало известно широкому кругу читателей благодаря его книге «Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сагиди», изданной в 1845 г. в Казани [25]. В 1889 г. в типографии Казанского университета на средства жителя деревни Нижняя Корса Шамсутдин б. Хусаина вышло его второе издание¹.

В конце второго издания приводится сведение следующего характера: «Эта книга, т.е. переводы кысса о святых из книг «Тафсир-кабир» (Великий тафсир) и «Мишкат ал-анвар» (Источник лучей), выполнена покойным хаджи Абульманихом из Сеидовского посада» [25, с. 34].

Однако еще до издания вышеуказанного сборника его произведения получили широкую известность. Об этом свидетельствует тот факт, что его стихотворения, начинающиеся со слов «Сакыйн, бу дөнъя бәнем минем дәю, итмә тәгъмир сәгый... », «Жиһанның жаһ-у малы... », и две последние строки стихотворения «Холус үзрә, йуре, мөшкилләре асан идән улдыр... » уже были включены в «Татарскую хрестоматию», составленную Мартимианом Ивановым [14, с. 90; 133]. Безымянное стихотворение, посвященное вассальному казахскому хану Джихангиру Букееву, уже было включено в «Татарскую хрестоматию», составленную педагогом и языковедом Салихджаном Кукляшевым (1811–1864) [24, с. 11–112].

В литературоведческой науке было принято считать, что первые сведения о суфийском поэте А. Каргалый дал Ризаэддин б. Фахруддин в своем фундаментальном труде биобиблиографического характера «Асар». Однако это не совсем так. Первым на жизненный путь и творчество татарского поэта обратил внимание поэт-просветитель, первый исследователь-краевед из башкир М.И. Уметбаев (1841–1907); именно он является первым биографом А. Каргалый. Есть основания предположить, что сведения о поэте М.И. Уметбаев включил в свою рукопись «Путешествие в хадж», которая так и осталась неопубликованной. Эти сведения затем успешно использовал знаток башкирского края, профессор М.В. Лоссиевский. В девятой главе работы «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (Историко-этнографический очерк)» автор пишет: «Из писателей последнего времени пользуется известностью Абуль-Маних, который в качестве ученого муллы поехал с Бухарским посланником в Константинополь, а оттуда через Египет направился в Мекку и Медину. В Египте он написал стихотворный перевод Тевсир Кебира. В этой книжке он рассказывает о своем путешествии и между прочим говорит: «И этого бедняка (т.е. самого автора книги) Судьба заставила топтать прах османов!». Возвратился Абуль-Маних в 1814 г., будучи счастливее других в своем путешествии» [13, с. 378]. При этом М.В. Лоссиевский сообщает о том, что при написании данной главы он пользовался рукописями вышеупомянутого башкирского просветителя Мухамметсалима Уметбаева.

Видный татарский ученый-литератор, этнограф и просветитель XIX века К.Насыри (1825–1902) в своих «Путевых заметках» при описании Сеидовского посада, откуда был ро-

дом татарский поэт А. Каргалый, пишет: «Из этого Сеидовского посада вышло много ученых; издревле он был городом ученых. У некоторых деятелей [Сеидовского посада] известны их сочинения. Например, Абульманих эфенди был прославленным поэтом. Мы знаем о его книге, которая весьма распространена в народной среде» [15, с. 119].

Отдельные стихотворения А. Каргалый, не включенные в два его издания, без указания автора были помещены в конце книги «Уммикамал», изданной в 1884, 1898, 1906 гг. [16]. В частности, они озаглавлены следующим образом: «Мөнажәт әл-хажи Әбелмәних әл-Каргалый», «Изанамәэ хажи мәрхүм Мөхәммәд бай мәрхүмгә», «Хажи мәрхүмнең Кибай бай мәрхүмгә язганы», «Тәнбиһ әл-хажи әл-мәрхүм», «Вәлә иза фи мәдех рәсүл Аллаһ галәйһи әс-салават вә-с-сәлам», «Вәлә иза мөнажәт», «Тәхрир әл-хаж әл-мәрхүм», «Бер адәмнең ләтйфә дилкәшәсе үз хатынына», «Хатынның жавабы иренә», «Вәлә иза сахрадан кайткач әйткәнә». После стихотворения, посвященного Мухаммад баю, приводится дата его написания: «Это сочинение завершено 10 июля 1833 года» [16, с. 109]. Принято считать, что это произведение – последнее творение татарского автора.

Расширенная информация об А. Каргалый содержится в работе известного ученого-просветителя, религиозного деятеля, историка, журналиста, педагога и общественного деятеля Ризаэдина б. Фахрудина (1859–1936) «Сеидовский посад» (Сәгыйд). Так, о генеалогии поэта он пишет: «Первый имам [Сеидовского посада. – А.Х.] Габдуссалим бин Уразмухаммед (Урай) бин Кулмухаммед бин Кулчура – выходец из деревни Менгер [19, с. 59] Алатской дороги Казанского края. Известно, что в 1159 году по Хиджри [1746 М.] занимался

обучением [детей] в деревне Ташкичу [19, с. 57] Казанского края. Предположительно в том же году переехал в Сеидовский посад, стал имамом, ахундом и мударрисом при мечети. Известный поэт Абульманих б. Абульфаиз является правнуком этого человека» [21, с. 17].

Из восьми помещенных в этой же книге стихотворений только четыре принадлежат перу А.Каргалый. Жанр третьего стихотворения, начинающегося со слов «Холус үзрә йөри мөшкилләре асан идән улдыр», не имеющегося в двух изданиях, в данном случае обозначен как *таслия*. Ему дается такое пояснение: «Из мекневи² Вали ад-Дина б. Хасан ал-Багдади ал-Мукраи, где рассказано о людях Сеидовского посада» [21, с. 8].

Поэтическое произведение, начинающееся словами «Жиһанның жаһ малы нәфсә гаятьдә хөснәдер бу», которое в обоих изданиях имеется в первом хикаяте, обозначено как *шикаят* (жалоба). Стихотворение «Латифа³ Абульманих», не присутствует в двух известных нам изданиях поэта. Поэтическое произведение «Ташаккур Абульманих» в «Асар»е следует вторым по счету и в двух изданиях включено в третий хикаят.

Некоторые сведения об А.Каргалый можно почерпнуть и в четвертой части первого тома фундаментального труда «Асар» (Следы) Риззәтдина б. Фахрутдина. В частности, он приводит небольшую биографию поэта, в которой сообщается, что «он в 1231 г. [1816 – м.] в качестве сопровождающего некоему послу по имени Мухаммед Йусуф отправился в город Стамбул, оттуда направился в паломничество, посетил Мекку и Медину. Говорят, когда ему было сорок лет, он с целью повторного совершения паломничества отправился в Хиджаз, и в 1240 году умер в пути» [1, с. 201]. После этой информации следует три стихотворе-

ния поэта без названий («Жиһанның жаһ малы нәфсә гаятьдә хөснәдер бу... », «Әйә мескин Мәних шөкрана кыйл собх-у мәсаләр сән... », «Холус үзрә йөри мөшкилләре асан идән улдыр... »). Ученый, восхищаясь ими и давая высокую оценку, пишет: «За приведенные [в статье] стихи нигде и ни в каком веке не придется краснеть» [1, с. 203].

Риззәтдин б. Фахрутдин был хорошо осведомлен в культурно-литературной среде Сеидовского посада того времени. Вот как он описывает ее: «...Когда-то в Сеидовском посаде, подобно ему [Абульманиху Каргалый. – А.Х.], творило большое количество красноречивых поэтов, остроумцев, беседы которых приятно завораживали слух, и писателей, литературные вечера которых являлись духовной пищей» [1, с. 203].

В 1907 г. в Оренбурге был издан двухтомный исторический труд известного татарского ученого, историка, духовного деятеля Мухаммад Мурада Рамзи (1854–1934) «Талфик ал-ахбар ва талхик ал-асар фи вакаи⁴ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» (Известия и сведения о событиях в Казани, Булгаре и татарских правителях). В нем, как в вышеупомянутой книге Р.Фахрутдина «Асар», освещается жизнедеятельность многих ученых, представителей самых разных областей сфер деятельности татарского народа. В нем М.М.Рамзи приводит уже известные факты о жизни и творчестве Абульманиха Каргалый. Автор книги высоко оценивает при этом его поэтические творения: «Стихи его красноречивы, хорошо сложены, легковосприимчивы». В заметке о поэте включена его касыда, начинающаяся со слов «Әйә, мескин Мәних, / Шөкер иннаһу кыйла сабах вә мәсаләр сән» и заканчивающаяся строкой «Сәләмәт китмәке иман илә, / Дунйай дүнлән сән, ah!» [17, с. 423–424].

Сведения о поэте, приведенные в «Асар»е, также повторяются и в учебном пособии Г.Исхакый (1887–1937?) «Әдәбият юллары». Автор пособия ошибочно указывает (либо по причине опечатки) год второго издания книги «Переводы хаджи...» как 1898 вместо 1889 [7, с. 97].

По мнению литературоведа Дж. Валиди (1887–1932), «когда мы пишем о наших поэтах, нельзя забывать и хаджи Абульманиха, у которого имеется изданное произведение «Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Сагиди»... С хаджи Абульманихом эфенди меня познакомил уважаемый Ризаэтдин эфенди хазрет. Прочитав одно из стихотворений поэта, включенное в «Асар», я удостоверился в том, что Абульманих [Каргалый] является одним из истинных поэтов» [2, с. 91–92].

Жизнь и творческая деятельность А.Каргалый более расширенно освещаются в книге Г.Рахима (1892–1943) и Г.Газиза (1887–1937) «История татарской литературы. Период феодализма». Так, в разделе «Религиозно-суфийская литература» [18, с. 184–186], в котором отдельно рассматривается и жизнедеятельность исследуемого нами поэта, говорится о его поездке в Бухару и нахождении там на службе у ишана Ниязкули ат-Туркmani⁴. Авторы дают небольшую характеристику его книге, источником для которой послужили «Тафсир-и кабир» и «Мишкат ал-анвар» М.Газали. Они указывают на то, что текст стихотворений написан метрами рамаль и хазадж квантитативной системы стихосложения. Согласно этим сведениям, стихи, приведенные Ризаэтдином б. Фахрутдином в указанном труде, не включены в изданные книги А.Каргалый. Г.Рахим и Г.Газиз, рассматривая языковые особенности произведений поэта, отмечают, что «...они мало подвержены чагатайско-

му влиянию и полностью находятся под влиянием османского языка» [18, с. 186].

Литературовед М.Х.Гайнуллин (1903–1985) в своей книге «Татарская литература XIX века» отмечает творческие особенности поэта. Так, ученый пишет: «Хаджи Абульманих в переводческой деятельности не ограничился лишь переложением произведений других авторов в стихотворную форму. Переводы он выполнил творчески, обогащая их своими наблюдениями, знаниями, что делало каждое произведение более занимательным и поучительным. Включенные же в книгу («Переводы Хаджи...») мемуарный отрывок о путешествии, оды и поэтические письма составляют оригинальное творчество поэта» [4, с. 93]. По мнению ученого, он писал рифмованные письма, которые представляют из себя одну из многих форм эпистолярного художественного творчества; «письма позволили поэту высказаться более полно и откровенно» [4, с. 95]. К этому следует добавить, что отдельный литературный жанр мактубат (от араб. – «письма»), занимающий в творчестве А.Каргалый значительное место, является одним из основных в творчестве суфийских авторов. Что касается мировоззрения А.Каргалый, то, по мнению ученого, он «...близок к поэтам-аскетам. Во многих стихотворениях, признавая тленность мира, он призывает не поддаваться людской хитрости, не прельщаться богатством; как и другие поэты-суфисты, он осуждает людей жадных, корыстных, завистливых» [4, с. 93–94]. В дополненном, втором издании на татарском языке этого труда он также поместил отдельные отрывки из произведения А.Каргалый «Переводы хаджи...», а также некоторые его стихотворения, включенные в книгу «Уммикамал» [3, с. 32–43].

Башкирский литературовед А.И.Харисов (1914–1977), охарактеризовав степень суфизма у А.Каргалый, полностью разделяет точку зрения М.Х.Гайнуллина, правда, с некоторой оговоркой: «А.Каргалый смотрит на мир, на материальное и духовное богатство в нем, с точки зрения человека иного мира, с позиции суфиев. Но он не является последовательным суфием, его суфизм в действительности заканчивается при описании природы и любовных чувств, где он показывает себя как человека земного, поэтом этого мира» [27, с. 292].

Нужно отметить, что этот методологический стереотип, подкрепленный идеологическими и психологическими предубеждениями по поводу суфизма, был присущ не одному поколению литературоведов постсоветского пространства. В научно-исследовательской литературе до сих пор еще бытует противопоставление суфизма как течения, свойственного средневековому феодальному обществу, прогрессивным и просветительским идеям. Так, например, ведя речь о творчестве поэтов-суфиев, некоторые авторы объясняют суфийскую направленность их деятельности веянием эпохи, сложившейся исторической обстановкой и т.д., и тут же, как бы в оправдание, выделяют и «прогрессивные» стороны их произведений. Такой подход в корне неверен. В данном случае мы к тому же имеем дело со специальной суфийской терминологией: в суфийских стихах о красоте природных явлений или о пленительности женщины подразумеваются глубокие аллегорические символы. Поэтому относить А.Каргалый к непоследовательным суфиям было бы, мягко говоря, неуместно.

В своей книге М.Х.Гайнуллин поместил некоторые отрывки из произведения поэта «Переводы хаджи...» [27, с. 293–296] и другие его стихотво-

рения, не включенные в два издания, с переводами их на башкирский язык. Речь идет о произведениях поэта, начинающихся со строк: «Жиһанның җаһ, малы нәфсә гайәт дә хәсәндәр бу...», «Ошбу көн вармыш идем сәйран өчен сахра тараф...», «Галәм әйванында гамме кидәрер өч нәрсә, бел...» [27, с. 293–296]. При этом стихотворение поэта, созданное в жанре мухаммас (араб., букв. – упятеренный), строфической форме в поэзии народов Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии [12, с. 231] и помещенное в книге «Сеидовский посад», автор приписывает А.Каргалый. Ризаэтдин б. Фахрутдин ранее в отношении авторства данного стиха дал объяснение следующего содержания: «Я ознакомился [с этим стихотворением] в одном из сборников, в котором упоминалось, что данное стихотворение принадлежит перу некоего человека из Сеидовского посада. Однако ввиду большого сомнения в том, что в нашей стране имеется кто-либо [иной], способный на подобное красноречие, не относя это произведение кому бы то ни было, поместил его здесь» [21, с. 12].

Известный археограф А.Фатхи (1937–1992), рассматривая творчество суфийских поэтов в тесной связи с историей татарского народа, отмечает: «...и таких суфийских поэтов, как Хибатулла, Абульманих, Ш.Заки, мы можем рассматривать не иначе, как российских граждан. Они хотя и являются суфиями по общим взглядам на мир, судят о жизни конкретного народа – татар, изучают поведение этого же народа, его сословий, выражают свое отношение к различным явлениям, событиям. ...Следовательно, нет никаких оснований представить татарских суфиев как не имеющих отношения к их временем, обществом дервишей, скитающихся на каких-то суфийских пространствах» [26, с. 112].

Наиболее полные сведения о жизни и творческой деятельности А.Каргалый приводятся в учебном пособии для студентов, составленном Ш.А.Садретдиновым (1936–1996) и М.В.Гайнутдиновым [20, с. 35]. В нем также проанализированы произведения поэта. Ученые отмечают, что «в результате изысканий в этом направлении были обнаружены еще три стихотворения поэта, которые до сих пор не были упомянуты ни одним автором: «Жиһангир ханга», «Әбелләс мәрхүм бине Әбелфәез мәрсиясе», «Кара йөзле гариб өммәт...» [20, с. 7]. Два первых стихотворения впервые были опубликованы в данном учебном пособии авторов на кириллице с пояснениями отдельных слов и выражений. Ш.А.Садретдинов и М.В.Гайнутдинов также указывают на то, что копии стихотворений, начинающихся со строк «Ошбу көн вармыш идем сәйран өчен сахра тараф...», «Галәм айванында гамме кидәрер өч нәрсә, бел...», «Зи сәгадәт соруре галәм хәбибе кибрия...», «Ибтида кыйлдым кәлями наме Хаклә бән гариб...» и включенных в книгу «Уммикамал», а также стихотворения «Мәрсийа ли хәйа мелла Әбелләс бине Әбелфәез», «Тәшәккер» имеются в сборнике «Маджма‘ ал-китаби абйат». Они хранятся в фонде Института востоковедения имени Абурейхана Бируни Академии наук Узбекской ССР [20, с. 8].

В книге «XIX йөз татар әдәбияты ядкарләре» (Памятники татарской литературы XIX века) [14] приводится большая часть текста из книги А.Каргалый «Переводы хаджи...», а также и другие стихотворения автора, включенные в книги: «Уммикамал», «Материалы по истории татарской литературы», «Татарская хрестоматия» М.Иванова, рукописный сборник «Маджмаг ал-китаби абйат», «Диване хикаят татар» Салихджана

Кукляшева с комментариями к ним. Что касается эпистолярного произведения «Кибай байга», то, как отмечает Ш.А.Садретдинов, оно посвящено «известному богачу из Каргалы [Сейдовского посада] – купцу первой гильдии Губайдулле Заетову. Этот факт был выявлен Масгутом Гайнутдиновым из документов Оренбургского областного архива» [14, с. 128].

Другой башкирский ученый Г.С.Кунафин подробно останавливается на фактах из жизни отца А.Каргалый – Абулфаиза эфенде и его деда Габдуссалам ахунда. «Его дед был человеком высокообразованным, набожным, пользовался высоким авторитетом среди народа. И дед, и отец всегда выражали активную гражданскую позицию. Так, например, Габдуссалам ахунд принял активное участие в народной освободительной борьбе под руководством Батырши; также он писал стихи и книги на разные темы. А.Каргалый в своих стихах с большой гордостью отзывается о своем деде, выделяя прежде всего его ученость и большое количество учеников и последователей» [10, с.159]. Рассматривая второй хикаят А.Каргалый, включенный в состав «Переводы хаджи...», Г.С.Кунафин также отмечает, что «им создано еще одно романтическое сочинение про Самсона, овеянное религиозно-мистическими, аскетическими мотивами» [11, с. 35].

У.И.Гимадиев (1920–1987) в одной из своих статей, посвященных жизни и деятельности А.Каргалый, пишет, что поэт, «поместив лиро-публицистические отступления, приводя свои объяснения рассказам, стремится дать им современное звучание. ...В ткань рассказов вкрапляет и собственные произведения (газели, мунаджаты, бейты)» [5]. Однако автор статьи ошибочно воспринимает названия жанров за названия стихотворений: «Он [Ризаэтдин б. Фахрутдин] гово-

рит эти слова [слова восхвалений и восхищений] в отношении четырех стихотворений, составляющих 54 строки – «Таслия», «Шикаят», «Латифа», «Ташаккур» [5].

А.Каргалый посвящен очерк З.Я.Шариповой во втором томе шеститомной «Истории башкирской литературы». Автор, перечисляя все известные ей сведения о жизнедеятельности поэта, пишет: «На сегодняшний день известно, что до революции было издано двадцать произведений поэта [А.Каргалый], включая и рукописные, которые в целом составляют 2200 строк» [29]. Но эти данные были зафиксированы ранее Ш.А.Садретдиновым и М.В.Гайнутдиновым в упомянутом выше труде [20, с. 8]. Однако впоследствии известный немецкий ученый М.Кемпер поставил под сомнение приведенные башкирской исследовательницей цифры. По его мнению, сама только поэма «Переводы хаджи ... », по подсчетам Шариповой, включает уже 1836 строк, десять стихотворений из сборника «Умми Камал» добавляют еще 250 строк. К этим цифрам нужно добавить и количество строк из девяти неопубликованных стихотворений поэта [8, с. 204]. Однако при этом он сам не уточняет, сколько же поэтических строк или бейтов составляет творческое наследие А.Каргалый.

М.Кемпер первым из зарубежных исследователей обратил внимание на изучение биографии и творческого наследия татарского поэта А.Каргалый. Он приходит к новым и в некотором смысле неожиданным выводам. Так, по мнению ученого, Абульманиха Каргалый отличается от других татарских поэтов-суфиев из окружения Муджаддидийа, критика власти и устоев которых носила в основном пессимистический характер, то, что «в своей суфийской поэзии

он защищает власть и относится к ней лояльно» [8, с. 203]. Также, принимая во внимание то, что в поэзии А.Каргалый встречаются указания на тесную связь его с казахской средой, М.Кемпер выдвинул предположение, что «он, вероятно, работал муллой среди казахских племен в степи южнее Оренбурга» [8, с. 203]. Многие исследователи при написании работ о творчестве А.Каргалый⁵ допускали одну и ту же ошибку, утверждая, что слово *тәржемә* в названии сборника «Тәржемәи хаджи Әбелмәних эл-Бистәви әс-Сәгыйди» означает «перевод». М.Кемпер исправил эту ошибку; по его словам, «слово *тәржемә* в названии дивана означает не «перевод», а «биография», так как в тексте поэт приводит определенные сведения о своем жизненном пути» [8, с. 203].

Стихотворения А.Каргалый в свое время были широко распространены среди населения. Например, обнаруженный известным археографом С.Г.Алимовым (1872–1939) в 1941 г. полный список произведения, начинающийся со слов «Кара йөзлү гариб өммәт», в настоящее время хранится в Институте востоковедения Российской академии наук. Там же имеется и неполный список, привезенный с археографической экспедиции в 1934 г. [6, с. 116]. В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета имеется рукопись одного сборника поэта, состоящая из десяти хикаятов и одного стихотворения [9, с. 36–36]. Из описания рукописи известно, что этот сборник, переписанный неким Садретдином б. Фахрутдином, был обнаружен лаборантом М.Билаловым во время экспедиции, организованной кабинетом языка и литературы Научно-исследовательского института экономики Татарстана в Челнинский и Бугульминский

кантоны. Еще одно стихотворение поэта находится в сборнике, переписанном в 1853 г. в деревне Уньба [19, с. 87].

Тексты двух стихотворений А.Каргалый, включая факсимиле, начинающиеся словами «Күңелдән кидәрүр өч нәснә кайгу...» и «Галәм айванында гъәми...», включены в «Материалы по истории татарской литературы для практических занятий студентов, составленные профессором Х.У.Усмановым (1908–1992) и известным археографом З.А.Максудовой (1897–1980)» [23, с. 45–46; 97–98].

Текстологически подготовленные произведения А.Каргалый вместе с произведениями Ш.Заки на современном татарском алфавите были изданы отдельной книгой [28, с. 152].

Таким образом, исследование жизнедеятельности татарского поэта-суфия первой половины XIX века А.Каргалый, начатое еще с середины XIX века, продолжается и в наши дни. Благодаря усилиям и кропотливому труду ученых, предметом изучения которых явились жизненный путь и творческое наследие татарского поэта, собран значительный материал. Однако, несмотря на более чем вековой период изучения биографии и произведений суфийского поэта, большее внимание, как мы видели из обзора выше, было уделено первому

фактору, т.е. раскрытию фактов из биографии поэта. Что касается произведений А.Каргалый, то им отведено значительно меньше внимания. К сожалению, даже в приведенных анализах стихов татарского поэта довольно часто встречается неправильная трактовка суфийских символов, либо не в полном объеме раскрывается содержание глубоких и аллегорических по содержанию поэтических творений А.Каргалый. Это связано со многими причинами, одна из которых кроется в том, что основная часть научных трудов по творчеству поэта была написана в советское время, когда в литературоведении царствовали определенные идеологические предубеждения и установки, препятствующие адекватному освещению творчества того или иного автора, а другая причина заключается в трудности понимания текстов А.Каргалый, лексический состав которых в значительной степени состоит из арабизмов, фарсизмов и древнетюркских слов; кроме того, составление анализа стихов данного автора предполагает работу с первоисточниками, т.е. с рукописными вариантами стихотворных текстов. Все эти факторы оставляют большой задел для современных исследователей жизненного и творческого пути такого талантливого и оригинального поэта, как А.Каргалый.

Литература

1. Асар. Мөлкәтемездә улан Ислам галимләрәненң вә мәшһүр кемсәләрәненң тәржемә табакъләре тарих, вәладәт вә вафатлары, вә башка әхвалләре хакында йазылмыш китабдыр. Дүртенче жөзә. Сахибе Ризәэддин бине Фәхрәддин. – Оренбург: Тип. М.-Ф.Г.Каримова, 1903. – 205 б.

2. *Вәлиди Ж.* Татар әдәбиятының барышы / Ж.Вәлиди. – Оренбург, 1912. – 122 б.

3. *Гайнуллин М.Х.* Татар әдәбияты. XIX йөз. Тулыландырылган икенче басма: Югары уку йортлары өчен / М.Х.Гайнуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 690 б.

4. *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература XIX века / М.Х.Гайнуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 307 с.

5. *Гыймадиев У.* Илгизәр шагыйрь Әбелмәних / У.Гыймадиев // Кызыл таң. – 1984. – 16 нояб.

6. *Дмитриева Л.В.* Описание тюркских рукописей Института Востоковедения. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика / Л.В.Дмитриева. – М.: Гл. ред. восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1980. – 262 с.

7. *Исхакий Г.* Әдәбият юллары (Рөшди мәдрәсәләребез өчен дәреслек) / Г.Исхакий. – Казан, 1920. – 140 б.

8. *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / Пер. с немецкого / М.Кемпер. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 655 с.

9. Кулъязмалар тасвирамасы. XII чыг. Татар әдипләре һәм галимнәренә кулъязмалары. Өченче бүлек / Төзүчесе Альберт Фәтхи. – Казан ун-ты нәшр., 1968. – 83 б.

10. *Кунафин Ф.* “Камил гилем бөтмәс дәүләт булыр...” // Ағизел. – 2002. – №9. – Б. 159–165.

11. *Кунафин Ф.* XIX быуаттың тәүге яртыһы башкорт язма поэзияһында метод һәм стиль мәсьәләһе / Ф. Кунафин // Башкорт әзәбиәтендә метод һәм стиль мәсьәләләре: мәкәл. йыйын. – Өфө, 1982. – Б. 30–43.

12. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М.Жокевичева и П.А.Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

13. *Лоссиевский М.В.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (Историко-этнографический очерк) / М.В.Лоссиевский // Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С. 368–389.

14. *Миңнегулов Х., Садретдинов Ш.* XIX йөз татар әдәбияты ядкярләре / Х.Миңнегулов, Ш.Садретдинов. – Казан ун-ты нәшр., 1982. – 143 б.

15. *Насыри К.* Сайланма әсәрләр: Ике томда / К.Насыри. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 1 т. – 333 б.

16. *Өмми Кәмал.* – Матбагаи Кәримия Казанда кәнде мәсарыфларилә 1906 сәнә. – 112 б.

17. *Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талхик ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар (на арабском языке): В 2 томах. – Оренбург, 1908. – Т.2. – 534 с.

18. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Икенче басма. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты нәшрә, 1925. – 314 б.

19. Республика Татарстан. Административно-территориальное деление на 1 января 1992 года / Составитель Б.Х.Сыромолотов. – Казань: Барс, 1992. – 320 с.

20. *Садретдинов Ш., Гайнетдинов М.* XIX гасырның I яртысында татар поэзиясе. Өбелмәних Каргалый: (Студентлар өчен ярдәмлек) / Ш.Садретдинов, М.Гайнетдинов. – Казан ун-ты нәшр., 1978. – 35 б.

21. *Сәгыйд.* Оренбург шәһәрәнә табиғ улан “Сәгыйд”нең Жамигъ вә имамларыны тәғриф идән рисаләдер. Асәр Ризаэтдин. – Казан, 1897. – 32 б.

22. *Таһиржанов Г.* Тарихтан – әдәбиятка / Г.Таһиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 167 б.

23. Татар әдәбияты тарихыннан студентларның практик дәресләре өчен уку материалы / Хәзерләүчеләр: Х.Госман һәм З.Максудова. – Казан, 1967. – 99 б.

24. Татарская хрестоматия, составленная Салих Джаном Кукляшевым. – Казань, в университетской типографии, 1859. – III+124 с.

25. Тәржемәи хажи Өбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Бу китаб Казан университетының табыгханәсендә басма улынмышдыр Түбән Курса авылы Шәмседдин Хөсәен углының хәражәте илән 1889 нчы елда. – 34 б.

26. *Фәтхи А.* Мәғрифәт төбәкләре һәм әдәби багланышлар / А.Фәтхи // Казан утлары. – 1968. – № 2. – Б. 103–122.

27. *Харисов Ә.* Башкорт халкының әзәби мирафы. XVIII–XIX быуаттар / Ә.Харисов. – Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 1965. – 416 б.

28. *Шәмсетдин Зәки, Өбелмәних Каргалый. Мөнажәтләр.* Хикәятләр / Төзүче, иске татар теленнән күчәрүче һәм сүз башы язучы Мәсгуд Гайнетдин. – Казан: Иман, 2002/1423. – 152 б.

29. *Шәрипова З.* Өбелмәних Каргалы (1782–1833) / З.Ш.Шәрипова // Башкорт әзәбиәте тарихы: Алты томда. – Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 1990. – 2 т.: XIX–XX быуат башы әзәбиәте. – Б. 60–70.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Бу китаб Казан университетының табыгханәсендә басма улынмышдыр Түбән Курса авылы Шәмседдин Хәсәен углының хәражәте илән 1889 нчы елда. – 34 б.

² Месневи (араб. – сдвоенное), жанровая форма восточной поэзии, возникшая на иранской почве и получившая распространение по преимуществу также в тюркских литературах Ближнего и Среднего Востока: Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М.Кожевникова и П.А.Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 217.

³ Латифа (араб., букв. – шутка, острота), жанр литературы и фольклора Ближнего и Среднего Востока: Литературный энциклопедический словарь... – С. 176.

⁴ Сведение о том, что А.Каргалый являлся муридом у прославленного бухарского шейха Нийазкули ат-Туркмани, остается документально неподтвержденным. См. об этом ниже.

⁵ Имеются в виду, к примеру, работы М. Гайнуллина, М. Гайнутдинова, З. Шариповой и др.

Аннотация

В данной статье освещается история изучения жизни и творчества татарского поэта-суфия XIX века А.Каргалый. Помимо степени изученности выявляются некоторые неточности, допущенные в трудах ученых-литераторов прошлых столетий, намечаются основные направления, задачи и перспективы дальнейшего исследования жизнедеятельности поэта.

Ключевые слова: Абульманих Каргалый, поэт-суфий, Сеидовский посад, поэтические переводы.

Summary

The article dwells upon the history of researching the life and work of Tatar sufi poet of the 19th century A.Kargaly. During the study of the issue some inaccuracies in the works of literary scholars of the past centuries were identified, and main directions, tasks and opportunities are planned for further researching of the poet's life.

Keywords: Abulmanih Kargaly, Sufi poet, Seidovsky settlement, poetic translations.

УДК 930.2

ДОКУМЕНТ О ПЯТИСОТЛЕТНЕЙ ТРАДИЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТАТАР

*М.И. Ахметзянов, доктор филологических наук,
М. Акчуринов, аспирант*

История как наука изучается, прежде всего, на основе документальных источников. Это касается всех направлений проблем, поставленных перед исследователями.

Источниками для исследователей могут быть древние документы, рукописные сочинения, написанные на разных языках, а также археологические памятники, нумизматические материалы, рисунки, картины, чертежи, карты, языковые материалы, этнографические концепции.

В данном случае мы имеем дело с письменным памятником на татарском языке, написанном в 977 г. по мусульманскому летосчислению или в 1570 г. по юлианскому календарю.

Данный письменный памятник официально хранится в Государственном архиве Мордовской Республики (г.Саранск) среди бумаг фонда Саревского монастыря. Данный документ является уникальным по своему содержанию и назначению.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что подобные документы по татарской истории являются большой редкостью.

Текст документа написан в стиле настаглик арабской графики. Такие документы очень редко сохраняются, например, времен Казанского и Касимовского ханств, всего один подлинник казанского хана Сахиб Гирея

(1523 г.) и несколько копий ярлыков Ибрагим хана, Мухаммед Амин хана, Сафа Гирей хана, также несколько копий переводов на русский язык документов земледельческого характера периода Казанского ханства.

Выявленный древний документ отражает особенности использования земельных угодий в середине XVI века служилыми татарами в поселениях Касимовского ханства. Можно предположить, что использование земельных угодий и в Казанском ханстве было аналогичным.

Сенные запасы в этих государствах, расположенных в суровых зимних климатических поясах Восточной Европы, были стратегическими ценностями и силой государства. Поэтому в писцовых книгах русского происхождения в XVI–XVII веках одним из главных богатств служилых татар считались сенокосные угодья и количество сенных копен, собранных в наделах служилого сословия.

Составленные договора о разделе сенокосных угодий на границе Касимовского ханства и Ногайской Орды, видимо, были только на богатые сенокосные луга.

Очень интересно и то, что упоминаемые в документе фамилии Идига и Бигеша, судя по родословиям, прилагаемым к документу, сами являлись выходцами из Ногайской Орды и потомками знаменитого Идегая.

Наряду с данным документом о разделе сенокосных угодий, также были обнаружены родословные упомянутого в тексте Сухого сына Кугеша из деревни Сухово Тюменев.

Исследователь истории татарских мурз Ильдус Габдуллин связывает распространение фамилии Суховых также начиная с д. Сухово Республики Мордовии¹. Он отмечает, что к 1613–1614 гг. поместья Дуная Сухова и его племянника Ембая Ендабаева находились именно в этой деревне. В 1667 г. потомки Суховых проживали в д. Зезюлятка Темниковского уезда². В первой половине XVIII в. проживали в д. Кадушева (Кадышево) Кадомского уезда (ныне Республика Мордовия)³. В 1811 г. мурзы Суховы поселились в д. Токмаклы Уфимского уезда (ныне Кушнаренковский район РБ), переселившись из д.Кандралеевка Пензенской губернии⁴.

Проживающий в д. Сухово род Хозина, по всей вероятности, является потомком Идегая по линии Сююндук (Сеюш) мурзы, род которого распространился во многих деревнях между Волгой и Уралом. Однако на новых местах эти мурзы владели не только сенокосными угодьями, но и пашенными землями.

Анализируемый документ совместного дружественного дележа сенокосных угодий в очередной раз свидетельствует, что эти фамилии имеют общего предка и окрепли как единая фамилия в течение жизни нескольких поколений. Деление сенокосного участка произошло по жеребьевке и этот земельный участок, судя по знаменам границы, был состоянием двух родственных фамилий в течение уже нескольких поколений (во всяком случае три поколения, так как главный ориентир дележа участка – старое дерево, которое можно считать посаженным не менее 60 лет тому назад). Нужно подчеркнуть, что заметно от-

личающиеся деревья на полях в течение многих веков служили ориентирами границ пашен и лугов в татарских селениях.

Традиция дележа сенокосных угодий способом жеребьевки, описанная в исследуемом документе, имеет многовековые традиции. Даже в начале XX века у татарского народа до коллективизации в сельских общинах сенокосные угодья по древней традиции делились по жеребьевкам. При этом на хорошие угодья проводили одну жеребьевку, а на плохие, неудобные земельные угодья – так называемые «кече жирэбэ» («малая жеребьевка»).

Составители документа были очень грамотными людьми, хорошо знали татарское древнее право, которое до сих пор остается в науке совершенно не изученным. Таким образом, оно является и ценным документальным источником по татарскому национальному древнему праву. В тексте документа учтены всякие возможные пути разрешения нежелательных возможных противоречий.

Среди двух татарских фамилий действуют только их родственники. Мы здесь не видим представителей других наций, которые бы эксплуатировались татарами.

Интересно то, что в данном документе отражается лишь дележ сенных угодий между родственными фамилиями. А о делении пашенных земель вообще не упоминается. Сенные угодья были разделены между сыновьями Идина и Бигеша согласно договорной записи. Данный договорной текст утверждался главными представителями этих двух фамилий.

Данный документ свидетельствует о том, что в татарских деревнях хорошо был поставлен учебный процесс в медресе. Только в одном документе мы видим, например, имена четырех знатоков Корана наизусть.

Документ составлен в равноправных двух экземплярах и имеет четыре копии. Это свидетельствует о высоком уровне канцелярской культуры татарского общества. В языке встречаются и заимствования русской лексики в татарском языке. Например, «**биклек запис хаты**» – княжеская памятная записка; **пажмаларыбыз** – наши поэмы; **өйәзе** – уезд.

Встречаются в тексте и интересные топонимические названия: **Калмийур урманы** – лес Калмаюра; **Руднә болыны** – луг рудна; **Ирсәйет болы-**

ны – луг Ирсаета; Азин кортагы – ..Азина; **Инза бажмасыз** – неделимая на личные участки Инза (видимо, река Инсарка).

Нужно отметить ценность данного письменного памятника не только как письменного памятника, но и источника по истории, праву, терминологии, лексикографии, ономастике, грамотности и религиозной образованности. Он является самым древним письменным документом на татарском языке, непосредственно относящимся к сельскому хозяйству и экономике.

Документ был дешифрован и текстологически подготовлен, комментирован, переведен на современный русский язык со старотатарского Марселем Ахметзяновым, доктором филологических наук.

ГАРМ, ф.1, оп.6, д.62.

Раздельная запись потомков Идиге и Бегиша 1569/70 г.

На тат. яз. Прочтение и перевод с арабской графики на кириллицу д.фил.н. М.И.Ахметзянова.

Нижри 977, милади 1569/70 ел.

بو اول ميرس اولاشب ايرليشقان بكليک ز ابيس خطي ترور کيم بتلدي تاريخ توقوز يوز

1. Бу әүвәл мирас өләшеб аерылышкан биклек запис хаты торур. Ким бителде тарих тукуз йөз

يتمش يتي دا بز ايديكا اولانلاري من جانيبك من تينليبك اولانلاري

2. йитмиш йитидә кем без, Идикә угланлары – мин Жанибәк, мин Тинибәк Читлай угланлары,

من بولاي اينم بلا قرا اولانلاري من تنش اينيلارم بلا بر توبا بولدوق بکش

3. мин Булай эним белә Кара угланлары, мин Тиниш эниләрәм белә бер түбә булдук, Бигеш

اولانلاري من داوئيش من خوجا من ص وخاي كوكوش اولي من سمقا اينم بلا ايكنجي

4. угланлары – мин Давәниш, мин Хужа, мин Сухай Күгүш углы, мин Симәка эним белә икенчи

توبا بولدوق اتالارمزدان ميراث قالغان بجملاريميز تق تكمشدور اولاشتوك

5. түбә булдук. Аталарымыздан мирас калган бажмайларыймыз тәкый тигмешдүр өләштүк:

شيبا سالدق

6. Шибә салдык әүвәл түбә ясадык баш өлешкә – кәгазүгә бажма...

7. Калмийур урманы, Руднә болоны Ирсәйет болоны белә, тәкый Күләнәләри белә такый Бирнә

8. сувы куагы тирәләй имәнлеге берлә бер түбә йасадык. Шиба салдык Идикә угланларыйна тигди

9. Бишкинә Күләлай тигди. Тәкый икенчи өлеш ясадык жир – Азин Кортагый, тәкый Инза бажмасыйз катышы

10. Белә шиба салдык: Бигеш угланларына тигде. Бу өләшкән йирләре-мездә, –

11. Бажмаларыбызда без Бигеш угланлары, Идикә угланларына тигән бажмаларга

12. йәнә кайта керсәк, әлхасыйле булуп бу записка бителгәнчә утуз сум акчаларумыз

13. кирәк. Кем без Бигеш угланларының Идикә угланларыйна тигән бажмаларда атамызның

14. карт агачый булгай, үз ишләримез, йангы үз ишләвимез булгай баржасы

15. аларга тигде. Без Идикә угланларый Бигеш угланларыйна тигән бажмаларга йәнә

16. кайта кирсәк, әлхасыйле булып, бу забиста бителгәнжә утуз сум акжа бирүр торурмыз

17. Әгәр, кем, Идикә угланларыйның Бигеш угланларыйна тигән бажмаларда

18. Атамыз Идикәнәң карт агажый булгай, үз ишләримез бугай, баржасый Бигеш

19. Угланларыйна тигде. Бу бажмаларымызның тикшүрүб өләштүк.

20. Хажәт һәрбериндә хажәт өчүн телемездән бу бәклик записны бирдек. Бу записка

21. Икине битеттек. Беренжисен Идикә угланларый алды, бер сине записы Бигеш угланларый

الدي ايكسي سوزدادار

22. алды. Икеси бер сүздәдер: Бу – Сәфәркә Жафый углы Жафикәй менла – танук. Бу – Сәфәркә Бураш хафиз углы Жангали

23. Жафикай менла – танук. Бу – Сәфәркә Бураш хафиз углы Жангали

24. хафиз – танук, йәнә бу Сәфәркә Килдеш углы Жаникәй – танук. Йәнә бу Сәфәркә Түмән

25. углы Тулбар – танук, йәнә бу Сәфәркә Фума, Кәбиркә Атнажкәй углы Ислай – танук,

26. йәнә бу Сәфәркә Дилантай углы Исәмирнай – танук. Такы бу Сәфәркә Биккенә

اوغلي اور از كيلدی حافظ تنوق تقى تنش اوغلي طابلي حافظ

27. углы Уразгилде хафиз – танук. Тәкый Тиниш углы Табылды хафиз –

تنوق تقى داولجار اوغلي آلاقاي تنوق

28. танук. Такый Давләжар углы Алакай – танук.

تقى اينزارا كيشني بورا بکش اوغلارين

29. такый Инзара ۱اويازی ۱ي Бура Бигеш угылларын.

... битедим.

(кәгазьнең икенче ягында дәвам)

Бу өләшү йире забискасына мин Жан-Гали – танук, кулум куйдум. Бу бажма өләшү хаты забиска мин Уразгилде – танук, кулум куйдум.

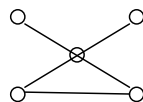
Бажма өләшү забиска-хатына мин Табылды – танук, кулум куйдым.

Бу бажма өләшү хатына мин Жаникэй менла танук, кулым куйдым.

Полу мирил ... приложа.

Мин Жаникэй – танукмыйз, тамгам куйдым:

Забиска мин Алакай – танук, үз тамгам

Перевод текста договора на русский язык

1. Это есть первая княжеская запись о разделении земельно-водных угодий, составленная в девятьсот

2. семьдесят седьмом году по хиджре. В общей руки детей Идика и еще Джанибека и Тенибека.

3. еще брата моего Булая и Карая, и братьев Тениша – мы составили одну общину (түбә). Сыновья (огланы. – М.А.) Бигеша

4. и Даваниша, и Хаджи, и Сухая сына Кугеша, и брата Симак образовали вторую общину.

5. Проведав межевые знаки, раздавали оставшиеся в наследие от наших отцов наследие.

6. Провели жеребьевку. Созданную первую общину сделали главной и разделили на восемь позьм:

7. Делянку леса Калмаюра с одним лугом, Поляну Ирсаита прилегающими ответвле-

8. ниями, разделенную тополоем дубраву – сделали одну общину. Провели жеребьевку сыновьям Идигая

9. дали недостатком пяти. Еще создали две части. Поневоле вторично бросили жеребьевку на долину Инзы и еще на позьму Инзы до конца вместе жеребьевку

10. провели. Досталось сыновьям Бигеша. В этих разделенных в наших землях

11. отведенные одни данные сыновьям Бигеша и сыновьям Идига.

12. Если придется вернуться повторно к разделу, то, короче говоря, как записано в данном договоре, наши тридцать рублей деньги,

13. коли в позьмах, данных сыновьям Бигеша, или сыновьям Идига останется.

14. Старое дерево, посаженное нашим отцом нашим родственникам, согласно нашему договору достанется им.

15. Если мы, сыновья Идига, будем предъявлять претензию за позьмы, полученные сыновьями Бигеша –

16. короче говоря, как написано в договоре, должны будем мы им отдать тридцать рублей денег.

17. Коли возникнет необходимость у детей Идига к позьмам отданных сыновьями Бигеша, где находится старинное дерево,

18. посаженное нашим отцом Идига, все достанется сыновьям Бигеша.

19. Эти позьмы были розданы после тщательного изучения.

20. Поэтому мы дали этот письменный договор для представления в нужном месте.

21. Эту запись (договор) составили в двух экземплярах. Одну дали сыновьям Идига, другую сыновьям Бигеша.

22. Их содержание идентичное.

Сафарка сын Джафия – подтверждаю

23. Также Джафикай менла – подтверждаю, да Сафарка сын Бураш хафиза Джангали

24. хафиз – подтверждаю, еще Сафарка сын Килдиша Джаникай – подтверждаю, еще Сафарка Тюмени сын

25. Тулбар – подтверждаю, еще Сафарка Фома, Кабир Атначкай сын Ислай – подтверждаю,

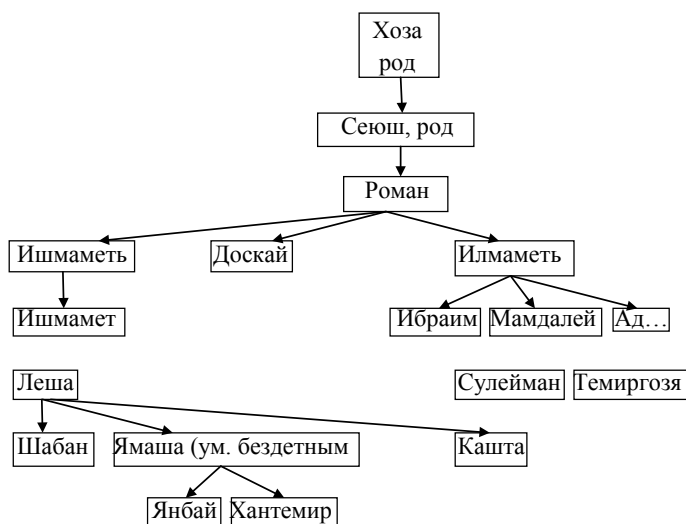
26. еще Сафарка Дилантай сын Смирнай – подтверждаю, еще Сафарка Биккена

27. сын Уразгильдей хафиз – подтверждаю, еще Тениша сын Табулай хафиз –

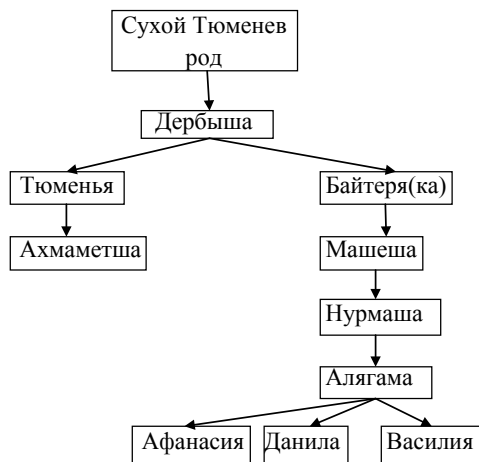
28. подтверждаю, еще Девлезара сын Алакай – подтверждаю,

29. еще Инзарского уезда из Кышный Бора сыновьям Бигеша написал четыре копии.

О тюбе деревни Суховы. Роман мирза Сеюшева сына Хозина (XVI–XVII вв.).

В последние годы обнаружены родословные списки упоминаемого в земельном документе Сухая сына Кугеша из д.Сухова Тюменев на русском языке.

Родословная XVI–XVII вв.

بر اولی بیری اولی اشوب آیرلیشقا بللکخ را برین خصلی برور کیم بئلدی تابرخ توغوز
 بئیش خجی دالیر بئیم ایدیک اوغلانلاری من حاتم بئک ن تینی بک غولای اوغلانلاری
 من بولای ائیم بلدی اوغلانلاری من تئش ائنی لاکم بلدی بر تو بارلوق بکشد
 اوغلانلاری من داویش من خوجان صوغای کوغوشه اوغلی من سققا ائیم بد آلیماچی
 تو بارلوق انا لار غمز دان برات قالغان بجه لایمکمه سگمشو روب اولاشمکه
 شیبا سالیقما اول تو بارلوق بئیم اولاشمکه سالیقما یاقی کوزو کا بجه
 قاطیویر اور حاجی برود نا بولوچ ابر سیت بولونی بکشد لانا ناری بلدی برنا
 سوری قوای بئیر لای اعلالیق لم بر تو یای اوق شیبا سالیق ایدیک اوغلانلاری
 بئکدی بئ ایلکچی اولوش سالیق جراحی قوای بئ اینتر بجه بئ قاتخ
 بلدی شیبا سالیق بکشد اوغلانلاری بئکدی بر اولاش کان بئر لار غمز
 بجه لایمکمه دا بئ بکشد اوغلانلاری ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار کا
 بئ قاتما بئر سالیق اجاسی بولوب بوزا بئیم بئکاخ اوغوز جه بجه بئر
 کرا کیم بئر بکشد اوغلانلاری بئ ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار دا انا
 بئک قارت اغای بولغای اوغوز اشلار بجه یا کلقی اوغوز اشلار بجه بولغای با بجه
 آلاشه بکشد بئر ایدیک اوغلانلاری بکشد اوغلانلاری بئ کان بجه لار کیم
 قاتما بئر سالیق اجاسی بولوب بوزا بئیم بئکاخ اوغوز جه بئر بئر
 کرا کیم بئر ایدیک اوغلانلاری بئ ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار دا
 انا بئر ایدیک بئک قارت اغای بولغای اوغوز اشلار بجه بولغای با بجه بکشد

بر اولی بیری اولی اشوب آیرلیشقا بللکخ را برین خصلی برور کیم بئلدی تابرخ توغوز
 بئیش خجی دالیر بئیم ایدیک اوغلانلاری من حاتم بئک ن تینی بک غولای اوغلانلاری
 من بولای ائیم بلدی اوغلانلاری من تئش ائنی لاکم بلدی بر تو بارلوق بکشد
 اوغلانلاری من داویش من خوجان صوغای کوغوشه اوغلی من سققا ائیم بد آلیماچی
 تو بارلوق انا لار غمز دان برات قالغان بجه لایمکمه سگمشو روب اولاشمکه
 شیبا سالیقما اول تو بارلوق بئیم اولاشمکه سالیقما یاقی کوزو کا بجه
 قاطیویر اور حاجی برود نا بولوچ ابر سیت بولونی بکشد لانا ناری بلدی برنا
 سوری قوای بئیر لای اعلالیق لم بر تو یای اوق شیبا سالیق ایدیک اوغلانلاری
 بئکدی بئ ایلکچی اولوش سالیق جراحی قوای بئ اینتر بجه بئ قاتخ
 بلدی شیبا سالیق بکشد اوغلانلاری بئکدی بر اولاش کان بئر لار غمز
 بجه لایمکمه دا بئ بکشد اوغلانلاری ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار کا
 بئ قاتما بئر سالیق اجاسی بولوب بوزا بئیم بئکاخ اوغوز جه بجه بئر
 کرا کیم بئر بکشد اوغلانلاری بئ ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار دا انا
 بئک قارت اغای بولغای اوغوز اشلار بجه یا کلقی اوغوز اشلار بجه بولغای با بجه
 آلاشه بکشد بئر ایدیک اوغلانلاری بکشد اوغلانلاری بئ کان بجه لار کیم
 قاتما بئر سالیق اجاسی بولوب بوزا بئیم بئکاخ اوغوز جه بئر بئر
 کرا کیم بئر ایدیک اوغلانلاری بئ ایدیک اوغلانلاری بئ کان بجه لار دا
 انا بئر ایدیک بئک قارت اغای بولغای اوغوز اشلار بجه بولغای با بجه بکشد

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006. – С.239.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Аннотация

Договорный документ между двумя фамилиями о разделе сенокосных угодий, написанный в 977 г. по хиджре, 1570 г. по юлианской календарной системе, на татарском языке. Родственные фамилии Идига и Бигеша путем жеребьевки делят оставшееся от их общего предка сенокосное угодье. Документ весьма редкий, сохранившийся на татарском языке, обнаружен в Государственном архиве Мордовской Республики (г. Саранск) в 2008 г.

Ключевые слова: княжеская памятная записка, позем, жеребьевка, Инзерский уезд.

Summary

The agreement between the two surnames on the division of grasslands is written in 977 by Hejira, in 1570 by the Julian calendar system in Tatar. Related names Idiga and Bigesha by lot divide the grassland remained from their common ancestor. The document is very rare, it preserved in the Tatar language and was found in the State Archive of the Republic of Mordovia (Saransk) in 2008.

Keywords: princely memo, manure, lot, Inzersky county.

УДК 34(091)

СМЕЛО БРАЛСЯ ЗА ЛЮБУЮ НОВУЮ РАБОТУ

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан*

Башкиров Шахвали (Шагивали) Галеевич родился в 1894 г. в Кукморском районе. Социальное происхождение – из крестьян середняков, до революции был приказчиком. С 1918 по 1924 г. работал в Буинске – председателем кантисполкома и секретарем канткома партии. Тогда он в числе других подписал коллективное заявление в президиум областной партийной конференции. Также Башкиров был в числе тех, кто подписал известное заявление «39-ти». В конце 1924 г. он выдвигается на руководящую работу областного масштаба. В этот период создается и семья. Разия и Шахвали познакомились во время учебы в Казанском педагогическом институте. Они учились вместе пять лет. Вскоре после знакомства поженились. Уже тогда в 1926 г. Башкиров одновременно учился и работал – был заместителем председателя областной контрольной комиссии и заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции. Они любили ходить в кино. Благо, кинотеатр «Вузовец» был в пяти минутах ходьбы от их квартиры. Разия закончила институт и стала работать учителем математики. Шахвали закончил общественно-экономическое отделение. Они воспитывали двоих детей – дочь Гульбику и сына Шамиля. По словам супруги, муж, вооружившись литературой, смело брался за любую новую работу.

Нас в первую очередь интересует период с 7 января 1928 г. по 16 ноября

1929 г., то есть около двух лет, когда Ш.Г. Башкиров работал наркомом юстиции и прокурором Татарской республики.

В самом начале своей прокурорской работы Башкиров делает попытку изучить кадры местных ответственных судебно-следственных работников. 16 января 1928 г. он обращается к секретарям районных комитетов партии с просьбой – предоставить подробную характеристику на каждого местного работника юстиции, с отражением ряда вопросов (как выполняет возложенные обязанности; какие отзывы о работе со стороны населения и местных организаций; имеет ли этот работник авторитет среди населения; какую он ведет общественно-политическую работу; нет ли на него жалоб; заслуживает ли выдвижения и т.д.). Хотя ответы районных руководителей партийных комитетов страдали субъективизмом и в основном носили партийный, политический характер, тем не менее такую попытку изучения кадров следует оценить положительно.

В инструктивном письме помощникам прокурора от 11 мая 1928 г. нарком Башкиров указал на необходимость пересмотра методов работы прокуратуры в области общего надзора. До этого в деревне практиковался такой метод прокурорского надзора, как производство систематических плановых обследований низовых органов Советской власти, волисполкомов, райисполкомов и сельских

советов с точки зрения соответствия их деятельности революционной законности. Вместо этого Башкиров предложил работать путем непосредственной живой связи помощника прокурора с широкими крестьянскими массами. Обследования низовых органов власти нарком предлагал проводить только по определенным конкретным поводам, если такая необходимость вытекает из жалобы или др. То есть речь шла об организации проверок по сигналам и данным о нарушениях законности. Что касается участия помощника прокурора в заседаниях Президиума и Пленума кантисполкома, то это, по мнению Башкирова, надо делать по возможности, а если рассматриваемый вопрос касается прокурорского надзора, – то участвовать обязательно.

Таким образом, Башкиров в начале своей деятельности попытался упорядочить общенадзорную работу, исключить поголовный необъятный общий надзор, заменить его работой по конкретным сигналам.

15 мая 1928 г. наркомюст – прокурор Татарской Республики дает циркулярное указание всем народным следователям. В нем говорится «о слабой пропускной способности» следователей в отношении следственных дел. Отчеты свидетельствовали о том, что в некоторых следственных участках остаток дел превышал их ежемесячное поступление. В производстве у следователей находились дела, возбужденные еще в 1926, 1927 гг., и даже в 1924–1925 гг. Подобную волокиту нарком назвал нетерпимой и потребовал: народным следователям впредь оканчивать не менее 8 дел в месяц, оставляя в остатке не более среднего количества ежемесячного поступления уголовных дел. Неисполнение этого циркуляра, предупреждал нарком, повлечет предание виновных следователей к уголовной ответствен-

ности по статье 111 УК РСФСР. Так что вал, планы, нормы расследования – они были и тогда, есть они и сейчас.

В мае 1928 г. Башкиров совместно с наркомом внутренних дел направил на места циркуляр о порядке рассмотрения дел частного обвинения. В нем говорилось о непроизводительной затрате времени дознания на эти дела. Циркуляр предлагал подобные письменные жалобы передавать сразу в суд, не проводя никакого расследования. В то же время по отдельным делам возможно было производство расследования – но лишь по предложению прокурора, народного следователя или народного суда¹.

Вполне разумные предложения, которые, кстати, соответствуют и сегодняшним требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ в части ведения дел частного обвинения.

Внимание привлекает и циркуляр наркома от 20 мая 1928 г. – всем помощникам прокурора ТССР, народным и старшим следователям. Он полностью посвящен вопросам борьбы с преступлениями, надзору за органами следствия и дознания. В циркуляре закреплен обширный перечень мероприятий и требований. К примеру, помощникам прокурора в районах и городах предписано – не реже одного раза в два месяца созывать совещание по борьбе с преступлениями, привлекая к участию в них, кроме лиц, непосредственно ведущих борьбу с преступлениями (милиция, ОГПУ, судебно-следственные органы), также и представителей соответствующих исполкомов, профсоюзных и общественных организаций, юридических кружков, групп содействия и др. Руководство этим совещанием возлагалось на помощника прокурора². Это, безусловно, напоминает современные координационные совещания правоохранительных органов во главе с прокурором.

Еще один циркуляр Наркомюста 1928 г. – прекратить написание следователями протоколов и постановлений карандашом, ибо потом записи стираются, с них невозможно изготовить копии. НКЮ требовал – писать только чернилами и причем четким, разборчивым почерком.

В июне 1928 г. Башкиров направляет циркуляр о борьбе с бюрократическими извращениями в работе государственного, кооперативного и общественного аппарата. Были и указания по конкретным видам преступлений – поджогам, должностным растратам и др. В целом в самом начале своей деятельности Башкиров направил целый ряд дельных, толковых циркуляров, указаний, рекомендаций.

26 января 1929 г. нарком юстиции и прокурор Татарской Республики Башкиров издал приказ о распределении функций прокуратуры между работниками. Тогда выделялись: общий надзор; надзор за местами заключения; надзор за судебными органами; надзор за следственными органами и дознанием; надзор за старшими следователями и народными следователями кантонов. Отдельно выделялся надзор по трудовым делам. В прокуратуре был и специальный работник по надзору за татарскими делами – Богданов.

В 1929 г. Башкиров озаботился проблемой – крайне недостаточным числом женщин среди судебно-следственных работников. На 1 марта 1929 г. по республике было всего 7 женщин – народных судей, а следователей – только 1. Башкиров предложил направлять кандидаток на учебу на областные юридические курсы, прикреплять в районах к органам юстиции женщин в качестве практиканток с тем, чтобы из них потом набирать кадры³.

Женский вопрос в органах юстиции еще многие годы не решался. Но

в настоящее время он точно решен – около половины судей сегодня составляют женщины.

Башкиров, как видно из документов Наркомюста и прокуратуры, был аккуратным, деловым, грамотным руководителем. Каждый протокол заседания коллегии Наркомюста республики содержит множество его пометок, указаний – кому и что взять на контроль, доложить, подготовить приказ и многое другое. Башкиров умело работал с документами, держал рассмотренные вопросы на контроле и следил за исполнением решений коллегии.

Мы не будем более останавливаться на деятельности Башкирова в качестве наркома юстиции и прокурора Татарской республики. Этот вопрос требует самостоятельного серьезного исследования.

В 1932 г. в Татарском издательстве выходит книга Ш.Башкирова: «Итоги работы промкооперации Татарской Советской Социалистической Республики за 1929–1930 гг. и ее очередные задачи». Посвящена она итогам работы промысловой кооперации в Татарской республике. В заглавии книги – Татпромсоюз, т.е. Союз промысловой кооперации ТССР, который одно время возглавлял Ш.Башкиров.

В 1933 г. Башкиров работал директором Татарского государственного издательства, а наркомом просвещения являлся Биктагиров. Обоих потом обвинили в покровительстве троцкисту, профессору Эльвову. Это, в частности, выразилось в том, что Эльвов был включен в бригаду по составлению учебника краеведения, учебных карт. И именно с Эльвовым директор Татгосиздата Башкиров заключил договор.

По показаниям арестованного работника издательства М.Н.Гумерова, когда обсуждалась цена за учебник по краеведению, он рекомендовал

платить по существующим нормам в издательстве. Эльвов такую цену поднял на смех. Тогда Башкиров дал указание оплатить за учебник по повышенной ставке, что и было сделано. Кроме того, в конце 1933 г. Башкиров выделил Эльвову от Татгосиздата премию в сумме 50 рублей за составление учебника по краеведению. Впоследствии учебник и учебные карты были изъяты как вредительские.

Сам Башкиров в протоколе допроса от 2 октября 1937 г. по этому поводу пояснил, что Эльвов приехал в Казань в 1932 г. По указанию секретаря Татарского обкома партии Разумова ему был создан безграничный авторитет. Эльвов подбирал материалы для выступлений Разумова, являлся популярнейшим докладчиком по вопросам партийной жизни и политики.

В 1934–1937 гг. Башкиров работает наркомом просвещения Татарской Республики, одновременно исполняет обязанности и ответственного редактора журнала «Магариф». Именно к этому периоду относятся основные обвинения Башкирова по уголовному делу.

20 апреля 1936 г. было принято постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) «О работе Наркомпроса». Заслушав доклад Башкирова, обком отметил основные недостатки в работе наркомата, которые касались вопросов работы в школах, обучения кадров, повышения образовательного уровня педагогов, методического руководства и инспектирования школ. Говорилось и о необоснованных снятиях и переводах учителей. В целом речь шла об обычных рабочих вопросах. В то же время крупнейшим недостатком в работе Наркомпроса обком назвал «недостаточную политическую заостренность». Было указано на недостаточную мобилизацию учительства и советской общественности вокруг конкретных фактов про-

явления классово-борьбы на фронте просвещения, на проникновение идеологически чуждых, в частности, религиозных влияний, на факты антисоветских выступлений среди учителей, засорение рядов учительства антисоветскими и морально разложившимися людьми.

В целом работа Наркомпроса была признана неудовлетворительной. Постановление бюро обкома заканчивалось традиционно: «Обязать Башкирова...», и далее великое множество задач, поручений⁴.

После снятия с поста народного комиссара просвещения Татарской республики Башкиров назначается директором Казанского государственного педагогического института. Документы об этом назначении направили в Москву в отдел школ ЦК ВКП(б) и в Наркомпрос. Однако 27 мая 1937 г. бюро Татарского обкома партии отменило свое решение. 29 мая 1937 г. в Москву полетела срочная телеграмма – кандидатуру снимаем, просим не утверждать⁵.

9 июня 1937 г. бюро Татарского обкома ВКП(б) приняло решение о невозможности присутствия Башкирова на XVIII Татарской областной партийной конференции – по политическим мотивам.

На момент ареста Башкиров числился директором Казанской студии «Союзкинохроника».

Постановление об аресте Башкирова датировано 5 августа 1937 г., утвердили его заместитель наркома НКВД и заместитель прокурора республики по спецделам. Ему предъявляется стандартное обвинение. В постановлении указано, что Башкиров в прошлом являлся активным участником контрреволюционной националистической группировки «правых», впоследствии примкнул к контрреволюционной организации султангалеевцев и до последнего времени проводил

их установки в практической работе. Подчеркнуто, что Башкиров являлся одним из активных участников контрреволюционной организации, который «насаждал контрреволюционные повстанческие кадры среди учителей». Башкирова обвинили и в контрреволюционной агитации в татарских учебниках.

Арест был произведен 6 августа 1937 г. В этот же день провели обыск по месту жительства в квартире Башкировых на улице Волкова. Как отмечено в протоколе, были изъяты отдельные секретные партийные документы, книги, подлежащие изъятию, папка с перепиской Наркомюста. Видимо, у наркома просвещения оказалось слишком много книг. Все их просмотреть сотрудники НКВД не смогли и просто опечатали комнату с книгами – для тщательного осмотра.

На первоначальных допросах Башкиров признавал свое участие в групповой борьбе внутри татарской партийной организации, начиная с 1924 г. Он не отрицал, что подписал в числе других коллективное заявление от «правых» на имя президиума в областную партийную конференцию.

Как и многие другие, Башкиров в последующем дал показания о том, что в 1934 г. о существовании контрреволюционной организации ему стало известно от председателя Совнаркома республики Абрамова. Но, со слов Башкирова, в контрреволюционную группу «правых» его вовлек Ганеев Гали, нарком местной промышленности Татарской республики. В 1919 г. Башкиров работал помощником командира Отдельного Татарского запасного батальона, впоследствии превратившегося в Татарский запасной полк, а в 1920 г. был комиссаром Татарского батальона. В этой же воинской части РККА в качестве военкома батальона (полка) служил и Ганеев Гали. Тогда Башкиров и Ганеев

были холостыми молодыми людьми и несколько месяцев жили вместе в одной комнате. И в дальнейшем они были в близких отношениях.

Башкиров признал свое участие в «огромной вредительской работе на культурном фронте» — совместно с Атнагуловым, Касымовым, Мухсиновым, Рахматуллиным, Биктагировым и другими. Он также дал показания и о сформировавшемся казанском контрреволюционном правотроцкистском центре, о своей связи с Г. Богатудиновым, Палютиным, Магдеевым и другими. Башкиров говорил и о вредительской линии наркома финансов Магдеева, который в бюджетах 1936 и 1937 гг. урезал средства на дошкольное воспитание и на другие мероприятия народного просвещения.

В уголовное дело приобщено заявление Башкирова на имя наркома внутренних дел Михайлова, датированное 23 декабря 1937 г. Собственно-ручное заявление на 48 листах начинается словами: «Осознав вредность своей контрреволюционной работы, решил дать следствию откровенные и полные, развернутые показания о своей контрреволюционной вредительской работе, а также об антисоветской деятельности моих единомышленников». Далее следует описание участия Башкирова в групповой борьбе внутри партии, перечисление членов контрреволюционной организации. В их числе Башкиров называет и работников юстиции, прокуратуры – заместителя прокурора республики Муратова, Зяппарова – работника Наркомюста, Хайруллина Кариба – бывшего председателя Главного суда. Башкиров на допросах назвал несколько десятков известных ему участников антисоветской контрреволюционной организации в Татарии. Был составлен и список лиц, лично вовлеченных Башкировым в антисоветскую пантюркистскую организацию. В основном

это заведующие районными отделами народного образования, директора техникумов, школ, отдельные учителя, работники Наркомата просвещения. В списке Башкирова оказались и несколько председателей райисполкомов, с которыми он встречался, имел служебные дела. Перечислять все фамилии просто нет смысла.

Из показаний Башкирова следует, что для вовлечения в организацию он якобы использовал недовольство работников по различным вопросам. При этом происходили разговоры о тяжелом материальном положении учительства, о недооценке учительских кадров и т.д. «Вербовал» Башкиров в основном у себя в кабинете в Наркомате, когда педагоги приезжали к нему по каким-либо служебным вопросам. Иногда это происходило во время командировок в районы, при посещении школ и т.д.

В уголовное дело Башкирова приобщены копии, выписки из показаний арестованных педагогических работников. Большинство из них давали показания о том, что в системе Наркомпроса Татарской республики во главе контрреволюционной националистической организации стоял нарком просвещения республики Башкиров.

В протоколе основного допроса от 2 октября 1937 г. Башкиров сообщает о любопытном факте. По его словам, в 1932 г. тогдашний нарком просвещения Татарской республики Биктагиров направил в Москву в ЦК ВКП(б) рапорт о сплошной грамотности населения в Татарии. Что, мол, задача выполнена, весь народ в Татарии грамотный. Однако в 1934 г. выяснилось, что в Татарии есть еще более 500 тысяч человек неграмотных.

Вполне допускаю, что эти сведения соответствуют действительности. Показуха, ложные рапорта о достижениях – все это было и раньше, да и сегодня есть.

Следует иметь в виду, что протоколы допросов Башкирова корректировались, переписывались работниками НКВД. В частности, написанный от руки протокол допроса Башкирова от 29 декабря 1937 г. был переписан с заранее отпечатанного протокола допроса. В отпечатанном варианте допроса есть ряд поправок и изменений, которые уже учтены и внесены в рукописный вариант.

Заявление Башкирова на 48 листах тоже пестрит различными поправками, дополнениями. Видно, что над ним усиленно работали. Отдельные листы заявления частично отрезаны – видимо, показания подгонялись, изменялись. Что-то исключалось, что-то добавлялось.

Из архивного уголовного дела на сотрудников НКВД Шелудченко, Михайлова, Марковича, Юрченко видно, что показания от Башкирова были получены путем применения насилия. Как показали на допросах сотрудники НКВД, Шелудченко и Марголин часто говорили на оперативных совещаниях: «Что преступного, если ударили врага?».

Башкирова дважды переводили из тюрьмы в изолятор НКВД – в августе и декабре 1937 г. Очевидно, что именно в эти периоды нахождения во внутреннем изоляторе НКВД с арестованным проводилась наиболее активная работа, из него «выбивались» нужные показания.

В результате на допросе 29 декабря 1937 г. Башкиров сообщил допрашивавшим его троим сотрудникам НКВД (Шелудченко, Крохичеву, Марголину) о том, что им «удалось захватить почти все основные участки хозяйственнокультурной и политической жизни в Татарской республике и провести там большую подрывную работу». По словам Башкирова, основная вредительская работа в системе Народного комиссариата просвещения

проводилась в двух основных направлениях: 1) срыв издания учебников; 2) срыв школьного строительства.

Вредительство в издании учебников на татарском языке, пояснил Башкиров, тянется уже много лет и было начато еще до него. К подготовке учебников были привлечены ярые контрреволюционные националисты – Атнагулов, Сайфи, Гумеров, Юсупов, Нигмати и другие.

В показаниях Башкирова подчеркнуто, что во вредительской постройке школ большую роль играл бывший председатель Казанского городского совета Аксенов. Оказывается, он специально отводил под строительство школ в Казани явно непригодные участки. Например, на улице Татарстан для строительства школы был отведен очень плохой участок – в части грунта и необходимости сноса ватной фабрики. В результате на снос здания ватной фабрики, углубление грунта понадобились излишние затраты в сумме около 20 тысяч рублей. Также получилось и со школой на ул. Пушкина. Излишнее углубление грунта потребовало здесь дополнительных затрат в сумме около 30–40 тысяч рублей.

Показания Башкирова о вредительском выделении Аксеновым непригодных участков под строительство школ, мягко говоря, не выдерживают никакой критики. Хочется воскликнуть, что это – какой-то бред. Но все это с подачи сотрудников НКВД принималось на веру.

Также якобы вредительски проводилось строительство школ и в сельских районах. В ряде районов строительство школ было сорвано, т.к. для строительства не были отпущены необходимые строительные материалы.

В этот же период расследовалось уголовное дело в отношении руководящих работников «Казстроля» Александрова, Голицына, Чиркова и дру-

гих. Их арестовали по ст.ст. 587, 5811 УК РСФСР – за срыв строительства школ, детских яслей. Правда, 4 июля 1938 г. это дело было направлено в суд по ст. 109 УК РСФСР как должностное преступление.

Один из арестованных руководящих партийных работников показал: «Благодаря подрывной деятельности Башкирова и его подручных из Наркомпроса ежегодно до 5 тысяч детей оставались вне школы». В чем это выражалось и откуда взята эта цифра, из протокола допроса совершенно не ясно.

Искривления при аттестации учителей – еще одно обвинение Башкирова. В те годы во всеобщем угаре в массовом порядке увольняли учителей – за связь с врагами народа. Безусловно, и народный комиссар просвещения Башкиров приложил к этому руку. Достаточно сказать, что в 1937 г. за связь с врагами народа освободили от работы 574 учителей. В большинстве случаев никакие проверки не проводились. Многие уволенные подавали жалобы. К примеру, из 202 рассмотренных жалоб учителей о необоснованном увольнении в 1937 г. 186 обращений были признаны обоснованными, т.е. этих учителей уволили незаконно. В начале 1938 г. пошли массовые восстановления учителей.⁶

Башкирова в числе прочего обвинили и в том, что он устроил на работу в аппарат Наркомпроса Татарской республики враждебные антисоветские элементы, буржуазных националистов, троцкистов. При этом назывались фамилии Кудоярова Гали, Мухутдинова Насыха, Рахматуллина, Касымова, Фаридовой, Веклина и других.

В частности, бывшего активного участника групповой борьбы Мухутдинова Насыха (тот был ранее арестован) Башкиров устроил на работу ученым секретарем в журнал «Магариф».

Насых Мухутдинов в свое время был народным комиссаром просвещения Татарской республики, работал и в Крыму. «Привлечение в редакцию журнала «Магариф» ссыльного националиста» – вот так сформулирован этот факт в одном из протоколов допроса. Н.К. Мухутдинов впоследствии был репрессирован.

Во время многочисленных партийных разборок в отношении Башкирова упоминается фамилия и Кудоярова Гаялутдина Гайнутдиновича. Он ранее работал директором Казанского института советского права, был арестован в декабре 1932 г. как участник националистической организации «Иттифак». Его отправили в лагеря на 3 года. Кудояров вернулся из ссылки в 1936 г. В поисках работы он был в нескольких местах, в том числе и в Наркомпросе у Башкирова. Нарком устроил его на работу. Как заявил секретарь Татарского обкома Лепа на партактиве в сентябре 1936 г., Башкиров послал Кудоярова на работу в «политически-идеологический орган», и тот якобы сделал безответственный перевод. В этой связи Лепа применительно к Башкирову говорил как о пособнике классового врага и сделал вывод о том, что Башкиров после этих ошибок не может быть членом бюро обкома. Вторично Кудоярова арестовали 14 августа 1936 г. Обвинили, что он шпион-диверсант, и в апреле 1937 г. отправили в лагеря на 5 лет.

В документах партийных разборок упоминается и о связи Башкирова с преподавателем Ключищинского сельхозтехникума в Верхнеуслонском районе Рауфом Алмаевым. Последнего арестовали и затем расстреляли 3 ноября 1938 г. по решению тройки НКВД.

Заместитель Башкирова по Наркомату просвещения Татарской республики, бывший ректор Казанского университета, профессор-географ Н.З.Векслин был арестован 26 января

1937 г. Особое Совещание отправило его в лагеря на 10 лет. Он скончался в Норильском лагере осенью 1942 г.

21 августа 1937 г. было принято специальное постановление Совнаркома Татарской республики по результатам документальной ревизии республиканского бюджета Наркомпроса за 1936–1937 гг. В нем перечислены многочисленные нарушения и упущения в работе Наркомата просвещения Татарской республики (грубейшие факты антигосударственной практики расходования государственных средств, перерасход средств на управленческие цели; срыв подготовки педагогических кадров; премирование аппарата Наркомата за счет ассигнований на проведение съезда учителей, плохая ревизионная работа в Наркомате и т.д.). Было решено направить материалы ревизии прокурору Татарской республики Лейбовичу.

В прокуратуре Татарской республики материалы ревизии попали к старшему помощнику прокурора Татарской республики Масису. Он 29 сентября 1937 г. вынес постановление – возбудить в отношении Башкирова, его заместителя Векслина и главного бухгалтера Назарова уголовное дело по статьям 587, 5811 УК РСФСР; направить данное уголовное дело в УГБ НКВД ТАССР для присоединения к имеющемуся там уголовному делу.

В постановлении Масис перечислил нарушения и упущения в работе Наркомата просвещения и лично наркомата Башкирова. Говорилось о вредительском планировании, о снижении приема в школы и педагогические училища, снижении сети библиотек, детсадов, перерасходе и недорасходе средств и т.д. Указывалось и о необоснованном премировании аппарата на общую сумму в 25 тысяч рублей, в том числе лично Башкирова – в сумме 4142 рубля, о наличии в наркомате черной кассы в виде содержания вне-

бюджетного счета. И якобы из этих средств давались премии и врагам народа. Постановление Масиса утвердил и.о. прокурора Татарской республики Егоров.

Обвинительное заключение по делу Башкирова нарком НКВД утвердил 11 марта 1938 г. Главный военный прокурор подписал дело 8 мая 1938 г. – перед самым судом. Суд над Башкировым состоялся 9 мая 1938 г. Как и у многих других, заседание шло всего 10 минут. Подсудимый просил учесть его чистосердечное признание. Приговор – расстрел – был исполнен в тот же день. В этот же день расстреляли и его друга, наркома Ганеева Гали.

Супруга Башкирова была арестована в ночь с 13 на 14 мая 1938 г. и осуждена на 8 лет лагерей. Отбывала наказание в Карагандинских лагерях. Писала, запрашивала о судьбе мужа – никто правду ей не сообщил. Жена наркома находилась в лагерях около девяти лет, ее освободили в 1947 г. Вернуться в Казань ей не разрешили, выслали из города. Лишь в 1957 г., после реабилитации супруга, она смогла вернуться в Казань, и снова стала работать в средней школе учительницей математики.

В 1956 г. в связи с пересмотром дела Башкирова были допрошены свидетели: методист-лектор Республиканского лекционного бюро Л.Х.Гайсин, директор Татарского института усовершенствования учителей Й.И.Малкин, директор ателей в г. Казани П.В. Аксенов (бывший председатель Казанского городского Совета, жертва репрессий). Все они охарактеризовали Башкирова с положительной стороны, как принципиального и требовательного работника, отзывчивого и внимательного человека. Ш.Г.Башкиров был реабилитирован в марте 1957 г.

Сын наркома, Шамиль Шагивалеевич Башкиров, окончил Казан-

ский государственный университет в 1951 г. с отличием. Известный физик С.А.Альтшулер рекомендовал его в аспирантуру, но сына политзаключенных туда не приняли. И даже трудоустроиться тогда в Казани он не смог. Башкиров едет в Йошкар-Олу и работает преподавателем Марийского педагогического института. В 1955 г. он смог вернуться в Казань – на работу в Казанский педагогический институт. Лишь после полной реабилитации родителей он смог заняться в полной мере научной деятельностью.

Шахвали Галеевич Башкиров гордился бы своим сыном. Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации Шамиль Шагивалеевич Башкиров стал известным ученым-физиком, на протяжении более 20 лет заведовал кафедрой твердого тела Казанского государственного университета. Автор более 300 научных публикаций, известный специалист в области исследований твердых тел методом мессбауэровской спектроскопии, Башкиров подготовил более 30 кандидатов и докторов наук. В 1985 г. он приехал в Бельгию на международную конференцию по мессбауэровской спектроскопии. Оргкомитет принял его в качестве гостя конференции и содержал за свой счет. Тогда из СССР приехали на конференцию несколько академиков, но такой почет был сделан только в отношении профессора из Казани. Удивленный Башкиров спросил – чем объясняется такое отношение Оргкомитета? Ему пояснили, что профессор Ш.Ш.Башкиров является первым в мире по индексу цитирования.

Мы с ним встречались иногда на общих собраниях в Академии наук Республики Татарстан. Я всегда хотел расспросить его об отце, о тех страшных годах, но все откладывал этот разговор. А вскоре его не стало...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 115. Наркомюст ТАССР. Циркуляры... 1928 г.

² Там же.

³ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 198. Наркомюст ТАССР. Циркуляры НКЮ ТАССР. 1928–1929 гг.

⁴ Большевик Татарии. 1936. № 5. С. 38–41.

⁵ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 3, дело 1598. Докладные записки... 1937 г.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 1588, опись 1, дело 783. КСК при СНК СССР по ТАССР. Материалы проверки сигнала о массовом увольнении учителей в Наркомпросе ТАССР. 1938 г.

Аннотация

В статье освещается жизнь и судьба Ш.Г. Башкирова, занимавшего посты наркома юстиции и прокурора, наркома образования Татарской республики, ставшего жертвой сталинских репрессий.

Ключевые слова: Ш.Г. Башкиров, история Наркомата юстиции и прокуратуры Татарской республики, репрессии в Татарстане.

Summary

The article deals with the life and fate of the Sh.G. Bashkirov, who served as Commissar of Justice and Attorney, Commissar of Education of the Tatar Republic, and became the victim of Stalin's repression.

Keywords: Sh.G. Bashkirov, the history of the People's Commissariat of Justice and the Prosecutor's Office of the Tatar Republic, repression in Tatarstan.

УДК 297

АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИСЛАМСКАЯ АТРИБУТИКА В НАРОДНЫХ ГОВОРАХ И ТРАДИЦИЯХ ТАТАР

Ф.С. Баязитова, доктор филологических наук

Появление арабских слов в мусульманском мире объясняется огромным влиянием арабской литературы, филологии, теологии и культуры в целом. С тематической точки зрения, они в основном выражают понятия, связанные прежде всего с религией, наукой, культурой и общественной жизнью, бытом и др. Слова, арабские и персидские по происхождению, так давно вошли в татарский язык и во все говоры, стали частью его основного словарного фонда, что в настоящее время многие из них уже не воспринимаются в качестве иноязычных элементов.

Считается, что персидские заимствования вошли в татарский язык в основном устным путем, а арабские, главным образом, книжным путем.

Следует отметить, что в татарских говорах, как и в татарском литературном языке, широко представлен тот слой лексики, который уводит нас в эпоху проникновения арабизмов и фарсизмов. Например, *ахирэт* 'загробная жизнь, верный, закадычный друг'; *ахмак* 'бестолковый, дурной'; *бэрэкалла* 'слава богу'; *бэла* 'беда'; *бэндэ* 'человек'; *вакыйга* 'событие'; *вазифа* 'обязанность'; *вэсийэт* 'обещание'; *гаилэ* 'семья'; *гайеп* 'обвинение'; *гадэт* 'обычай, привычка'; *дэрэжэ* 'степень'; *зарар* 'вред'; *ихтимал* 'вероятно'; *кабул итү* 'принять'; *майдан* 'площадь'; *милек* 'недвижимое имущество'; *мал-тувар*

'богатство, имущество'; *мэслихэт* 'согласие'; *мэгариф* 'просвещение'; *михнэт* 'горе'; *сөвал* 'вопрос'; *сабый* 'младенец'; *һөнэр* 'ремесло'; *гамма* 'однако, но'; *эвэл* 'раньше, сначала'; *жэан* 'душа'; *жэза* 'наказание' и др. Фарсизмы: *аждаһа* 'дракон'; *ходай* 'бог'; *гүр* 'могила'; *гөнаһ* 'грех'; *фэрдэ* 'занавес'; *сабын* 'мыло'; *сан* 'число'; *мөһер* 'печать'; *дэфтэр* 'тетрадь'; *шэһэр* 'город'; *таж* 'корона'; *оста* 'мастер' и др.

Религиозные термины. После Октябрьской революции были разрушены молитвенные дома и мечети татар, многие религиозные термины были отнесены в разряд архаизмов и исчезли из сферы употребления.

Однако в последнее время в связи с обновлением и возвращением некоторых религиозных обрядов, с восстановлением старых и построением новых мечетей стали более употребительными старые забытые или полужабытые слова, которые раньше считались архаизмами. Вот некоторые из них:

Мәчет < арабск. мәсжид. مسجد 'мечеть'. Место для молитвы, молитвенный дом мусульман. Для пребывания в действующей мечети требуется ритуальная чистота, молящийся должен быть одет в лучшую одежду, вести себя достойно, не разговаривать громко, при входе в мечеть требуется снимать обувь.

Имам < арабск. امام от глагола *амма* ‘стоять впереди, руководить чем-либо, предводительствовать’ – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины. В повседневной жизни имамом называют руководителя общей молитвой в мечети. В сельских мечетях имамом обычно являются люди, имеющие элементарное богословское образование. Ритуальная, пятикратная в день молитва совершается под руководством имама.

Коръэн < арабск. قرآن ‘Коран’ – от сирийского керйона ‘чтение Писания’. Представляет собой кодификацию законов. Язык Корана был эпическим языком, носившим наддиалектный характер и подчиняющимся своим нормативам. *Коръэн* употребляется в своем первоначальном значении как святое писание и свод положений мусульманской религии, мусульманских мифов и норм права.

Мөэдзин < арабск. مؤذن ‘муэдзин, человек, провозглашающий азан, вещатель всеобщей торжественной молитвы по пятницам’. Верующих призывает к молитве голос муаззина. Функцию муаззина не может исполнять женщина или ритуально нечистый, пьяный мужчина.

Хаж < арабск. حَجّ ‘хадж, религиозный обрядовый центр; паломничество’, посещение в определенное время года святых мест (Мекки и Мадины), где исполняются такие древние обряды, как целование «черного камня», обход вокруг каабы, избивание камнями дьяволов (которых изображают три каменных столба) в долине Мина и принесение в жертву животного, окропление святой водой Земзем. Совершивший хадж (хаж кылу) человек становится Хажием. *Хажси* – Мэккэгэ барып хаж кылып кайткан кеше ‘паломник, хаджи, человек, совершивший паломничество в г. Мекку’. Хажы – является собственным именем

мужчин. В данном случае слово *хажси* претерпело трансформацию: название мусульманского обрядового центра перешло в название субъекта, совершившего обряд, и, наконец, в собственное имя мужчин.

Мөфти < арабск. مفتى ‘муфтий, главный судья и знаток по религиозному закону шариата, дающий разъяснение его основным положениям’. В татарском языке *мөфти* означает лицо высшего мусульманского духовенства, возглавляющее общество, управление мусульман.

Мулла < арабск. маула ماولا в значении «господин повелитель, владыка» было заимствовано через персидский *молла*. В других иранских и тюркских языках слово имеет формы: *мелла, молло, молдо*, т.е. знаток мусульманского ритуала; служитель культа; учитель религиозной школы; грамотный ученый человек. Мулла в России со времен Екатерины II назначался специальным указом и состоял обычно при конкретной мечети.

Никах < арабск. نكاح никах, өйләнү, өйләнешү ‘женитьба, брак, бракосочетание; мусульманский религиозный обряд по шариату’. Никах – это застолье без спиртного для пожилых. Угощения, приготовленные для этого обряда, называются *никах ашы*. Для чтения проповеди традиционно приглашается мулла. Никах – это акт, когда после произнесения определенных слов разрешается иметь супружеские отношения.

Дини < арабск. دين ‘относящийся к вере, религиозный’; **дин тэгълиматы** ‘вероучение’; **диния нэзарияте** ‘духовное управление’ и другие.

В татарских говорах обнаруживаются слова, восходящие своим происхождением к терминологии ислама, а по содержанию переплетенные с древними народными обычаями, мифологией, верованиями. По этому поводу уместно будет привести слова знаме-

ни того религиозного деятеля, муфтия Равила Гайнетдина: «Адаты (местные нормы, обычай и традиции) являются одним из источников мусульманского права, то есть имеют право на существование на законных началах».

«Дело в том, что ислам, распространяясь в том или ином регионе, не только не воевал с местными верованиями и обычаями, не противостоял им, а «впитывал их в себя», делая их «своими»⁴.

Намаз < персидск. نماز – көндәлек гыйбадәт ‘обязательная молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день; молитва, богослужение’. В народных говорах некоторые словосочетания со словом *намаз* обозначают религиозно-магические верования, моления. Примеры из мензелинского говора: *йаңгыр намазы – йаңгыр ‘дождь’, намаз – ‘молитва’ – ‘полевые моления дождя’.* – *Йаңгыр намазы укырға чықтық, йаңгыр теләдек. Қарчықлар қырға чыға тәһарәтләнен, намазлықларын алып. Икмәк чәчкән жирдә укыйлар. Бәйрәм көннәрдә чишмә буйларында да укыйлар йаңгыр намазын. «Жыл әйбәт килсен, икмәкләр уңсын, йаңгырлар жаусын» – дип.* ‘Выходим читать молитву дождя, желаем, чтоб шли дожди. Старушки выходят на поле, совершив ритуальное омовение, выносят свои молитвенные коврики. Молятся там, где посеян хлеб. В праздничные дни и около родников читают молитву дождя, «чтобы год хороший пришел, хлеб уродился, дожди шли». **Йарлықау намазы** ‘молитва помилования’. – *Өйдәге берәр кеше йарамаган эш эшләсә, йарлықау намазы дип намаз укыйбыз.* ‘Если дома кто-то совершил недостойный поступок, то читаем молитву помилования’. **Хәуеф намазы хәуеф** (< арабск. حواف) ‘опасность, угроза’: – *Бүтән намаз укыган шикелле укыйсың да хәуеф намазы дип багышлыйсың. Көчле жилгә-*

*давылғамы, буранғамы, хәуеф-хәтәр булғанда укыйсың. ‘Читаешь также, как любую молитву, посвящаешь как молитву против опасности’. **Сәфәр намазы сәфәр** (< арабск. سافا) – юл йөрү, юлга чыгу ‘путешествие, поездка’: – *Сәфәр намазын йулга чыккан кешегә багышлап укыйсың. ‘Молитву путешествий читаешь, посвящая человеку, который вышел в путь’.**

Йасин (< арабск. يسين) – Корьәндә утыз алдынчы сүрә исеме ‘название тридцать шестой суры Корана’. Ясин – наиболее часто повторяемая мусульманами сура, призывает последовать исламу и верности пророку Мухаммеду. Татары читают ясин перед отправлением в дорогу, у изголовья умирающего, при поминании усопшего и при многих важных жизненных событиях. По народным верованиям текст этой суры считается магическим, имеющим лечебную силу. В татарских говорах зафиксированы словосочетания: *бөтен йасин* ‘полный ясин’, *үткәрмә ясин* ‘пропускной, сквозной ясин’, *түгәрәк йасин* ‘круглый ясин’, *тишекле йасин* ‘ясин с дырочкой’. Приводим иллюстративный материал о *түгәрәк йасин* ‘круглый ясин’: – *Шушылай иттереп түгәрәкләп әйбәтләп йазалар ыйы бөтен йасинны, түгәрәк йасин диләр ийе. Аннан болай шуны таушалмасын дип әйбәтләп ак ситса белән тышлап түгәрәкләп тегәләр. Төзәлми торган чирләр булса, жә бала бик жыласа, шул түгәрәк йасинны башыннан төшерә бисмилла әйтәп. Өч тапкыр төшерә, атлап чыга.* ‘Полный текст ясина переписывают в круглой форме, поэтому и называется круглый ясин. Потом его завертывают в белый ситец и зашивают. Если человек долго болеет или ребенок сильно плачет, то ему через голову надевают круглый ясин и пропускают через него. Три раза это делают говоря бисмилла. Он перешагивает через него’.

Тәһлил (< арабск. تهليل) – гарәпчә «бер алладан башка алла юк» дигән жөмләне эйтү ‘произнесение формулы «ля илаһә иллә аллаһы» – ‘нет бога кроме аллаха’. В мензелинском *тәһлил*, чистопольском говорах слово *тәлил* и образованные с ним словосочетания обозначают полотенце и подавания, которые раздают на похоронных процессах и на поминках:

тәһлил садакасы (менз.). Садака (< арабск. صاضاقا) милостыня;

тәһлил тастымалы (менз.). Тастымал (< персидск.) ‘полотенце’;

тәлил салфиты (чст.). Салфит (< русск.) – салфетка, здесь в значении полотенца. Примеры: – Әнә оло сандыкта *тәһлил тастымалы* да күп. Ишегалдында тәһлил тастымалы тараталар (менз.). ‘Вон в большом сундуке много у меня и полотенце, и платков. На дворе раздают полотенца’. – Менә *тәлил салфиты* үлгәц эләшергә йырта бабайларга. Элгәре уникене йасаганнар, хәзер йездән дә артык йасилар (чст.). ‘Вот полотенца для раздачи на дворе старикам. Раньше приготовили двенадцать штук, а сейчас больше ста делают’.

По религиозным поверьям, *тәлил салфиты* помогает спастись от огня ада: – *Тәлил салфиты* тәмуг утын селкеп сүндерә, – диләр (чет.). ‘Говорят, что полотенце *тәлил* тушит огонь ада’.

Фытыр (< арабск. فطر) – 1. Авыз ачу, ураза тотуны бетереп ашый башлау. 2. Авыз ачу сәдакасы. 1. Рел. прекращение поста, разговенье. 2. Подаяние в честь поста. *Фатир* (<арабск.) – пресные лепешки. *Фытыр садакасы* означало милостыню престарелым, бедным, калекам, сиротам после религиозного праздника Ураза (Ураза бәйрәме). Слово *фытыр* в фонетически измененном виде широко употребляется в обрядовой сфере всех диалектов татарского языка.

В лингвистике известно, что *ф* в тюркских языках является заимство-

ванным звуком, поэтому в диалектах во многих случаях наблюдается *ф* ~ *п*, т.е. арабск. *фитыр* > *пityр*, *фатир* > *пәтир*, *пәтер*, *питер*.

В говорах мишарского (западного) диалекта известны варианты *питрац*, *пityрац*, *питрач*, *пityрач* > *питер*, *пityр+ац*, *аш* употребляются как свадебно-обрядовая или поминально-обрядовая пища.

Питырац в чистопольском, дрожжановском говорах – поминальное подаяние, маленькие хлебцы: — Үлгән кеше өчен садака китерә, питырац китерә бер йылга хатле аның өлеше дип. Ул кецкенә генә түгәрәк була. Йомга көнне китерәләр. ‘За умершего делают подаяние, до года дают маленькие хлебцы, его доля, мол. Хлебцец бывает маленький, круглый. Дают в пятницу’.

Пример из дрожжановского говора: — *Питырац* – үлекләргә иң әжерле эпәй. Ул кецкенә эпәй була. Салават әйтеп йаз итүцесе булмаган кешеләргә атап китерәләр. Ул үлекләргә бара. ‘*Питырац* – самый богоугодный хлеб для покойных. Это – маленький хлебец. Его дают, посвящая тем, у кого нет молящего за него’.

В говоре мордвы-каратаев (отатаренной мордвы) зафиксированы слова *витрас*, *витражс* – фонетические варианты мишарского *питрас* также в значении мелких хлебцов. Их специально готовили для поминального ритуала.

В кузнецком говоре мишарского диалекта словосочетание *пityрас ашау* обозначает свадебное застолье, досл., ‘угощение пресными хлебцами’, а в лямбирском говоре *пityрач илтү* ‘нести хлебцы из дома жениха в дом сосватанной невесты’. По народным поверьям, взаимный обмен свадебными хлебцами способствует сближению двух семей.

В сибирско-татарских диалектах употребляется слово *пәтер* – это мел-

кие хлебцы из пресного теста. Часто употребляется слово *қақ пәтер*. *Қақ* – тат. литер. *төчә* ‘пресный’.

Қотлоққа пәтер аңгару ‘нести хлебцы *пәтер* для свадебного поздравления’. Они должны быть в четном количестве.

В диалектах сибирских татар употребляются очень интересные крылатые выражения со словом *пәтер*:

«*Пәтерле қунақ – қәтерле*». ‘Гость (приходивший) с хлебами – это дорогой гость’.

«*Пәтере барның – қәтере бар*». ‘Кто (приходит) с хлебом, достоин уважения».

Пәтер несли со стороны жениха как гостинец, его должны были попробовать все участники свадьбы, т.е. он имел объединяющую силу: *Саламлап (сәләмләп) пәтер аңкиләйе кийәү. Йарты пәтерне йөрәтәсең күң күңереп барғаннарға. «Ашап бақың», – тип.* ‘Приветствуя, жених приносил *пәтер*. Половину *пәтер* давали отведать всем, кто сопровождает свадебный поезд. Предлагаешь попробовать’. Полагали, что магические свойства обрядового хлеба перейдут на все и всех, кто получил его, – то ли как часть (кусочек) обрядового каравая, то ли в виде специально выпекаемых мелких хлебцов. Хлеб получали прежде всего члены семьи, иногда и более широкий круг родственников. В барабинском диалекте отмечены некоторые семантические значения слова *пәтер*: *пышлақ пәтере* ‘шанги с творогом’; *картып пәтере* ‘шанги с картошкой’. В астраханских говорах зафиксирован фонетический вариант *питер*. Пресные хлебцы *питер* пекли между двумя сковородками на медленном огне кизяка и употребляли для подаяний.

В ичкинском говоре татарского языка (Южный Урал) употребляется звонкий вариант *бәтер*.

Нәзер (<арабск. نزر) – адарыну, дини караштан чыгып, үз өстенә үзе

алган эш, шартлы вәгдә ‘обет, торжественное обещание с богоугодной целью’.

В чистопольском говоре со словом *нәзер* образованы следующие названия молений по обету с жертвоприношениями.

Нәзер бытка ‘моление по обету, жертвоприношение с приготвлением каши’. — *Цәршәмбе көн пешерәләр нәзер быткаларын. Кем килде, шыл аши. Йорт хужалары, нигез хужаларының ыризалыгына дип пешерелә.* ‘Жертвоприношение с кашей проводят в среду. Кто приходит, тот и кушает. Ее варят в честь домового и духов-хозяев этого места’. **Каз нәзере** ‘моление по обету с жертвоприношением гуся’: – Каз нәзере дип бөтен каз пешерәләр. Хужа үзе ашамы, урамда кем очырый, алып кереп ашата. Каз сийәкләрен салават укып суга салалар. ‘Для моления варят целого гуся. Хозяйка сама не кушает, кто встречается на улице, того приглашает и угощает. Кости гуся бросает в воду, читая салават (молитву)’. **Ат нәзере** ‘моление по обету с жертвоприношением коня’: – *Кас’ы кешенеке ат нәзере була. Атның башын пешереп мазелес йасилар.* ‘У некоторых людей бывает моление с жертвоприношением коня. Варят голову коня и приглашают на угощение’.

Корман (< арабск. قرمان) – в татарском литературном языке **корбан**. *Корбан*: 1) жертва; 2) рел. этн. жертва, жертвенный. **Корбан чалу** ‘резать жертвенное животное. Во время мусульманского религиозного праздника **корбан, корбан бәйрәме** совершается обряд жертвоприношения богу. Режут какое-либо жертвенное животное (овцу), в этом случае говорят *корбан чалу*. В остальных случаях, когда режут скот вообще, употребляется глагол *суйу* (сую) ‘резать, зарезать’.

Через татарский язык это слово в форме *(за)-курманить* вошло в рус-

ские говоры. (За)курманить – (за)резать скот или птицу вообще: курьчку надь бы зькурманит' к вьскресен'йу, йа сѣдни скотину курманю⁵.

Ср. еще в удмуртском *курбон вхсь* 'жертва, жертвоприношение' – старинный обряд, в марийском *курман* 'жертва', второй компонент в сложном слове *агарман, агагурман* 'жертвоприношение перед началом весенне-полевых работ'. В башк. *корбан* 'скот, приносимый в жертву по мусульманскому обычаю', кирг. *курман*⁶.

Слово *корбан* в татарских диалектах зафиксирован в следующих фонетических вариантах: *корман* – в говорах крещеных, астраханских татар, в диалектах сибирских татар, *кырбан* – в мишарском диалекте, *кырбан, кырбаннек* – в говоре пермских татар.

Корман в крещено-татарских говорах обозначает моление с жертвоприношением, которое совершается с целью предотвращения засухи или какой-нибудь беды. Назначение его – умилоствление «небесного царя», распоряжающегося судьбами людей и скота, который по представлению

кряшен волен послать болезни и мор. Поэтому *корман* совершается в целях сохранения жизни и здоровья жителей, а также домашних животных⁷.

В системе верований местного населения были сакральные места за околицей деревни, связанные с жертвоприношениями. Люди приходили сюда с просьбами и давали обеты в любое время. Обеты давал человек, у которого в доме несчастье или кто-то заболел. Эти люди поставляли животных на общественное обрядовое действие. Руководил молением почтенный старец – *иманчы карт*. Участники моления были обращены лицами на юг, к солнцу: *кийашка таба карап келәү итәләр* 'молятся, обращаясь в сторону солнца'⁷.

Перечень религиозных терминов и названий арабского происхождения не ограничивается приведенными выше материалами. По нашим исследованиям, многие выявленные и систематизированные термины находят отражение в семейных (свадебных, родильных, похоронно-поминальных) и календарных обрядах и обычаях.

Литература

1. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1965. – 853 с.
2. *Баязитова Ф.С.* Этнокультурная лексика в татарских диалектах сибирского ареала (в контексте обрядовых и мифологических текстов). – Казань: Алма-Лит, 2010. – 736 с.
3. Большой диалектологический словарь татарского языка / Составители: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2009. – 840 с.
4. *Гайнутдин Равиль.* Ислам в современной России / муфтий Равиль Гайнутдин. – М.: ФАНР-ПРЕСС, 2004. – 320 с.
5. *Здобнова З.П.* Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. – Уфа, 2001. – С.94.
6. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – Ч.1. – С.152.
7. *Коваль И.* Обряды крещеных татар / Краеведческий сборник. – Уфа, 1930. – С.81.
8. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 351 с.

Аннотация

В татарских говорах обнаруживаются слова, восходящие своим происхождением к терминологии ислама, а по содержанию – переплетенные с древними обычаями, мифологией, верованиями.

Ключевые слова: ислам, намаз, фытыр, ясин, арабский, персидский, обычай, верования.

Summary

Some words of Tatar dialects date their origin to the terminology of Islam, at the same time their meanings are connected with ancient customs, beliefs.

Keywords: Islam, the Mohammedan prayer, fitir, yasin, Arabian, Persian, a custom, a belief.

УДК 821.512

ФУТУРИЗМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-х гг.: ТВОРЧЕСТВО А. КУТУЯ*

Д.Ф. Загидуллина, академик АН РТ

20 февраля 1909 г. парижская газета «Фигаро» вышла с передовой статьей «Основание и Манифест Футуризма», написанной Филиппо Томмазо Маринетти, в котором заявлялось о начале «цивилизации нового типа», «урбанизированного, вооруженного современной техникой человеческого множества, символом которого является метафорический новый герой – Человек, пронзивший Землю осью крутящегося махового колеса, которая нуждается в новой духовности, новом самосознании»¹. Время появления манифеста – рубеж веков, действительно, давало ощущение целесообразности творения «новой духовности». И вскоре слово «футуризм» стало понятно практически во всех языках мира, и в татарской периодической печати шли дебаты по определению отношения национальной культуры к футуризму, которые закончились констатацией отказа от футуризма как чуждого для татарской культуры явления.

Но революции 1917 г., появившаяся в сфере культуры тенденция, которая совпадала с основной задачей футуризма – отказ от всех традиций, выраженной в творчестве всех литературных предшественников, – привела к возрождению футуризма в русской литературе. Многие русские футуристы видели свою роль в современном им искусстве в том, чтобы обновлять

его так же, как обновляют общественную жизнь истинные революционеры. Эти идеи показались интересными и представителям татарской творческой интеллигенции.

В татарской литературе опыты в области создания футуристического образа начались только в 1923 г. «Опоздание» футуристических исканий объяснялось несколькими причинами. Во-первых, татарское литературоведение начала XX века, как было отмечено выше, рассмотрев особенности европейского и русского футуризма, отвергло данное явление, определив вредным для национальных литератур. Во-вторых, именно в середине 1920-х гг. на литературной арене появились два талантливых поэта – Хасан Туфан и Адель Кутуй, которые усмотрели в концепции кубофутуристов элементы, использование которых могло принести пользу для совершенствования татарской поэзии. Об этом писали и литературоведы 1920–1930-х гг.: «В татарской литературе самыми видными представителями футуризма были Кутуй и Туфан. Особенно последний сыграл большую роль в продвижении взглядов Асеева на новую рифму»².

Адель (Гадел) Кутуй – с детства занимавшийся литературным творчеством, будущий филолог и преподаватель литературы, сменивший

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ. № 12-14-16015а/В/ 2012.

технический вуз на гуманитарный «по велению сердца» – подошел к футуристическим опытам с точки зрения совершенствования формы национальной литературы. Г. Сагди отмечает его статьи на страницах газет о футуризме, в которых он представляет данное явление как одно из течений пролетарской литературы. В его первых стихотворениях, написанных на татарском языке (в детстве он писал стихи на русском языке) сразу после переезда в 1922 г. в Казань, Кутуй называет своего лирического героя футуристом («Син кем? / Дисәң, / Мин – алдагы / Мин – футурист» («Если спросишь / «Ты кто?», / «Я – человек будущего, / Я – футурист»³), создает необычные, футуристические детали: «Була шигърь ... шундый шигърь...! Балаң кебек. / Узең булып / Туа йөрәктән./ Ә үсә ул шундый начар...» («Бывают стихи ... такие стихи .../ Как свой ребенок / Родается в сердце / А растет плохо... »); «Бик сагындым шатлыгымны.../ Шатлыгыма пуля тиертмәм»⁴ («Очень соскучился по радости / Радость свою сохраняю от пуль»). Их он превращает в единый емкий образ. Если футуристическое творчество Туфана воссоздавало музыку движения в светлое будущее, то у Кутуя – солнечное настроение этого движения. Например, в стихотворении «Любовь солнца» (1926), описывая весну, смену времен года как непрерывный процесс, Кутуй рисует образ «души поэта» («шагърь жаны»): это та душа, которую преследует и целует, смеясь, солнце. Стихотворение является знаковым на фоне творчества Кутуя. В нем отразились проблемы связи с культурной традицией нового писателя и нового читателя. Образ души поэта – «той души, которую целует солнце», – описывается детально и красиво в 5-ти строфах стихотворения. Но в последней строфе заявляется:

*Кояш телен белгән кешене
шагърь диләрме?
Әгәр шулай булса,
– Мин ул түгел!
Мин – яшь шагърь – үлгәндә дә:
Безнең кояш ВКП,- дип
Коммунарлар язлыгында үләрмен!*⁵

Того, кто знает язык солнца,
называют поэтом?
Если так, то
– Я – не он!
Я – молодой поэт –
даже когда умру, скажу:
– Наше солнце ВКП!
Умру в весне⁶ коммунаров!
Подстрочный перевод наш.

Таким образом, становится ясно, что поэт в качестве лирического героя выбрал представителя нового человека 1920-х гг., демонстрирующего отказ от предшествующей культуры, в то же время сам поэт иронизирует по поводу этого отказа, который закрывает доступ к светлому и высокому. Необходимо отметить, что такой герой также был репрезентован Маринетти в «Техническом манифесте» как представитель разрушительного крыла футуризма. «В этом новом сознании главное – чувство своего единства с вечной жизнью материи во всем многообразии ее форм и проявлений (органика, механика), желание проникнуть в «механизм» ее самых исконных свойств (футуристов особенно привлекают механика движения, роста, динамика рождения и умирания, ощущения и мышления)»⁷.

Свой сборник стихов «Когда бегут дни» (1925) поэт назвал футуристическим. По мнению Г. Сагди, его стихотворения были первым криком нового течения в татарской литературе⁸. «Наши футуристы не были сторонниками эго-футуризма. Руководитель наших футуристов Кутуй был учеником Маяковского. Он получил

первый урок от него, он развивался в рамках его поэтической школы. В стихотворениях Кутуя заметно влияние русских футуристов – ЛЕФовцев. Его творчество своими корнями восходит к кубо-футуризму»⁹. Действительно, в те годы творчество русского поэта Владимира Маяковского вызывало к жизни стихи многочисленных талантов и воспринималось как образец для подражания среди татарской молодежи. Хотя это влияние не бросается в глаза, в книгу включены переводы стихотворений Маяковского (в частности, хороший перевод «Левого марша»).

Лирический герой стихотворений данного периода Кутуя – «представитель масс», нигилист, который отрицает прошлое и все ценности прошлого. Сам автор указывает и на трагизм положения своего героя. Стихотворение с таким же названием, как и сборник, которым он открывается, – «Когда бегут дни», описывает данное состояние. Констатируя смерть матери, лирический герой заявляет:

*Анам үлде.
 Үлгән чакта мин юк идем,
 – Яшә, улым, –
 Димәде
 Димәсә ... ни?
 Кимәсәм... ни?
 Чәнчелсеннәр
 (Фатыймалар һәм Гавасы)
 Барысы бергә иске кешеләр!
 Минем анам-атам
 Әнә.
 Анда
 Алар
 Төннәр буе
 Заводларда
 Яңа көннәр эшлиләр¹⁰.*

Мама умерла.
 Меня не было при этом,
 Не говорила мне:
 – Живи, сынок.

Ну пусть не сказала,
 Пусть не одевал я рубашку,
 Пусть сдохнут
 (Фатима и Хава)
 Все вместе
 Люди старого мира!
 Мои родители
 Вон.
 Там
 Они
 Ночами
 В заводах
 Вырабатывают
 Новые дни.

Подстрочный перевод наш.

Эти строки звучат как позиция представителя определенных слоев общества – нового «механического» человека нового времени, который отказывается от всех нравственных принципов общества. При этом поэт указывает на противоречивость внутреннего состояния и примитивность своего лирического героя, используя для этого футуристическую образность, основанную на аналогиях: «Молодость – рыба, / Ушла в бескрайнее море / Ее / они зажарили и съели». Концовка стихотворения: «Для Германии / Собираю дни / Создаю дни / Я ведь / Туда поеду, / Когда бегут дни» – воспринимается как эпатаж, как бравада человека, считающего себя «создателем новых дней», для которого невозможного нет: он может остановить время или стать повелителем будущего в других странах и на континентах. Таким образом, мы можем констатировать, что в стихотворениях Кутуя выступают молодые люди своего времени – «строители новой жизни». Каждое стихотворение добавляет штрихи к портрету героя послереволюционных перемен.

Например, для этого в стихотворении «20-й броневик» используются богоборческие мотивы:

Жир,
 Кояш,
 Алар бар да
 Кычкырдылар бер тавышка:
 Аллам!
 Кайда Алла?
 Кайда дин?
 Үтте айлар,
 Үтте еллар –
 Миндә тау,
 Көн баласы.
 Тау ярылды...
 Чыкты яңгыр,
 Эх,
 Ватылды Алласы.
 Очты дулкын...
 Барде күкне
 Эшче
 Булды бер нида (!)
 Өзеп чылбырын, алды
 Тарих корабын ул
 Азат
 СССРда¹¹.

Земля,
 Солнце,
 Они все
 В один голос кричали:
 Боже!
 Где Аллах?
 Где религия?
 Прошли месяцы,
 Прошли годы, –
 Во мне гора –
 Дитя дня.
 Гора отсекалась...
 Лил дождь,
 Ах,
 Разбилась, Аллах.
 Летели волны...
 Ударили в небо,
 Появился рабочий
 Как сила(!)
 Корабль истории, разорвав цепь,
 Взял в свои руки
 В свободном СССР.

Подстрочный перевод наш.

Стихотворение завораживает особым взглядом на события. Поэт будто бы создает иную реальность, основанную на ощущениях механического человека. В этой реальности люди возводят рабочего на пьедестал, и поэт рисует это на грани абсурда: образ рабочего, строителя новой жизни будто бы занимает место Бога в душах людей! На первый взгляд пафос стихотворения кажется героическим, однако именно богоборческий мотив заставляет сомневаться в этом. Детали воссоздания лирического героя указывают на иной – иронический пафос. Тот же пафос рядом с богоборческим мотивом присутствует и в стихотворении «Шагай, атеист¹²!» («Атла, динсез!»).

Еще один пример – стихотворение «Сарвар-ураган». Оно рассказывает о комсомолке «с 1919 года», участнице Гражданской войны, комвзвода отряда Чапаева Сарвар с чувством гордости и любовью: лирический герой называет ее «одной из новых людей», она для него – идеал. В самом начале стихотворения упоминаются некоторые биографические моменты, касающиеся самого лирического героя, которого дядя Ахмед выгнал из дома за то, что записался в комсомол. За это он отомстил родному человеку и вспоминает этот эпизод как самый героический поступок в своей жизни:

*Чыктым, ләкин ул егылды
 Гражданнар сугышында.
 «Дошман, бет!»
 Дип,
 Приклад белән берне
 Аның
 Яңак төбенә
 Тамыздым!
 Иске леккә – төкер!
 Барыбер бит
 Әхмәтләргә чокыр!¹³*

Я ушел, но во время
 Гражданской войны
 Он упал.
 «Враг, умри», сказал я
 И ударил его
 Прикладом!
 Плюнь – на старое!
 Ведь все равно
 Ахмедам – яма!

Подстрочный перевод наш.

Так стихотворение воссоздает образ молодого человека, убившего своего дядю во время Гражданской войны. Трагический пафос возникает в результате осознания этого шага как должное: новые люди истребляют «старое», убивают близких, даже не смотря на кровные узы. Автор понимает, что не может консолидироваться со своим героем в силу образования, воспитания, культурного опыта. В то же время он осознает, что этот герой – главное действующее лицо эпохи.

Еще более трагической предстает картина, воссозданная в стихотворении «Продаю душу». Поэт рисует «новую жизнь» как рынок, где лирический герой продает «душу»: татарскую, английскую, чувашскую, еврейскую... «Торг национальными ценностями» становится одной из главных особенностей послереволюционного времени. Кутуй позволяет своему герою, который, являясь интернационалистом, гордится происходящим, от собственного имени рассказать собственное мнение об эпохе перемен.

В 1920–1930-е гг. базар поэтизировался многими русскими и татарскими художниками слова. Многоцветность, обилие запахов, многообразие характеров рынка позволяли поэтам запечатлеть современную им жизнь во всей полноте, доводя смех до уровня карнавальности. У Кутуя также присутствует карнавальность. Поэт воссоздает ассоциации с образом Сен-

ного базара, представленного в начале XX века как место сохранения всего косного и безнравственного в татарском обществе. Но он заполняет это пространство современными мотивами, обращая внимание и на кратковременность происходящего, и затрагивая одну из актуальных проблем – отношения к наследию прошлого. Знаковыми воспринимаются последние строки стихотворения:

*Жан сатам,
 Бер сугуда синеке була,
 Мирас булмас,
 Юк итэм...*¹⁴

Продаю душу,
 Одним ударом будет твоею,
 Исчезнет наследие,
 Уничтожаю...

Подстрочный перевод наш.

В стихотворении выступает пародийное начало, которое выявляет солидарность поэта с теми, кто стремится сохранить наследие прошлого. Аллюзия «продажи души» рождает ассоциации с известными в мировой литературе сюжетами, усиливая трагизм ситуации. Параллельность продажи наследия и продажи души приводит к мысли, что наследие для нации – как душа для человека. Известный знаток русской и зарубежной литературы, А. Кутуй по-другому и не мог воспринимать происходящее. Не потому ли эти стихотворения даже не упоминаются критиками, они до сих пор остаются неизвестными. На это указывает и Г. Сагди, который вспоминает арабскую легенду о разногласиях между толкователем и поэтом (поэт не согласен с толкованием его произведения), называет Кутуя «барабанистом для интеллектуалов»¹⁵. И в 1920–1930-е гг., и в последующие периоды только бессмысленные, посвященные игре слов стихотворения из этого сборника

(«...Давно так», «Май», «Пионерский марш») были представлены читателю как футуристические.

Та же ирония выступает в ряде стихотворений, посвященных литературному творчеству. Например, лирический герой стихотворения «Поэт-рабочий» подчеркивает, что занимается творчеством не из-за того, что «душа требует» или «мысль кипит», а наряду со всеми, «за компанию». Еще одно стихотворение – «Кулацкому погребу татарских поэтов» продолжает этот разговор. Лирический герой констатирует, что народные песни для него «узкие», средневековые поэмы – «бесполезны». Обращаясь к поэтам, он призывает их петь о сегодняшнем и о завтрашних победах. Сам же отвечает, что они не в силах создать такую литературу:

*Сез бирегез безгә
Бүгенгене һәм «иртәгә»,
Үзгәртелгән «яңа кешеләр».
Бирә алмыйсыз...
Бирә алмыйсыз?!..
Ул вакытта –
Без командир.
Заводларга сул белән!¹⁶*

Дайте вы нам
Сегодняшнее и завтрашнее,
Трансформированные «новые
люди».

Не можете...
Не сможете!/?
Тогда –
Мы командиры.
В заводы, левым!

Подстрочный перевод наш.

По мнению поэта, молодое поколение считает, что творческие люди «вчерашнего дня» не в состоянии создать новую литературу о новой жизни. Вот причина того, что рабочие и крестьяне взялись за перо, стали «командирами» в литературе. Такая

философия звучит абсурдной из уст филолога Кутуя, так как оправдывает бескультурие всего происходящего. Так, в стихотворении «Из железных цветов» лирический герой описывает процесс создания памятника рабочему из железа. Он запрещает «старому поэту» и «старому художнику» подойти к памятнику, подчеркивая тем самым «их бессилие в деле создания нового искусства», или культуры примитива.

Также иронично звучит и неоднозначно воспринимается стихотворение «Дню – две руки!», которое задумано как идеологический лозунг, как речитатив тех лет:

*«Әйләнергә
Җир эше ул,
Су эшләре –
Агарга».
Безнең эшләре – «көн»гә ике кул.
Надан дошманнарны
Кара күргәзмә итеп
Яуропага,
Җир шарына –
Кызыл фонарь
Тагарга!¹⁷*

«Крутиться –
Дело земного шара,
Дело воды – течь».
Наше дело – две руки «дню».
Превратив в посмешище
Перед Европой
Врагов-неучей,
Земному шару
Повесить
Красный фонарь.

Подстрочный перевод наш.

Таким образом, в своем сборнике Г. Кутуй стремился выразить эмоции и мироощущения, «наивную философию» молодого «механического» поколения, сформировавшегося в годы революций. С одной стороны, стихотворения изобилуют новыми

терминами и идеологическими лозунгами, цитатами из «Интернационала». В них преобладают динамичность, даже конструктивистские мотивы. С другой, иронический пафос наталкивает на неоднозначные размышления о роли революций, общественных преобразований, об их влиянии на сознание людей и т.д. Кутуй через своего лирического героя приоткрывает внутренний мир «нового героя», обнажая и пародируя механизм формирования ущербной личности. Может, поэтому вскоре, уже с 1926 г., Кутуй переходит к прозе, начинает писать рассказы, пробует силу в области драматургии (из пяти пьес, поставленных на сцене Татарского государственного драматического театра, сохранились тексты только двух). Ищет новые пути: написанный в 1924 г. нэсер «Горячие дни», хотя и описывает дни Гражданской войны в Самаре, по формальным признакам напоминает лиро-эпiku начала XX века. В малочисленных стихотворениях, написанных после 1924 г., появляется нейтральный лирический герой или лирический герой – один из многих, представитель сословия «мы». Например, в стихотворении «Печник» (1925) лирический герой – только наблюдатель за печником. Лирический герой стихотворения «День – гвоздь» говорит от имени «мы». Наряду с новым амплуа лирического героя, в стихотворениях наблюдается углубление философичности. В том же стихотворении «Печник» поэт рассказывает о необходимости очистить бытие «от сажи и грязи». Поэт также пишет две поэмы – «Курай» и «Салима», в которых обращается к футуристической эстетике, и в первой из них опять затрагивает проблему национального культурного наследия.

Однако и эпические, и драматические произведения Кутуя становятся объектом жесткой критики. Особен-

но его отстаивание прав писателя на индивидуальный подбор художественных средств, авангардные эксперименты вызывают негативную реакцию. Кутуй в начале 1930-х гг., наряду с другими молодыми писателями, обвиняют в идеологической ненадежности: он отстраняется от литературного творчества. Только после появления в 1935 г. повести «Неотосланные письма», написанной в соответствии с требованиями социалистического реализма, к нему приходит известность. Авангардные приемы сохранились в его творчестве, а в нэсерах военных лет он возрождает традиции в области формы модернизма начала XX века.

Анализируя раннее творчество Г. Кутуя, Г. Сагди выделяет в нем такие качества, как декларативность (называет его «барабанистом эпохи»), а также умение создавать светлые картины («радостное творчество»). Критик обращает внимание на «гармонию слов и звуков», на особую образность творчества поэта и приводит любопытную цитату из статьи Кутуя, опубликованной в журнале «Безнең юл» (1927, № 6–7): «Я читаю, я в поиске, я ищу живые корни «угасшего» футуризма»¹⁸. Этот поиск прежде всего бросается в глаза в области звуковой формы стихотворений Кутуя. В таких стихотворениях, как «Старый пыльщик» (1925), «Лесорубы», «Пулеметчики» (1925) и мн. др., поэт применяет эстетику звукописи, через рефрены и звуковые формы передает гул и ритм трудовой или иной деятельности. Вот строки из «Пионерского марша», которые начинают и заканчивают стихотворение:

Бэр,
 Барабан.
 Бэр,
 Барабан,
 Бэр!
 Бер

Барабан
Без
Барабан,
Бэр
Барабан,
Без
Барабыз,
Бэр!¹⁹

Ударь,
Барабан,
Ударь!
Один
Барабан
Мы,
Барабан,
Ударь,
Мы
Идем,
Ударь!

Подстрочный перевод наш.

Барабанная дробь «сопровождает» песню пионеров о том, как они строят новую жизнь, ориентируясь на комсомолию, и называют себя «барабанами» в отряде борцов против «фашизма».

Или еще одно стихотворение – «Мир умолк на 5 минут» – воссоздает музыку похоронного марша:

Бер... ике... өч... Бум...
Бах...
Трах... гуууу... ау...
Чү!..
Завод, мылтык... коралларның
тавышлары белән
Меңнәр жылый...
Меңнәр сөйли:
– Ильич иптәш – эшче...
– Ильич коммун-крестьян...
– Ильич – халык...
– Үлгән...
– Юк!²⁰

Один... два... три... Бум...
Бах...
Трах... гуууу... ау...

Чү!..
Вместе с голосами завода,
винтовок... орудий
Плачут тысячи...
Тысячи рассказывают:
– Товарищ Ильич – рабочий...
– Ильич – коммун-крестьян...
– Ильич – народ...
– Умер...
– Нет!

Подстрочный перевод наш.

Звукоподражательность футуризма была продолжена в поэзии молодых последователей А. Кутуя. В частности, творчество Сирина (Сирин Батыршин, 1896–1969) изобилует подобными стихотворениями. В частности, длинное стихотворение (озын шигыр) «Не бывает! Не бывает» (1929) воссоздает звуки осенней очистки зерна:

*Ашлыгыңны жылгәрәмсең,
жылгәр, жылгәр.
Тормышыңның
Чүп-чарларын
Жылгә жибәр.
Бертуган күк
Бергә эшлик,
Бергә яшик,
Машиналы
Күмәк тормыш
Төзеп жибәр.
Аерым-аерым
Матур тормыш
Булмый, булмый!
Булмый, булмый!²¹*

Очищаешь свое зерно,
очищай, очищай.
Все мелочи своей жизни
Отпускай с ветром.
Давай работать вместе,
Давай жить вместе,
Как родные.
Построим общую
С машинами
Жизнь.

По отдельности
Не бывает
Красивой жизни.

Подстрочный перевод наш.

Многие стихотворения поэта воссоздают ритм и движение определенных природных или трудовых процессов, исходя из этого, каждый из них написан по особому размеру. «Весенние капельки» (Марш капелек) (1927) воссоздает шум капли (повтор следующего размера: 1-2-1-2-7-4-4-7-4-4-7-2-4-2-7), «Девушка-швея» (1926) – трынчание швейной машинки (5-3-3-3-3-4-4-4-4-4-3 и т.д.), «Иголки» (Когда рождается песня) (1927) – ритм музыки (3-3-3-4-4-4-4-5-3-3-5-5 и т.д.) и т.д. Стихотворение другого молодого поэта – Шамуна Фидаи (Касыйм Шакирзянов, 1902–1920) «Мы» построено на подражании гулу шторма. Однако в творчестве поэтов молодого поколения стремление к футуристическим экспериментам ограничивалось звукописью, которая становилась центром формирования образов-анalogий. Тем не менее подобные явления свидетельствуют о том, как в татарской поэзии совмещались две тенденции: стремление к выражению идеологически выдержанного содержания и тяготение к авангардным формам.

Возрождение интереса к футуристическим экспериментам в татарской поэзии второй половины 1920-х гг. было обусловлено атмосферой эпохи. Спокойствию дореволюционного прошлого, описанного литературой, футуризм противопоставляет огонь борьбы и восторг кипящих идеями обновления юных сил. Футуризм воспевал промышленные города с их машинами, с их динамизмом, пел дифирамбы молодым, восставшим во имя будущего против традиций прошлого. Все это совпадало с основными принципами пришедшей к власти новой социалистической идеологии. Новое мироощущение рождалось на грани отказа от прошлого, когда возникал быстрый ритм построения иной жизни. И оно требовало от поэтов, как констатировал Маринетти, «абсолютную свободу образов или аналогий, выражаемых освобожденным словом, без проводов синтаксиса и без всяких знаков препинания». Но, в отличие от итальянского футуризма, тяготеющие к экспериментам в области формы татарские поэты, по сути, посредством приемов данного течения воспевали революционное движение к светлому будущему, тем не менее поэтика модернистских исканий противостояла принципам соцреализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сапрыкина Е.Ю. Футуризм и авангардная культура Италии // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. (под ред. Ю.Н. Гирина). Кн.1. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С.361–363.

² Ун ел эчендә татар матур әдәбияты (1920–1930). Төз. К.Нәжми, Г.Нигъмәти, Г.Гали. Казан: Татиздат, 1930. Б.30.

³ Стихотворение напоминает знаменитый верлибр Маринетти «Автор-футурист обращается к своему отцу, Вулкану»: «Я – футурист, могучий и непобедимый,/ вознесенный ввысь сердцем неистовым и неутомимым...».

⁴ Кутуй Г. Жырлыым чынын // Кутуй Г. Сайланма әсәрләр. Төз. Г. Минский. Казан: Тат.кит.нәшр., 1965. Б.7.

⁵ Кутуй Г. Кояш гыйшыкы // Кутуй Г. Сайланма әсәрләр. Төз. Г. Минский. Казан: Тат.кит.нәшр., 1965. – Б.9.

⁶ Язлыгында – переводится как «в весне», а не весной.

⁷ *Сапрыкина Е.Ю.* Футуризм и авангардная культура Италии // Авангард в культуре XX века (1900 – 1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. (под ред. Ю.Н. Гирина). Кн.1. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С.372.

⁸ *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты («Татар әдәбияты тарихы»ның икенче бүлеге урынында). Казан: Татиздат, 1930.Б.122.

⁹ *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты («Татар әдәбияты тарихы»ның икенче бүлеге урынында). Казан: Татиздат, 1930.Б.124.

¹⁰ *Кутуй Г.* Көннәр йөгәргәндә // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. Б.5.

¹¹ *Кутуй Г.* 20-нче броневик // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.8.

¹² «Динсез» также – без религии; потерявший религию; безбожник.

¹³ *Кутуй Г.* Сәрвәр-давыл // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.11.

¹⁴ *Кутуй Г.* Жан сатам // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.14.

¹⁵ *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты («Татар әдәбияты тарихы»ның икенче бүлеге урынында). Казан: Татиздат, 1930.Б.125.

¹⁶ *Кутуй Г.* Татар шагыйрьләренең кулак базына // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.55

¹⁷ *Кутуй Г.* Көнгә ике кул! // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.32.

¹⁸ *Сәгъди Г.* Пролетариат диктатурасы дәверендә татар әдәбияты («Татар әдәбияты тарихы»ның икенче бүлеге урынында). – Казан: Татиздат, 1930. – Б.130.

¹⁹ *Кутуй Г.* Пионер маршы // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – Б.41.

²⁰ *Кутуй Г.* Биш минутка дөнья тукталды // Кутуй Г. Көннәр йөгәргәндә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты. – 1925. – Б.38.

²¹ *Сирин.* Булмый! Булмый! // Сирин. Шигырьләр. Казан: Тат.кит. нәшр., 1959. Б.35–43.

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей модернистских произведений в татарской литературе 1920-х гг. На материале анализа отдельных поэтических текстов А.Кутуя делается вывод о противостоянии модернистских поисков идеологическим требованиям литературы соцреализма.

Ключевые слова: татарская литература, модернизм, футуризм, художественный метод.

Summary

The paper studies the characteristics of modernist works in the Tatar literature of the 1920s. On the material of the analysis of individual poetic works of A. Kutuy, the author makes the conclusion of the confrontation of modernist searches with ideological demands of socialist realism literature.

Key words: Tatar literature, modernism, futurism, literary method.

УДК 821.0

О РЕПУТАЦИИ МОДЕРНИЗМА В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА 1920–1930-х гг.*

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

В монографии, посвященной модернизму в татарской литературе и изобразительном искусстве, Ю. Нигматуллина пишет о двух его периодах в искусстве XX века: начало XX века (включая 1920-е гг.) и конец 1970-х гг. (модернизм в живописи)¹. Оценивая модернизм в поэзии 1920-х гг., исследовательница замечает: «Наметившиеся в литературе 1920-х гг., после свершившейся Октябрьской революции, зачаточные формы символизма, футуризма, имажинизма (в творчестве Х. Такташа, Х. Туфана, Ф. Бурнаша, К. Наджми, Г. Кутуя) не имели серьезной философской базы. Эти течения появлялись «как в тумане» и быстро растворялись в общем потоке литературы, так и не достигнув классической зрелости»². Вместе с тем вряд ли модернизм 1920-х гг. можно оценивать как зачаточную стадию: становление модернизма происходит раньше – в 1900–1910-е гг. – и он во многом стал опорой для модернистских исканий 1920-х гг. И Х. Такташ, и Х. Туфан, и М. Джалиль, говоря о своем творчестве первой половины 1920-х гг., указывали на влияние известных поэтов начала XX века: Дардменда, Бабича и, особенно, С. Рамиева, наиболее яркого представителя гиссианизма в татарской поэзии. Непродолжитель-

ность модернистских течений, скорее, связана с формирующейся со второй половины 1920-х гг. репутацией модернизма как маргинального литературного явления. К рубежу 1920–1930-х гг. слова «модернист», «символист», «футурист», «декадент» становятся ярлыками, используемыми в борьбе с литературными оппонентами. Приведем несколько характерных примеров традиционной для того времени риторики.

В первом номере журнала «Яналиф» за 1930 г. опубликовано стихотворение Ф. Карима «Гармун турында», в котором, в частности, есть и такие строки:

*Гармун, дуслар,
Футурист түгел,
Ул реалист,
Лирик, юморист,
Жырчы, артист,
Актив, комсомолец,
Алкоголик тотса:
-Фу-ту-рист³.*

Репутация футуриста здесь очевидна: он противопоставляется реалисту как социально маргинальное явление (прозрачной такую оценку делает отождествление футуриста и алкоголика).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-14-16015 а/В/2012.

Ф. Сайфи-Казанлы в том же 1930 году пишет: «Урыс әдәбиятында «футуристчылык», «лефлык», «имажинистлык» алымнары булып, алар чынлап та үзгәреш кертәргә омтылсалар да (татар матбугатында булса бу алымнарның бүрекларен генә киен йөрделәр) ләкин һичбер урында аз гына булса да күзгә бәрелерлек яңалык күрсәтмәделәр»⁴. Примечательно, что автор, отказывая авангардным течениям в каком бы то ни было новаторстве, рассматривает их проявления в татарской литературе как эпигонские.

Спустя год автор по фамилии «Хисматуллин», говоря о творчестве Х. Туфана второй половины 1920-х гг., упрекает поэта за отсутствие пролетарской тематики: «Әйтәсем килгән сүз – Туфанда бүгенге төзүче пролетар образ юк. Ул ярым пролетар образларын биреп килә»⁵. Характеризуя художественные приемы Туфана и отмечая мастерство поэта в этой области, автор в то же время пишет: «Чөнки завод-фабрикаларны идеаллаштыру, электрларны идеаллаштыру – ул бер пролетариат әдәбияты өчен генә хас әйбер түгел. Машина, машина кызулыгы һәм башкалар футуристларда да күренәләр. Футуристлар һәм гомүмән футуризмның төп пролетариат агымы түгел икәннен яхшы беләбез»⁶. Очевидно стремление Хисматуллина представить творчество Туфана во второй половине 1920-х гг. (речь в данном случае идет об известных поэмах поэта, таких, как «Еллар итәгендә» (1925), «Урал эскизлары» (1926), «Ике чор арасында» (1927), «Башлана башлады» (1927), «Бибиелвар» (1927)) как подверженное влиянию футуризма, противопоставляемого пролетарской литературе как маргинальное явление.

В 12 номере журнала среди публикаций, посвященных творчеству ско-

ропостижно скончавшегося Х. Такташа («Хади Такташ турында совет матбугаты»), есть небольшая статья М. Максуда (перепечатка из газеты «Эшче» от 12 декабря 1931 г.). В ней автор следующим образом характеризует начало творческого пути известного татарского поэта: «Такташ әдәбиятка символист булып килде. Ул гысьянчы (бунтарь) вак буржуа рәвешендә, пролетариат революциясен бетендәй анлы алмыйча, хәттә аны күрмичә» – «Үтерелгән пәйгәмбәр», «Ачлык патша» һәм «Онытылган антлар» турында, «Бакчачылар», «Урман кызы», «Пәри кызлары» турында жырлады...»⁷.

Спустя три года Г. Нигмати в своем выступлении «Социалистик реконструкция чорында Совет татар матур әдәбияты», давая оценку состояния татарской литературы с конца 1920-х гг., в частности, останавливается и на деятельности группы «Жидегән». ««Жидегән» житәкчеләреннән Печән базары обывателе вкусына каратып язган пьесаллары («Балдызкай», «Калфаклар») богемачылык идеяләре белән сугарылган футуристик төзмәләре белән танылган Кутуй әдәби критика, театр рецензияләре өлкәсендә активлык күрсәтеп, пролетариатка чит карашлар үткәргән төркем язучыларыны яклап килде»⁸. В этом же ключе Г. Нигмати высказывается и о творчестве Н. Исанбета, называя его «элекке декадент шагыйрь» и рассматривая поэму «Урман кызы» как пример такого декадентского произведения.

В ряду негативных оценок модернизма в литературе 1930-х гг. укажем и поэму А. Файзи «Флейты» (1933). Уже в эпиграфе к поэме содержится противопоставление мелкобуржуазного романтизма и упадничества героико-революционному мировос-

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о репутации модернизма в татарской литературе рубежа 1920–1930-х гг. На основе изучения критических выступлений и литературных произведений устанавливается отношение к модернизму как маргинальному явлению.

Ключевые слова: модернизм, татарская литература, критика, литературная репутация.

Summary

In this article we considered the question on the reputation of modernism in the Tatar literature of 1920–1930. On the basis of studying of critical performances and literary works the relation to modernism as the marginal phenomenon is established.

Keywords: modernism, Tatar literature, criticism, literary reputation.

УДК 82.0(091)

АМИРХАН ЕНИКИ

Л. Хамидуллин

Народный писатель Республики Татарстан (1989), лауреат Государственной премии им. Габдуллы Тукая (1984) Амирхан Еники был одним из самых почитаемых народом мастеров художественного слова. Современниками он признан крупным мастером лирико-реалистической прозы.

В большую литературу Амирхан ага вошел своими мастерски выполненными рассказами и повестями, повествующими о простых людях и, казалось бы, простых событиях, происходящих в их жизни. Но каждый герой его произведений предстает перед читателем с присущими ему чертами характера, со своей душевной красотой. Уже в первых же произведениях, например в рассказах, написанных в годы войны, в боевых условиях «Ана һәм кыз» («Мать и девочка», 1942), «Мәк чэчэгә» («Маковый цветок», 1944), «Бер генә сэгатькә» («Только на час», 1944) или созданных после войны, в первые мирные годы – «Тауларга карап» («Глядя на горы», 1948), «Кем жырлады» («Песня любви», 1956), «Туган туфрак» («Родная сто-

рона», 1957), Амирхан Еники повествует о добрых деяниях своих героев, об их лучших чувствах по отношению к окружающим их людям. Читатель же невольно любуется ими, внимательно следит за их действиями, стремясь подражать этим героям в своей жизни.

Разумеется, на страницах произведений А.Еники живут не исключительно положительные герои.

Амирхан Еники известен прежде всего как талантливый исследователь сложных человеческих чувств и внутреннего мира героев своих произведений. Занимали Амирхана ага не только простые люди, но и великие его современники. Например, жизнь и творчество композитора Салиха Сайдашева, известных артистов Нагимы Таждаровой, Шакира Шамильского. Им посвящены его отдельные произведения. Роман «Гуляндам» отражает события периода Гражданской войны и начала двадцатых годов, и юношеские увлечения С.Сайдашева.

А начинал он свое творчество как новеллист в сложные двадцатые годы, когда ему не было еще и двадцати лет.

Амирхан Нигметзянович Еников родился 16 февраля (по старому стилю) 1909 г. в большом селе Новая Каргала Белебеевского уезда Уфимской губернии. Через два года семья их переехала в поселок железнодорожной станции Давлеканово. Отец его Нигметзян в то время был занят

торговыми делами и часто разъезжал по окрестным селам и городам. Давлеканово стало второй, но самой любимой родиной писателя... В начале XX века Белебеевский уезд считался крупной житницей Уфимской губернии. В Давлеканово работало тогда 7–8 больших паровых мельниц.

А Новую Каргалу в конце XVIII века обосновали прапрадеды Амирхана Еники – мурзы Еникиевы и их ближайшие сородичи мурзы Терегуловы, а также люди, переехавшие с ними вместе из Темниковского уезда Тамбовской губернии. В обыденном общении это село иногда называли Мурзинскими Каргалами (Мор-залар Каргалысы). А в литературе и письменных источниках чаще употребляется название «Белебеевская Каргала», чтобы отличить это село от знаменитой своими медресе «Оренбургской Каргалы», находившейся в восемнадцати километрах западнее г.Оренбурга.

Откуда и зачем переселились на степные просторы у реки Демы эти мурзы, чаще именуемые в народе «татарскими дворянами в лаптях» («чабатылы морзалар»)? В XVIII веке шло срочное освоение земель, еще раньше отвоеванных Россией у Ногайской Орды на востоке, за Волгой. В 1734г., в царствование Анны Ивановны, была образована новая Оренбургская губерния. Срочно стали строить ее будущую столицу. Сначала она была заложена на берегу реки Яик, при слиянии с рекой Орью, откуда и возникло название губернии, «пристегнутая» к имени его будущей столицы: Орь+бург(город). Через некоторое время столицу губернии перенесли на 300 км западнее, а названия губернии и будущего города остались прежними. Место для будущего города подыскал мурза Кутлумухаммед Тавкелов, принятый на службу к царскому двору еще при Петре Первом. Затем он же

участвовал при строительстве этого города, а также крепостей и редутов, ямско-почтовых селений на дорогах, соединявших будущую столицу губернии с Уфой, Самарой и Казанью. Через Казань и Бугульму была проложена главная дорога – Московская.

Так возникло множество татарских поселений вдоль этих ямских дорог. Первоначально туда переселялись надежные люди – семьи «служилых татар», состоящих в основном из обнищавших мурз. А к концу того же века было дано разрешение и другим желающим переселиться в эти края. Мурзы Еникиевы и Терегуловы, когда-то обосновавшиеся в бывшем Касимовском ханстве, вблизи города Темникова, решили воспользоваться этим разрешением и купили земли у башкирских старшин в предгорьях Урала.

Вот как описывает эти события Амирхан ага: «Татары-мишари жили под самым носом у Москвы. После распада Золотой Орды попали в зависимость к Московскому княжеству. Отношение русских князей и царей к ним в разное время было разным. Чаще татары нужны были этому государству. Нужны были в войсках. Татарские мурзы сторожили границы, воевали во всех войнах. В том числе участвовали и во взятии Казани Московией...».

Предков А.Еники, впрочем, и других мурз из их ближайшего окружения, зовут еще «тюменами (төмән)». «В Золотой Орде тюмены состояли в войсках, которые делились на тысячи и десятки тысяч...», – пишет Амирхан ага. Правда, еще до образования Золотой Орды войска тюркских племен, возможно даже со скифских времен, состояли из десятков (современное отделение), сотен (рота, эскадрон), тысяч (полк) и десяти тысяч (тюмен, современная дивизия) единиц. Из истории известно, что когда-то Мон-

гольский курултай для завоевания западных от Волги территорий выделил хану Батыю три тюмени войск, т.е. современные три дивизии. Мурзы Еникиевы, Терегуловы, Кугушевы, Колончаковы и другие в период каких-либо походов или войн должны были эти сотни, тысячи воинов собрать с подчиненных себе селений (территорий) и доставить их на место сбора. То есть они были пожизненными воинами-офицерами, командирами в подчиненных себе территориях. По предположению А.Еники, а также некоторых историков, и название современного города Темникова связано со словом тюмен. Там, видимо, когда-то было место сбора одного из исторических тюменей периода Золотой Орды, а возможно, даже и Касимовского ханства. Да и в российской истории дворяне в основном были пожизненными воинами. Многие начинали служить в семейно-прикрепленных полках с 13–14 лет. Вспомним о семье дворян из бывших мурз Державиных. Вдовая мать Гавриила Державина, будущего известного поэта и чиновника Российской империи – Фекла Андреевна, чтобы пристроить сына на службу, ездила в далекую столицу несколько раз.

1

При ликвидации Касимовского ханства многие мурзы лишились дворянских привилегий. Позже, особыми указами царей, некоторым из них, доказавшим свое бывшее дворянство документально, дали возможность опять именоваться мурзами. Указом от 1690 г. в дворянское сословие была возвращена 61 семья мурз. И главы этих семей были назначены сотниками в местах своего проживания. В те годы уезды делились на сотни и такой муниципальной единицей руководил сотник.

В изданной в 1886 г. в С.-Петербурге справочной книге «История родов русского дворянства» приводится большой список возвращенных в это сословие лиц. Там значится и фамилия Еникиевых (1690). Помню, как-то при участии Наки Исанбета, Хасана Сарьяна и др. писателей возник разговор о том, что у татар нет имени «Еники». Предположили, что фамилия Еникиев, наверное, происходит от имени Янакая или Джаникая. С этими доводами и Амирхан ага согласился, но сказал: «Раз в указе царя было так написано – такое написание продолжится и в будущем».

Что пишут о роде Еникиевых и Терегуловых в энциклопедиях? Начало этого рода восходит к золотоордынскому беку (князю) Бихану. Впоследствии из рода этого бека вышли и некоторые ханы Касимовского ханства. Амирхан ага пишет, что Бихан был родоначальником и других мишарских мурз: Акчуриных, Кугушевых, Кутуевых, Колончаковых, Тенишевых и др. Кстати, мать известного русского писателя Александра Куприна также была из рода мурз Колончаковых. Жила с дворянскими почестями еще в конце XIX века.

Александр Куприн был очень почитаемым писателем Амирхана Еники. Он считал его в ряду своих кумиров – Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана и других... Но о том, что их связывает еще очень и очень дальнее родство, узнал только в конце семидесятых годов, когда об этом ему письменно сообщил один из ленинградских ученых.

* * *

Считается, что есть княжеский род Еникиевых, имеющих ближнее родство с беком Биханом, – это род, идущий по линии бека Тениша. Его

сына звали Еники. «Грамотой Ивана Грозного от 6 мая 1539 г. Темников был отдан (этому) князю Еникей бею»¹. Дальние же их родственники, перейдя в Русское государство, были признаны только простыми дворянами. Одним из правнуков Бихана звали Кульдяшем. Он тоже имел сына по имени Еники. Под 1629 г. зафиксировано, что этот Еники и его братья имели крепостных крестьян в окрестностях Темникова и в Кадомском уезде. Сам Еники имел поместье в селении Идей. Его сын Терегул (как считает Амирхан ага, измененный от татарского имени Турэкол), основатель фамилии Терегуловых, тоже имел своих крестьян в том же селе. Сколько у них было крепостных крестьян – в нашей энциклопедии это не зафиксировано. И дальние потомки этих мурз об этом не помнят.

С исторической точки зрения, интересны факты изменения политического и экономического положения татарских мурз-дворян в различные эпохи развития российской государственности.

В последние годы правления Петра Первого, во времена усиления повторного процесса христианизации населения России, не принявшие навязываемую религию татары лишались своих поместий и крестьян. Большинство потомков князя Бихана остались верными своей религии, но лишились сословных своих привилегий. Таким образом, они оказались «лапотными мурзами». Но несмотря на это, они всегда считали себя сословно выше, чем простые крестьяне. А после прихода к власти в 1762 г. царицы Екатерины II, уважительно прозванной татарами «Эби патша» («Бабушка царица»), положение мурз в России немного улучшилось. Правда, им старых поместий и крепостных крестьян не вернули. Но все равно стали относиться к ним луч-

ше, признавая их дворянское достоинство...

* * *

В 1773 г. потомки мурз Еникиевых, Терегуловых и из того же рода вышедшие Мамлеевы, Кильмаметовы и др., малоземельные к тому времени семьи, переехали из родового села Идей (или Иди, как написано в воспоминаниях А.Еники) на целинные земли Заволжья. С ними была еще и семья муллы Янгуразова. По данным Амирхана ага, эта семья была из села с таким же названием Янгуразова Темниковского уезда. Мать Амирхана ага Бибахадича вышла из этого рода. Но ее отец Хабибрахман почему-то не пошел по стопам дедов, а стал простым крестьянином. А его отца – Габдурахмана хазрета – знал еще мальчишкой будущий писатель.

Вот родословная (шежере) Еникиевых, живших в Новой Каргале. Составлена она Нигметзяном ага, отцом писателя: Башар–Хасан–Ахтям–Ахметзян–Нигметзян. В селе Идей – на родине остался их прадед Хансуар. Большинство из них были крестьянами-средняками. Но время от времени занимались и торговыми делами. Например, Ахтям и Ахметзян весной и осенью покупали в окрестных селах шерсть и отправляли ее фабрикантам Акчуриным. Это стало возможным, наверное, после постройки железной дороги между городами Самарой и Уфой в конце 1870-х гг. Нигметзян рассказывал сыну, как они с отцом ездили по аулам и собирали шерсть.

Нигметзян родился в 1874 г. Рано женили его, «в то время не было ему и двадцати лет... Атакай был красавцем, среднего роста, подтянутый. Неплохо пел, играл на гармонии, лихо плясал... И в свои восемьдесят он держался прямо». Но им с Хадичой сначала не везло. Все родившиеся до Амирхана

дети умирали в младенческом возрасте. Выжили только Амирхан и его младший брат Илдархан.

У Нигметзяна были два брата, всю жизнь прожившие в Новой Каргале, и две младшие сестры – Рокыя и Сорур. О некоторых из них мы еще вспомним в дальнейшем.

* * *

Особой отличительной чертой мурз является их стремление получить достойное своему времени образование. Например, после снятия с должности попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого, запрещавшего принимать в гимназии и университеты лиц не христианского вероисповедания, за 15–16 лет, начиная с 1830 г., в Казанский университет было принято около двадцати пяти студентов-татар. И большинство из них были детьми мурз.

Из Каргалинского рода Еникиевых и Терегуловых тоже было много образованных людей. По какой причине, не знаю, но большинство Еникиевых прославились, в основном живя в Оренбурге. А известные личности из Терегуловых почему-то предпочитали Казань и Уфу. Вот известные казанские просветители и общественные деятели из Терегуловых. Ибрагим ага долгое время преподавал в Казанской учительской школе татар, был одним из инициаторов открытия Восточного клуба в Казани, где выступал и Тукай. Его сородич Абубакир учился на врача сначала в Казанском университете, потом в Германии. В Казани защитил докторскую диссертацию и стал известным профессором-терапевтом. Гумер Терегулов учился в той же Учительской школе вместе с Г.Исхаки, С.Максуди, Ф.Туктаровым. Стал одним из активных политических деятелей начала XX века, был делегатом Учредительного собрания,

в начале 1918 г. вошел в состав Милли Идарэ по решению Национального собрания татар.

Амирхан Еникиев, когда шестнадцатилетним парнем приехал в Казань учиться, с другом почти месяц жил в семье врача Абубакира Терегулова.

Из рода Еникиевых известны Гайса Еникиев, который окончил Оренбургскую учительскую школу (колледж), долгое время учительствовал в медресе «Хусаиния», был казначеем фонда купца Ахмеда Хусаинова, завещанного им для содержания медресе и других учебных заведений. Дважды избирался в Государственную Думу России. А Нигматулла Еникиев, после окончания оренбургского медресе «Хусаиния» в 1914 г., был сразу же призван в армию, участвовал в Гражданской войне, дослужился до звания бригадного комиссара Красной Армии.

В Оренбурге, а затем в Уфе жил Нигметзян Еникиев, увлекавшийся литературными переводами. Им были до революции переведены пьеса Н.В. Гоголя «Ревизор» и роман М. Горького «Мать».

2

Первый рассказ Амирхана Еникиева (псевдоним Амирхан Еники он принял позже) «Озын кәй тыңлаганда» («Слушая протяжную мелодию») был напечатан в 1926 г. в толстом литературном журнале «Безнең юл» («Наш путь»). Тогда ему только-только исполнилось семнадцать лет. Он только что в августе 1925 г. приехал в Казань из далекого полустепного края Западного Башкортостана – из Давлеканова².

Семья Еникиевых из четырех человек обосновалась в этом поселке с лета 1911 г., когда Амирхану было чуть более двух лет. Этот пристанционный поселок здесь был образован

у бывших небольших башкирских сел Давлетхан и Эткол (Һәеткол) лет сорок тому назад при строительстве так называемой Сибирской железной дороги, соединившей города Самару, Уфу и Челябинск. Об этом событии поэт Маджит Гафури позже напишет первую значимую свою поэму «Себер тимер юлы» («Сибирская железная дорога», 1904). Строительство дороги изменит этот край до неузнаваемости. Со всей России хлынут сюда дельцы и купцы разных мастей и разных национальностей. Скоро и поволжские немцы начнут осваивать эти земли: вдоль дороги появятся их хутора, на больших массивах они будут выращивать хлеб. На окраине Давлеканова построят свой посад и несколько крупных мельниц, работающих на паровых машинах (а жернова 4–5-этажного «Якоря» приводились в движение течением р. Демы). Большинство татар, прибывших сюда в лаптях из бедных заволжских земель, скоро переобуются в сапоги, заимев на Давлекановском базаре свои лавчонки. А мишарин из далекого заволжского села Оч Мунча, невзрачного вида Бурхан абзый, побыв немного времени приказчиком у кого-то, вскоре построит в центре этого Эткола двухэтажный кирпичный магазин и начнет торговлю красным товаром, завезенным сюда из обеих столиц России.

Сельчанину Новой Каргалы Белебеевского уезда Нигметзяну Еникиеву в момент переезда шел тридцать седьмой год. Пока он не имел здесь ни собственного жилья, ни своего торгового заведения, ни своей конторы. Жили они в нанятых на время домах. Правда, он подбирал для семьи добротные дома. И всегда имел в конюшне резвых коней. Нигметзян был пока занят посреднической торговлей – закупал в окрестных селах и хуторах шкуры и отправлял их или сам доставлял крупным заготовителям. Мечтал со

временем открыть свое собственное дело. Правда, в годы НЭПа эту мечту осуществил, но частично. С двумя компаньонами открыл он столовую при рынке. Но больших успехов не добились. Когда один из товарищей вышел из компании, дело развалилось. После этого Нигметзян более года был занят торговлей подержанной одеждой, которую привозил из Самарского оптового базара. Но для пятидесятилетнего человека это дело оказалось изнурительным. «Отца настоящим купцом здесь никто не считал, – пишет в своих воспоминаниях его сын. – Потому, что у него не было своего дома. А покупка дома была его главной мечтой. Дом мы купили позже... уже в смутное время. Видимо, кому-то необходимо было избавиться от лишнего добра... Дом стоял в середине главной улицы. Крыт был железом, имел два этажа. Туда мы въехали в начале июня 1918 г.»

По той же улице слева от них оказался дом самого богатого купца Давлеканова из татар – Бурхана абзый. Этот вытянутый вдоль улицы одноэтажный дом снаружи был неказистым. Но двор был просторный, с добротными сараями и амбарами из хороших бревен. «Во дворе бегал целый выводок нарядных, чистеньких ребятишек. На улице они не показывались, да и к себе никого не водили...». У соседей было трое ребят и пять девчонок. Правда, старший сын Галиулла тогда уже работал в конторе отца. А когда в поселке появились красные, он ушел с ними. Амирхан ага о дальнейшей судьбе детей соседа узнал поздно – уже после войны, встретив в Уфе соседа-одногодка Закарию.

В юности все сверстники и большинство знакомых, кроме родителей, звали Амирхана не удвоенным именем «правитель» (Амир + хан), а просто Амиром. После окончания местной семилетки часть его сверстников хо-

тели продолжить учебу в Уфе – в трех часах езды от Давлеканова на поезде. И родители Амирхана думали об этом же. Тем более что в том городе давно обосновались две младшие сестры отца: Рокья и Сорур. Муж Сорур, Шариф джизни, к тому времени был известным в Башкортостане человеком – работал в Народном комиссариате просвещения. Да и сама Сорур, учившаяся когда-то в Уфе и бывавшая в Петербурге, была не последним человеком в этом городе. Они иногда приезжали и в Давлеканово. Амирхан, чуточку повзрослев, гостил у них неделями. Но в последнюю поездку зимой 1924 г. почувствовал себя там стесненно. Отношение к нему со стороны родственников было прежним – его любили и уважали по-прежнему. Были рады его приезду и джизни (зять), и сестры отца, и особенно их дети – его племянники и племянницы. Но он чувствовал себя там неловко. Раньше семья Сорур тутакая (так звали младшими все женщины в селе Новая Каргала) жила более свободно и вольготно. Но после каких-то жизненных неурядиц Рокья вынуждена была переселиться со своими детьми в дом младшей сестры. Муж ее умер еще шесть-семь лет назад, почти в день свадьбы Сорур с Шарифом. Если бы Амирхан решил продолжить учебу в Уфе, то ему на какое-то время пришлось бы вселиться в эту тесноту. Он этого не хотел.

Вот как он сам описывает свое состояние: «Конечно, Уфа ближе и удобней для меня. Можно было остановиться у них, они же помогли бы устроиться куда-нибудь учиться. Думая об этом, я даже сумел выбраться среди лета под каким-то предлогом в Уфу. Там увидел, что джизни и Сорур тутакая опекают трех сирот Рокьи тутакая (впрочем, я знал об этом и раньше). Узнал, что из Каргалов к ним собирается приехать и Зулейха.

Если приеду еще и я, то нас наберется слишком много, для хозяев это будет чрезмерной нагрузкой – вот что я понял».

А возможно, главная причина заключалась даже не в этих неудобствах. Мог же он выбрать учебное заведение, где обещали бы ему место в общежитии. Но дело в том, что юношу давно манила радужная и далекая Казань. Город-мечта всех татар, разбросанных судьбой по всей России. Казань была для меня как бы святылицем, литературной Меккой, напишет он потом. Там жили и трудились корифеи татарской литературы Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов, Галиасгар Камал. Там издавались книги, печатались газеты и журналы на татарском языке. Там недавно жил и писал замечательные стихи всенародно любимый поэт Габдулла Тукай...

К счастью, именно в дни таких раздумий в руки Амирхана попадает газета из Казани с объявлением об открытии там нового учебного заведения – студии-школы по подготовке художников, скульпторов и архитекторов – «Архумас». Обещано было предоставление общежития и оплата стипендии. Амирхана обрадовало это объявление. Окрыленный, он сообщил родителям о своем желании поехать в Казань учиться. Мать боялась его куда-либо отпускать из дома – слишком молод. Только-только исполнилось шестнадцать лет. «Атакай же не боялся меня отпускать, потому что сам много ездил, видел всякие места. Но сначала и он сказал: «Лучше бы подождать годик...». Слезы, уговоры наконец-то сломили их сопротивление. Атакай сказал: «Ладно, сынок, поезжай, попытай свое счастье». Было условие – я должен найти себе попутчика».

Он долго уговаривал друзей поехать вместе в Казань. Но всех отпугивало то, что Казань находится

слишком далеко. Наконец, статью его попутчиком согласился Фатхельислам, в последние годы исполнявший обязанности пионервожатого в их школе. А зимними вечерами он подшивал людям валенки, подрабатывая себе и семье на хлеб. Он был года на три старше Амирхана. И был старшим сыном, почти основным кормильцем в семье после смерти отца в 1918 г. Они жили вдвоем с матерью недалеко от дома Еникиевых. Амира с Фатхельисламом сдружила любовь к литературе. Они оба читали запоем книги и журналы на родном языке, поступающие из Уфы и Казани. Фатхельислам тоже сумел уговорить мать, чтобы уехать учиться в Казань.

7 августа 1925 г. они вдвоем отправляются в дальнюю дорогу. Сначала на поезде добираются до Уфы. Переночевав в доме Сорур тутаяка, на следующий день с трудом достают билет на пароход, плывущий до Казани. В первую ночь устраиваются прямо на полу полутемного трюма двухпалубного малого парохода, курсирующего по Агидели. Но это их не смущает – дорога долгая, постепенно будут освобождаться и удобные лежаки, пока занятые дядьками и тетками с огромными багажами. На четвертый день они доберутся и до лучезарной в их воображении Казани.

Как описывает Амирхан Еники в автобиографическом произведении «Последняя книга» («Соңгы китап», 1987), после приезда в Казань он, как большой любитель литературы, стал посещать центральную национальную библиотеку в Старотатарской слободе. Он заочно знал многих писателей по их книгам и портретам. Однажды, увидев на улице в инвалидной коляске человека в пенсне, узнал в нем известного писателя, друга Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана. Коляску толкал какой-то маленький старичок. «О, аллах! Я замедлил шаги... Не сон ли

это? Я знал его произведения и видел портреты...», – напишет он об этой встрече. Потом еще раз встретит его в театре на повторной постановке первой татарской оперы «Сания» в январе 1926 г. А в апреле Фатих Амирхан покинет этот мир навсегда. В душе юного писателя останется чувство недовольства собой: «Ах, не посмел подойти к нему. Не поклонился...».

Естественно, юноша следил за известным писателем тогда только издали, не смея подойти поближе к корифею татарской литературы. Из современных, более-менее активных писателей он еще в Давлеканово выделил для себя имена поэта-бунтаря Хади Такташа, стихи которого он с увлечением читал в газетах и журналах. Эти современно звучащие стихи завораживали Амирхана. Книга поэта «Жир уллары трагедиясе...» («Трагедии сыновей земли...», 1923) лежала у него на столе. А сценическую трагедию бывшего молодого комиссара Гражданской войны и писателя Шамиля Усманова «Канлы көннәрдә» («Кровавые дни») молодежь Давлеканова поставила на сцене поселкового клуба. И Амирхан участвовал в этом спектакле, как и в большинстве других таких же постановок. Очень нравились ему и произведения молодых поэтов Кави Наджми и Аделя Кутуя. Их язвительные, с острым юмором стихи тоже хорошо запоминались.

А его главный кумир – Галимджан Ибрагимов – тоже, наверно, ходит по этим же улицам Казани. Они с Фатхельисламом со дня приезда в Казань мечтали встретить его и поглядеть хотя бы издали на большого мастера пера, автора обожаемого ими романа «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца») и множества великолепно написанных рассказов. А его известный роман «Безнең көннәр» («Наши дни») они с Фатхельисламом «проглотили» буквально перед самой по-

ездкой в Казань. Этот известный в татарском мире писатель и крупный общественный деятель, неоднократно встречавшийся с самим Лениным, был их земляком. Родное село писателя Султан-муратово находится всего-то километрах в тридцати пяти-сорока от их поселка Давлеканово. Стоит перейти воспетую в народных песнях и любимую ими реку Дему и с ближайшей вершины горы Ярыш-тау можно было бы разглядеть это большое село писателя. Приезжая на родину со стороны Уфы или Самары, Галимджан Ибрагимов всегда должен был сойти с поезда именно на их станции Давлеканово. О том, что он там останавливался раньше, имеются воспоминания современников. Маджит Гафури вспоминает, как они однажды встретились в буфете давлекановского вокзала. Об этом юноши читали. В тех же записях Маджит Гафури пишет, как они с группой товарищей часто приезжали на кумыс в село Курманкаево, находившееся за рекой Демой, прямо напротив Давлеканова. С ними несколько раз приезжал и поэт Сагит Рамиев, выходец из рода известных уральских золотопромышленников и правнук первого в этих краях официального ахуна Салима Рамиева... А кумысом близлежащие башкирские аулы славятся издавна!

В дни коротких в те годы отпусков из Уфы несколько раз приезжали и Сунчелеевы – любимые и почитаемые Амирханом джизни со своим братом-поэтом. Майский кумыс со свежей бараниной хорошо укрепляет истощенное тело городского жителя. А прозрачно-чистые воды Демы быстро освобождают организм от усталости. Конечно, Сунчелеевы сначала останавливались в Давлеканово у Еникиевых, два-три дня гостили у них. А вот с остальными знатными земляками Амирхану и его друзьям там встретиться не пришлось. Хотя они с ре-

бятами почти все лето и болтались на берегу той же Демы. И до противоположного берега не раз доплывали. И по улицам Курманкаево иногда приходилось пробегать. А вот известные писатели, приезжавшие туда попить кумыс, почему-то им не попадались. И Галимджан Ибрагимов, наверное, в эти сложные годы совсем на родину не ездил. Он, наверное, по государственным делам сейчас бывает только в Москве и Казани. В последние годы его приезд в Давлеканово не мог бы остаться незамеченным.

Но Амирхану пока не везло и здесь – в Казани. Живя в самом центре города, в общежитии школы «Архумас», ему еще ни разу не довелось увидеть своего знаменитого земляка. По имеющимся многочисленным фотографиям он его наверняка узнал бы издалека. И бывая в библиотеке «Шәрәкь китапханәсе» на улице Тукаевской, напротив медресе «Мухаммадия», он ко всем лицам присматривался, но знакомых лиц не замечал. Только в начале зимы друзья узнали, что писатели вечером каждой пятницы, оказывается, встречаются в Коммунистическом клубе, недалеко от их общежития. В ближайшую пятницу, в конце ноября, Амирхан с Фатхельисламом и с новым другом Муртазой Абдуллиным, земляком из Башкортостана, впервые попали туда, где встречались литераторы всех возрастов для коллективного чтения и обсуждения своих произведений и для ведения бесед о текущих делах...

К слову, с Муртазой, со скрипачом-любителем и будущим ведущим художником театра им. Г.Камала, Амирхан ага будет дружить до внешней его кончины летом 1946 г. И с Фатхельисламом они останутся неразлучными друзьями до конца его жизни – до шестидесятих годов. Комсомолец Фатхельислам Хакимов после успешного окончания Архумаса,

преобразованного в 1926 г. в художественно-педагогический техникум, закончит еще институт, защитит кандидатскую диссертацию. Перед самой войной его назначат ректором родного Казанского института инженеров коммунального хозяйства. А после войны этот институт начнет готовить инженеров-строителей и архитекторов. Под руководством Фатхельислама построят для этого института новые учебные корпуса на улице Зеленой.

Вспоминая друга юности, Амирхан ага пишет: «Сын грузчика, выросший сиротой, он был способным и развитым юношей. С детства любил читать, хорошо учился. Проявил себя трудолюбивым человеком... Наша с ним дружба не прерывалась... » А если и прерывалась, то только в годы отъезда А.Еники из Казани перед войной, или в годы войны, когда оба они воевали на разных участках фронта. А с пятидесятых годов их семьи жили на улице Достоевского, недалеко друг от друга.

Хочется еще кое-что добавить в связи с институтом инженеров коммунального хозяйства. Адель Кутуй в начале тридцатых годов был в опале после причисления его к то ли существовавшей, то ли несуществовавшей, признанной буржуазно-националистической организации «Джидеган». (Джиде означает семь. Но имя седьмого из этой якобы семерки до сих пор не обозначено.) Хотя его стихи, рассказы и статьи все еще печатались на страницах газет, брать его на штатную должность боялись. Он остался безработным. И тогда его приняли в этот институт преподавателем татарского языка. Одновременно он там числился еще секретарем какой-то комиссии...

Об этом иногда с горечью рассказывал нам Амирхан абый. И при этом напоминал, что в те годы оба они, как

происходившие из купеческой среды, подвергались таким, особо не заметным гонениям...

3

В Коммунистическом клубе (так тогда называли здание бывшего Дворянского собрания на площади Свободы) они действительно встретили многих писателей – заочно им знакомых и незнакомых вовсе. «Настоящие писатели» и любители художественной словесности ведут себя там свободно, галдят, туда-сюда ходят. Сначала один за одним встают и читают свои шедевры. А потом начинают между собой громогласно спорить, обсуждая их. Через месяца два и молодой Амирхан сближается с этой средой. «Вскоре я уже хорошо знал в лицо и Такташа, и Кутуя, и Кави Наджми, и Гумера Гали, и Хасана Туфана, и Тулумбайского, слышал их речи. Этих знаменитостей запомнить было нетрудно. Кроме них, немало было там молодежи, неизвестной пока читателю. Мне в первую очередь предстояло познакомиться с ними... Писателей более солидных, вроде Шамиля Усманова, Фатхи Бурнаша, Карима Амири, я здесь не встречал. Галимджан Ибрагимов, Фатих Сайфи-Казанлы, Карим Тинчурин тоже не показывались в комклубе ни разу... Мне нравился дух равенства в этом клубе».

Каждое заседание начиналось с чтения чьей-либо рукописи... «Поддавшись обаянию вольнодумия, я однажды тоже поднял руку, прося слова. Была у меня одна вещица, которую я начал писать в Даулякане, а закончил в Казани... Мне позволили говорить... Я встал и, держа рукопись в дрожащих руках, принялся быстро читать... Когда я закончил, все молчали... Только писатель Гумер Гали сказал: «Отдай-ка, братец, эти свои листочки мне». Я отдал, даже не подозревая, что он ра-

ботаает в журнале «Безнец юл»... Спусти какое-то время этот мой рассказ, сокращенный наполовину, был опубликован в мартовском номере журнала. Для меня это явилось полнейшей неожиданностью... Первый мой шаг, надо признаться, оказался самым легким. Дальше такое уж не повторилось ни разу... ».

* * *

Тяга к литературе жила в нем с детства. К тому были и свои причины. Мать – родом из семьи потомственных мулл. Естественно, в ее личном узелке, кроме чуточку потрепанного Корана в сафьяновой обложке, имелись еще кое-какие старинные книжки. А отец, средней руки купец уездного масштаба, тоже хотел, чтобы сыновья Амирхан и Илдархан выросли образованными. И часто из дальних поездок привозил детям в подарок книжечки. Поэтому Амирхан и его младший брат с детства прирастали к чтению. А папина сестра Сорур тутакэй, проучившись несколько лет в городе, вернулась в родное село Новую Каргалу учительницей земской школы, открытой в селе в конце XIX века. Правда, в то время семьи старшего Еникиева там уже не было, они к этому времени перебрались в станционный поселок Давлеканово, что находится в сорока километрах от их родного гнезда. А через год, в начале бурного 1917 г., Сорур вышла замуж за учителя той же школы Шарифа Сунчелеева – старшего брата известного к тому времени поэта Сагита Сунчелея. Сунчелеевы были родом из Саратовской губернии. До этого Шариф учился в Казани, в известной Учительской школе. Эта школа готовила учителей русского языка и литературы для национальных школ и медресе. Принимались туда четырнадцатипятилетние парни после успешного оконча-

ния средней ступени медресе. Начиная с восьмидесятых годов XIX века школа выпустила сотни учителей. Там учились многие видные деятели татарской литературы и культуры: Гаяз Исхаки, Садри Максуди, Фоат Туктаров, Шакир Мухамедьяров, Хусаин Ямашев, организатор первого татарского театра «Сайяр» Ильясбек Кудашев-Ашкадарский, Габдурахман Давлетшин-Хусаинов (в советские годы непризнанный писатель и издатель-меценат) – все являлись выпускниками этого передового колледжа. А младший брат Шарифа, поэт Сагит Сунчелей, считался близким другом и почитателем Г.Тукая. Братья Сунчелеевы увлекательно рассказывали о Казани, о своих встречах там со знаменитыми людьми.

Амирхан первоначально стеснялся общаться с новыми родственниками, потом привык к ним. В первые годы Сунчелеевы часто ездили в Давлеканово. Да и сами Еникиевы не забывали их. А с конца осени 1918 г., когда шли тяжелые бои между красными и белыми в районе Давлеканово, семья Еникиевых провела почти год в Уфе.

И до этого им во время боев дважды приходилось уезжать в дальние села, подальше от Давлеканова, оставив дом под присмотром родственницы отца Зейнаб с мужем. После того как белые однажды забрали у Нигметзяна любимого им жеребца, они с соседями решили в другой раз уехать еще дальше – в город за девяносто километров. Полагали, что в большом городе жить во время боев будет безопаснее. Таким образом, три соседние семьи – Бурхана абзый, мясника Гали и Нигметзяна, услышав осенью 1918 г. вдали первые залпы орудий, погнали свои повозки в сторону Уфы. И решили там подождать до окончательной победы одной из воюющих сторон. Осенью 1919 г., после трехкратного отступления, оконча-

тельную победу в окрестностях Уфы одержали красные.

Сначала Еникиевы недели две жили в уютном, но тесном доме нового зятя. А потом, при содействии Шарифа джизни, перебрались во временно пустующий дом известного общественного деятеля, бывшего депутата Государственной Думы Селимгирея Джантюрина. Потомок казахских ханов, он, как и Еникиевы, входил в дворянское общество Белебеевского уезда. С мурзой Нигметзяном они были немного знакомы – встречались на годовых дворянских собраниях. Встретившись в Уфе, его семье он разрешает временно жить в своем доме. Издали заметный двухэтажный дом его пока присматривали охранник Хайрутдин абзый и его семья. Они жили на первом, кирпичном этаже дома. Еникиевы устроились на втором, бревенчатом этаже с широким балконом. Большой зал пустовал. Семья самого мурзы проживала в это время недалеко от Уфы, в селе Килем, в своей усадьбе. Девятилетнему Амирхану этот дом запомнился только тем, что он был расположен на окраине, дальше от центра и от дома Сорур тутакая, ниже по склону тогдашней улицы Спасской. Недалеко, на пригорке, виднелась кафедральная мечеть на Тукаевской, называемая новыми соседями «мечетью муфтията». Протяжный азан муэдзина мечети был слышен издалека. Обычно по утрам голос муэдзина особенно приятно воспринимало ухо Амирхана. Он чувствовал себя летящим куда-то ввысь, как будто поднимался к какой-то заветной мечте. Обычно отец по утрам их для совершения намаза не будил. Пусть, мол, поспят немного...

Недалеко от этого добротного, окрашенного голубой краской дома мурзы Джантюрина находился обрывистый берег реки Агидель, куда братьям Еникиевым ходить одним не

разрешалось. Амирхан помнил только, как они всей семьей наблюдали ледоход на Агидели. Тогда весь берег был усыпан нарядно одетыми людьми с близлежащих улиц.

Юноша Амирхан и после этого случая бывал в Уфе, в гостях у старших Сунчелеевых. И первые стихотворные строки сочинил после одного такого их посещения в Уфе. Стихи были написаны по случаю смерти В.И.Ленина.

Это событие он описывает так: «Сорур тутакай и Шариф джизни пошли в кино. Мы, дети, остались дома. Но вскоре взволнованная Сорур тутакай возвращается домой и сообщает: «Дети, умер Ленин!..». На младших детей это сообщение почти не произвело впечатления. Он же, самый старший из всех, выслушал эту неожиданную весть с полным пониманием. «Надо сказать, имя Ленина было у всех на устах... Это большая утрата – вот, пожалуй, и все, что мы могли понять в эту минуту... Вскоре я вернулся в Даулякан... пошел в школу... Газеты пестрели статьями о Ленине... и стихами... В каждой школе был организован «Ленинский уголок», дети сами украшали его... И в нашей школе стихи сочинили и Мухаметгали, и Фатхельислам, а глядя на них – и я. Ведь я в ту пору был просто одержим творчеством, мог ли я не сочинить что-нибудь... Узнав о стихах товарищей, я тоже взялся за перо. Что получилось в результате моих стараний – теперь сказать трудно. Стихи не сохранились, даже название не удержалось в памяти... Эти стихи были первым моим литературным опытом...» («Страницы прошлого», перевод А.Бадюгиной.)

«До сих пор я еще ни разу не упоминал, что писательскую деятельность начал со стихов... Их было мало, и я рано понял, что поэт из меня никудышный. Примерно в это же вре-

мя отправил несколько своих стихов в журнал «Кечкенә иптәшләр», в Москву (возможно, и стихи о Ленине тоже). Если вы полистаете номера этого журнала за 1924–1925 гг., то в конце последней страницы одного из номеров найдете такую запись: Товарищу Амирхану Яникаефу. Хотя мысли у Вас есть, стихи все же серые и беспомощные...».

В те годы он много читал. Уже мечтал, что станет писателем... Серьезно увлекался творчеством. Дома, в углу, у него был свой столик, на нем лежала небольшая стопка книг. «Я каждый день садился за стол и пытался сочинять... Стихи у меня не получались. Для рассказов не находил темы. Не сочинить ли пьесу? Я представлял себе, как на заборах Даулякана появятся афиши с моим именем... Ого! К такой новости даже Хажар не сможет остаться равнодушной...».

Правда, и раньше его имя уже появлялось на заборах. Но тогда это были проделки друзей или недругов, сразу и не узнаешь, чьи усилия были больше – друзей или недругов. Но время от времени ему по вечерам приходилось уничтожать записи Амир+ Хажар или Хажар + Амир на заборах... Друзья знали, что он по уши влюблен в эту стройную, строгую, черноглазую девушку. Она редко появлялась на людях, мало общалась со сверстниками...

«Да, литература лишь усиливает тоску по любви... Я был влюблен в юную соседку Хажар... Любовь пробуждается в человеке раньше прочих чувств...». Он уже не прежний тощий мальчишка, каким был в год их совместной поездки в Уфу во время боев между белыми и красными. Стал плотнее, раздался в плечах, на лице играет румянец. И одет неплохо – на нем пиджак с бархатными отворотами, привезенный им с отцом из Самары... Учась в светской советской

школе, стал активнее участвовать в различных школьных мероприятиях и даже посещать местный клуб... Но Хажар на такие мероприятия почти не ходит. Видимо, строгий отец, а может быть, мачеха, не выпускают ее из дома. Но и при случайных встречах она старается не смотреть на Амирхана. Намного позже понял: не нравилась ей от того, что был влюблен!..».

Амирхану в ту пору было шестнадцать лет... В том же году они с Фатхельисламом уехали учиться в Казань... Он и там не переставал думать о Хажар. Он надеялся, что учеба в Казани должна была поднять его в ее глазах. Правда, в первый год ему пришлось бросить учебу и устроиться на работу посыльным в книжный магазин. Амирхан, как и другие ребята, а их было чуть более двадцати, успешно выполнил задачу по рисованию, прошел собеседование, поступил в студию-школу живописи, ваяния и архитектуры – Архумас. Но к концу октября вынужден был покинуть это учебное заведение. Из всей группы поступивших только ему тогда отказали выплачивать стипендию как сыну обеспеченных родителей. Он честно написал тогда в анкете, что отец занят торговыми делами, его семья принадлежит к сословию купцов. Но то было лишь начало, первое звено в цепи горестных испытаний.

В начальные годы НЭПа такие признания были еще обычным явлением. Выходцы из семей зажиточных крестьян и религиозных деятелей тогда еще не скрывали своего происхождения. Только со второй половины двадцатых годов, когда стали преследовать выходцев из этих сословий, люди станут скрывать свое происхождение. Начало такого тотального преследования Амирхан Еники относит к 1927–1928 гг.

«Я работал курьером в книжном магазине... Зато в «Безнең юл» был напе-

чтан мой первый рассказ... Сочинение слабое, зато сам журнал солидный, на его страницах печатались известные писатели тех лет... Летом следующего года я в новых брюках, новых ботинках приехал в Даулякан...».

Этим летом местная активная молодежь и учащиеся различных учебных заведений Казани и Уфы, приехавшие на каникулы, в поселковом клубе ставили спектакли, устраивали концерты. Вместе с Амирханом и Фатхельисламом из Казани приехал и Хабибрахман, студент медицинского факультета Казанского университета. Его старший брат Габдурахман преподавал им в школе татарскую литературу. Был любимым учителем обоих его спутников... Их отец, Гатаулла абзый, был из тех лапотников, которые в молодости приехали сюда полуголодными и стали здесь порядочными купцами. Он был родом из села Чиканас Арского уезда Казанской губернии...

И по подсказке земляка-студента они в тот раз из Казани в Давлеканово приехали намного быстрее, чем туда ехали. На поезде сначала поехали в сторону запада – до станции Рузаевки, и оттуда напрямик домой... Хабибрахман тоже был на три года старше Амирхана. Но после этой совместной поездки они также дружили до конца дней Хабибрахмана, умершего на несколько лет раньше своего земляка-писателя. Правда, неразлучными друзьями быть им не пришлось. Встречались они изредка. По окончании университета Хабибрахман до войны жил и работал в Крыму. В одно время, когда в Крыму лечился Галимджан Ибрагимов, был главным врачом одного из известных санаториев «Горное солнце». Всячески старался помочь больному писателю, и в этом элитном санатории он дважды лечил своего знаменитого земляка. Когда его друзья-земляки – Амирхан с Фатхельисламом – воевали на фрон-

те, он руководил военным госпиталем для пленных немцев, расположенным недалеко от г.Казани. После войны оказался в Подмосковье – долгое время возглавлял один из санаториев, обслуживающих партийных деятелей столицы.

В середине шестидесятых годов по поручению Амирхана ага Еники и мне, автору этих строк, пришлось бывать в доме Хабибрахмана абзый и его жены, крымчанки «Сара тутакай», в городе Звенигороде. В первый раз я отвозил им связку дневниковых тетрадей сестры Хабибрахмана, которые оченьгодились Амирхану ага при написании романа о Салихе Сайдашеве. Конечно, автор дневника не являлась прототипом Гуляндям. Но по ее записям можно было воспроизвести восприятие юной девушкой событий тех лет...

Во второй раз я, по пути в подмосковный Дом творчества писателей, заносил им только что изданную книгу Амирхана ага.

4

Вспоминается и такой эпизод, рассказанный Амирханом Еники молодым писателям в шестидесятых годах. И во второй приезд в Казань в августе 1926 г. Амирхану и Фатхельисламу не удалось близко пообщаться с Галимджаном Ибрагимовым. В то время он руководил Академическим центром при Народном комиссариате просвещения. Они увидели его дважды только издаലെка как участники каких-то мероприятий, сидя на галерке. Один такой случай произошел в большом зале здания, в котором находились и учебные классы татрабфака. Второй – в здании современного ТЮЗа на улице Островского. В обоих случаях Галимджан Ибрагимов сидел на сцене в окружении солидных, хорошо одетых людей и всегда рядом с их кумиром

сидел второй известный их земляк-писатель, народный комиссар просвещения Шагит Ахмадиев, ранее учившийся с Галимджаном в Уфимском медресе «Галия».

Это по их инициативе в двадцатых годах в Казани было открыто так много национальных учебных заведений. И по этой причине со всех концов страны татарская молодежь хлынула в Казань. Из этой когорты «молодых и отчаянных» вышли потом многие известные ученые: химик Гильм Камай, математик Хамид Муштари, а также более двух десятков блестящих поэтов и прозаиков, таких как Муса Джалиль и Асгат Айдар из далекого Оренбуржья, и будущий композитор Джаудат Файзи, родом из Оренбурга, который начал свой творческий путь в Казани как поэт. В Казани училась в те годы и большая группа башкортостанцев, ставших потом известными писателями: Мирсай Амир, Фатих Карим, Амирхан Еники, Гази Кашшаф. И Сагит Агиш, года полтора околачивавшийся здесь, потом стал ведущим башкирским писателем в Уфе. А юноша из Астрахани Габдурахман Аллахбирдеев, студент театрального техникума, станет скоро ближайшим другом Аделя Кутуя и его друзей. И под псевдонимом Габдурахмана Минского появится множество его статей и рассказов в молодежной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Авыл яшьләре». Конечно же, много пишущей молодежи появится и из Казанской губернии. И самым ухватистым и активным из них окажется Фатих Хусни, в последующем близкий друг и коллега Амирхана Еники. Но в двадцатые годы они еще мало знали друг друга. Фатих Хусни тогда еще увлекался поэзией и писал созвучные времени индустриализации поэмы типа «Любовь среди машинного гула»...

Имена этих молодых людей замелькали на страницах газет и жур-

налов. Многие из них легко и смело вошли в татарскую литературу. «Конечно, они были талантливыми, но кроме таланта обладали, очевидно, старательностью и уверенностью в собственных силах... Существует и такое понятие, как везение...».

Амирхан в эти годы более всего увлекался поэтически возвышенной прозой, именуемой в официальной науке «поэтической прозой», или по-татарски – «насером». Вспоминая эти годы, он напишет: «Писал мало, печатался редко... И были это в основном мелкие вещицы... поэтически возвышенные. Это, по-видимому, объяснялось моей молодостью. Таких произведений я раньше много читал в журнале «Аң»³... Из моих вещей кое-что было напечатано в молодежной газете «Кызыл яшьләр» и в журнале «Безнең юл». Однако сочинения мои прошли (тогда) никем не замеченными. И в большом журнале их приняли, скорее всего, за «гладкий язык». «Языком ты владеешь», говорили мне».

5

В то лето 1926 г. молодежь Давлеканова с концертами и жаркими комсомольскими речами выступала и в окрестных селах. В эти села они выезжали часто. Там тоже им всем было интересно и весело. Местная молодежь встречала их с радостью. Амирхан почти во всех этих мероприятиях участвовал. Но около полумесяца провел у родственников – в семье двух родных братьев отца в селе Новая Каргала.

Приближалась осень. Амирхан еще раз хотел попытаться счастья в Казани. Правда, перед отъездом из Казани, весной, он получил на работе расчет, и сейчас его никто там не ждал. «Но я рвусь в Казань, без нее не мыслю теперь своей жизни. Меня тащит туда

моя судьба, чтобы до конца испил чашу страданий... Есть у меня, разумеется, и цель, в этом году я непременно должен поступить куда-нибудь учиться... И литературное мое будущее там... Я не собирался расставаться с этой мечтой. Но ведь без знаний и писать невозможно...

На этот раз из Давлеканова в Казань поехала большая группа молодежи – человек десять. Кто-то намеревался поступать на татрабфак, кто-то – в педтехникум. Кое-кому сразу же не повезло, они уехали обратно домой. Всех, кто остался в Казани, я хорошо знал. Мы все учились вместе в школе, вместе проводили вечера. Один только Казак Усман держался особняком». (Прозвище казак этот Усман получил, видимо, по причине происхождения из казачьего сословия. Когда-то входивших в это сословие башкир и татар было много в Башкортостане. Некоторые из них таким своим происхождением даже кичились. Амирхан ага о происхождении своего земляка не сообщает.)

Усман был старше своих земляков. Считался одним из старых комсомольцев поселка. И по своему положению, видимо, считал себя старшим. А потому относился к остальным чуть-чуть свысока... Мы мало знали друг о друге. Чутье подсказывало, что он недолюбливает меня... В Казани он поступил в совпартшколу. Он, являясь комсомольцем Даулякана, возможно, имел путевку туда...».

В те годы комсомольцам и лицам, имеющим правильное социальное происхождение, поступить на учебу было легче.

Амирхан Еникиев в этот приезд решил поступать на госрабфак при Казанском университете. Большинство же ребят выбрали татрабфак или педтехникум. Во всех этих учебных заведениях имелись общежития, обещали выплачивать стипендию. На этот раз

на руках Амирхана была справка о том, что отец его работает кустарем-одиночкой, по происхождению они – из деревни, из крестьянского рода.

И Амирхана сразу же принимают на госрабфак Казанского университета, куда он и хотел поступить. При выборе этого учебного заведения он, наверное, послушался совета своего старшего друга Хабибрахмана, студента университета. Госрабфаковцы обучались также в аудиториях университета. И это положение устраивало будущего корифея татарской литературы. Жили они недалеко от учебного заведения – в общежитии на улице Островского. И стипендию получали своевременно.

Единственное затруднение Амирхан испытывал от того, что большинство преподавателей вели здесь занятия на русском языке. А он ведь закончил татарскую школу. И дома, и с ребятами в поселке в основном разговаривали на родном языке. Но устраивало то, что преподаватели были здесь отменные, с большим преподавательским опытом. Они терпеливо и подробно старались объяснить уроки собранным со всех краев юным рабфаковцам. Откуда только ни приехали в Казань... татары и мишари: из Сибири, Оренбурга, Астрахани, Саратова, из Симбирска, Пензы... Много было земляков из Башкортостана, напишет он после, имея в виду учащихся всех средних учебных заведений Казани, включая и недавно открытый Татарский театральный техникум. Известно, что в те же годы из Ташкента приехал и двадцатилетний будущий композитор Латиф Хамиди. Он намеревался поступать в недавно открытый (преобразованный) Восточный музыкальный техникум. Но тогда его туда не приняли. Позднее он напишет, что среди преподавателей этого специально открытого для подготовки национальных кадров техникума не было

еще специалистов по подготовке национальных музыкантов.

Многие из приехавших в Казань также мечтали стать литераторами. «Дерзкие, независимые», они и в литературной жизни участвовали активно. На татрабфаке и в педтехникуме часто устраивались литературные вечера. Из бывших учащихся средних учебных заведений тех лет вышли известнейшие писатели: Муса Джалиль, Фатих Карим, Афзал Шамов, Риза Ишмуратов, Мирсай Амир, Фатих Хусни, Абдулла Алиш, Габдурахман Минский, Демьян Фатхи, Абдулла (Вил) Уразаев (после окончания татрабфака направленный на работу в Узбекистан, где он как автор и переводчик активно пропагандировал там татарскую литературу) и др. А «Мирсай Амир не ограничился сочинением рассказов. Вскоре с жаром включился в литературные дискуссии...».

Большинство литературных вечеров проходило в Большом актовом зале в здании татрабфака, на углу современных улиц Кремлевской и Лобачевского (современное здание филиала Академии наук Российской Федерации). Почти на каждом вечере присутствовали и выступали Х.Такташ, А.Кутуй, Х.Туфан, К.Наджми, а иногда и писатели старшего поколения: Фатхи Бурнаш, Фатих Сайфи-Казанлы и др. Часто посещают эти вечера и бойкие, любящие спорить не только по политическим, но и по литературным вопросам слушатели Коммунистического университета.

В месяц несколько раз проходили заседания кружка молодых писателей. И эти заседания часто посещают и опытные писатели, в том числе и неразлучная четверка такташевцев. Завсегдатаем этого кружка, а возможно, и организатором был учитель татарской литературы в одном из техникумов и известный тогда лите-

ратурный критик Хайрутдин Валиев. На заседаниях этого кружка Амирхан Еники сближается и с некоторыми будущими известными писателями. Только что приехавшие из различных мест Башкортостана Мирсай Амир и Фатих Карим активно включились тогда в литературную жизнь молодежи. Не менее активным был и Сагит Агиш, после нескольких лет обучения в оренбургском медресе «Хусаиния» и созданном на основе этого медресе Институте народного просвещения, прибывший в Казань попытаться счастья. И непоседа поэт Демьян Фатхи, после трех лет учебы в Самарском педагогическом техникуме, решивший продолжить образование на здешнем татрабфаке...

6

В Казани Амирхан окупился в жизнь студенческой молодежи.

Среди учившихся на госрабфаке и в самом университете, а также среди учащихся других учебных заведений были, конечно, и девочки. В достаточной степени бойкие, смелые из них участвовали и в литературных вечерах. А некоторые из них даже увлекались литературным творчеством. Зайнаб Баширова, например, поступившая на тот же госрабфак чуть раньше Амирхана, уже славилась хорошей поэтессой, выпустила сборник стихов, была своим человеком в окружении Такташа и Кутуя.

Да, занятия на госрабфаке занимали очень много времени. Он не любил и не желал отставать от других. Но пока у него не ладилось и с русской речью. Большинство его сокурсников оказались более подготовленными к учебе в этом учебном заведении. Многие мечтали сразу же поступить в университет, стать учеными или преподавателями. У Амирхана же такой мечты не было. У него перед глазами

маячили только известные мастера пера. Он мечтал пойти по их стопам. Написать какое-либо крупное, интересное произведение. Но как приступить к этому делу – он пока не знал. У него не было еще достаточных знаний и жизненного опыта.

Осуществлению этой мечты пока мешала и напряженная учеба. «Мои литературные успехи были скромными... Мешала и учеба. Занятий было много, учиться нелегко, а требования высокие... Мне никак нельзя было отставать в учебе...». Хорошо еще, что рядом был старший, более опытный в учебе товарищ. До поступления в университет Хабибрахман две зимы жил в уездном городе Белебеев и закончил там среднюю школу. Да и в университете уже две зимы проучился. В случае необходимости он всегда был готов прийти на помощь. Но Амирхан, из-за своей скромности и стеснительности, и из желания быть самостоятельным, к другу обращался очень редко.

7

Еще с начала лета 1927 г. у Амирхана было беспокойно на душе. Перед самым окончанием первого курса ему подсунули записку с угрозами, что его разоблачат обязательно. Записка была без подписи, но он догадался, что это дело рук Усмана Казака. Изредка встречаясь в городе, он всегда настороженно глядел на него, был недружелюбен. Правда, по отношению к Амирхану он, вроде бы, открыто особой враждебности не проявлял. Как всегда, среди ребят держался гордо, был высокомерен... Наверное, считал себя проводником новой жизни, идейным последователем революционных преобразований. «Да, революция продолжала наступление на старый мир... Ее цель состояла в том, чтобы путем уничтожения сословных классов построить новую жизнь... Я боялся ра-

зоблачений. Я ждал, что слушатель совпартшколы Усман когда-нибудь продемонстрирует свою «классовую бдительность». Прежде всего это касалось моего происхождения...», – напишет об этом периоде своей жизни Амирхан ага.

В те годы и дома, в Давлеканово, об этих изменениях в укладе жизни часто шли разговоры. Хотя большинство их сородичей были «мурзами в лаптях», обычными крестьянами, но и они пришли в уныние от того, что сословных людей повсюду унижали. Были случаи, когда членов Белебеевского дворянского собрания, то есть таких же мурз, как и Еникиевы, всенародно посрамляли. Известные мурзы Сыртлановы, например, подверглись тогда таким гонениям. А во второй половине двадцатых годов стали усиленно преследовать и купцов разных мастей, вплоть до хозяев маленьких лавчонок, обслуживаемых самими же содержателями.

Да, в те годы и Амирхана, только-только вступавшего во взрослую жизнь, терзали такого рода сомнения. Он боялся преследований, ждал, что его могут наказать по поводу его социального происхождения. Видимо, юное его воображение воспринимало происходящее вокруг таким образом. Он был чуточку мнительным, постоянно сомневающимся человеком. А можно сказать – и свехосторожным по натуре. Помню, осенью 1970 г. Союз писателей СССР выделил несколько путевок и нашим писателям для туристической поездки в Турцию. Обзвонили ведущих писателей, составили небольшой список желающих поехать, согласовали этот список с отделом культуры обкома КПСС и с другими организациями. В этот список был включен и Амирхан Еники. Он дал согласие, представил необходимые документы. Представленные заявления и документы уже были

заверены. И вдруг, перед самым отъездом, от поездки отказался Амирхан ага. Тогда он мне, готовившему эти документы, сообщил, что боится провокации. «До этого еще никого из татар в Турцию не выпускали. Здесь что-то неладно, наверное. Не будут ли они потом нас упрекать как националистов...». Примерно так он объяснил свой отказ. Аяз Гилязов, Хасан Сарьян и еще кто-то с удовольствием туда съездили тогда. Да, Амирхан ага был с юношеских лет очень и очень осторожным человеком...

Вернемся, однако, в двадцатые годы.

Вот как Амирхан ага вспоминает те времена: «Как правило, все начиналось с доносов... Чтобы выгнали с учебы, вполне достаточно было написать о ком-то, что он сын муллы или торговца. Проверкой никто себя не утруждал... В доносе можно было написать что угодно... А если навалилась на тебя такая беда, то уж никто тебе не поможет...».

Вскоре один из знакомых по школе парней сообщил ему, что Усман и его друзья готовят на Амира донос – собирают подписи...

Он насторожился. Дни каникул 1927 г. у Амирхана прошли вот с такими тревожными мыслями. Он знал, что в учебных заведениях Казани было уже несколько случаев исключения учащихся по таким доносам.

Обуреваемый такими сомнениями, он решает уехать из Давлеканова раньше других своих друзей...

В Казани Амирхан принимает окончательное решение: лучше уйти с госрабфака самому, пока не прогнали с позором. «Желание учиться во мне не угасло. И возраст позволял надеяться, что смогу еще поступить куда-нибудь. Необходимо было изменить социальное положение – устроиться на работу». К этой мысли его подтолкнули, конечно, и следующие события. Появились вербовщики, призыва-

ющие поехать учителями в Среднюю Азию. Амирхану сообщил об этом его знакомый Джалай. Он был готов туда поехать учительствовать. И его уговаривал поехать с ним. Сначала Амирхан сомневался – примут ли их, недоучек, учителями? Посетив комиссариат просвещения, убедились: примут. Оказывается, кроме Средней Азии и в других местах была такая же потребность.

Таким образом, Амирхан и Джалай в конце августа того же года оказались в Донбассе. Амирхана назначают учителем ликбеза в Буденновском шахтном управлении, где работало много выходцев из татар, не имеющих достаточного образования. А Джалай был направлен на другую шахту с такими же целями. Секретарем партийной организации в Буденновке оказался тоже их земляк – мишарин Шакиров. И с его помощью Амирхан легко приступил к своим обязанностям по ликвидации неграмотности среди шахтеров. Его устроили в одну украинскую семью на квартиру. Для занятий в трех шахтах этого управления отвели учебные комнаты и составили списки будущих учеников. «Учениками» Амирхана были в основном сезонные рабочие, только что приехавшие на заработки. Шахтеры трудились посменно, расписание учебы было подогнано под распорядок дня их работы. С утра он занимался с теми, кому надо было идти во вторую смену, а к концу дня – с освободившимися от первой смены. На каждой шахте вел занятия два дня в неделю. И времени для отдыха оставалось предостаточно. Здесь он заметно окреп и повзрослел. Был чуть выше среднего роста и крепкого, мускулистого телосложения. Поэтому казался старше своих восемнадцати лет. Благодаря начитанности был признан настоящим учителем. Это он чувствовал всем

своим нутром. Многие его уважали. Иногда, в дни каких-либо праздников или семейных торжеств, приглашали и в гости. Люди, приехавшие на заработки временно, с руководством не вступали ни в какие конфликты, воздерживались от употребления спиртных напитков. Амирхан эти различия в поведении приезжих и местных заметил в первые же месяцы проживания в шахтерском поселке.

«Жизнь моя устроилась вполне благополучно. Старшие звали меня «мугаллимом». Поездка в Донбасс была для меня во всех отношениях полезна. Впервые за эти годы я чувствовал себя спокойно. Моим происхождением никто не интересовался. И моя вечная стеснительность при общении со здешними людьми вроде бы чуточку отступила».

После окончания сезона его провожали домой дружно, тепло. И украинская семья, где он провел полгода, и сослуживцы несколько раз повторяли: «Приезжай еще... Осенью обязательно приезжай». Эти слова тоже придавали уверенности в себе.

Естественно, и материальное положение было у Амирхана более чем удовлетворительное. «Платили мне за часы и к концу месяца набегало рублей 90–100». Проживание в частной квартире с питанием в месяц стоило 25 рублей. Год тому назад учащиеся Архумаса получали 9 рублей стипендии, а он, работая курьером в магазине, – около 20 рублей. Действительно, зарплата шахтеров соответствовала их тяжелой работе. В те же годы в Донбассе, только на другой шахте, работал и будущий писатель Наби Даули. Он рассказывал, что в первые месяцы после полочки от радости они раскладывали пяти- или десятирублевыми купюрами полы в комнатах общежития и считали шагами, у кого сколько квадратных метров заработка получилось.

От этой поездки Амирхан получил большое удовольствие. В конце мая 1928 г., после отъезда «сезонных шахтеров» с работы, он вернулся в Давлеканово с богатыми подарками и с достаточной суммой денег, оставшихся после покупки себе обновки. И самое главное – с определенным опытом учителя. До войны этот опыт он использовал еще дважды: в Казани на курсах по переподготовке рабочих и в Узбекистане в школе.

Да, вернулся он из Донбасса с некоторой уверенностью в себе, в своих возможностях.

8

Дома его ждали с нетерпением. На этот раз он был от дома настолько далеко, что даже Нигметзян атакай плохо представлял, где он находился. Ехал он домой, пересаживаясь с поезда на поезд дважды – в Пензе и Самаре. Несколько дней Бибихадича анакай не отходила от него – потчевала и любимыми им блинами, и бялешами, и различными пирогами. Во дворе дома паслась корова, кудахтали куры, по вечерам стройным отрядом возвращались из поймы Демы гуси, обещая лакомые куски гусятины на зиму... Эта живность и небольшой заработок Нигметзяна были тогда достатком семьи. Илдархан пока учился. Нигметзян продолжал мастерить в своем сарайчике небольшие поделки – подставки для сковородок, кастрюлей и других надобностей. Кто их покупал, как отец ими распоряжался – Амирхан таких вопросов ему не задавал. Боялся растрогать «атакаю».

Он несколько дней неотлучно находился дома. Большинство друзей еще не приехали – до начала каникул было более полумесяца. А потому откладывались и шумные вечерние прогулки на лодках по Деме. Обычно мальчишки и девчонки, расположив-

шись на нескольких лодках, почти до полной темноты бороздили по этой реке вниз и вверх, распевая песни хором. Почти в каждой лодочке бывал и гармонист. Амирхану особенно нравилась полушуточная, полусерьезная песня «Жомга». Произнося «Соловейка, сообщи мне, где же моя возлюбленная», он всегда в воображении видел перед собой Хажар... А сейчас и Хажар не было в поселке.

Он знал, конечно, что в шумном хоре молодежи его голос был еле слышен. Он не умел петь. А отец и его брат Нигматулла, не успев сесть в подводку и не дожидаясь выезда за околицы села, обычно сразу же начинали петь какую-либо протяжную татарскую или башкирскую песню. Амирхан, затаив дыхание, слушал их. Да, он был лишен таланта певца. Но зато был большим любителем слушать! Ему и украинские песни пришлись по душе. Своей протяжностью они часто напоминали ему татарские народные напевы...

Честно говоря, в эти дни в Давлеканово он и не стремился встречаться с кем-либо из своих знакомых. Избегал расспросов о своей жизни, об учебе. Зато в домашней тишине работалось легко. Он завершил здесь начатый в Донбассе большой очерк из шахтерской жизни. Куда, кому послать этот материал? Или лучше самому поехать в Казань? В последние дни мучили его эти вопросы. Решил – не спеша, сделав остановку в Уфе, поехать в Казань. К его приезду освободятся комнаты в общежитиях, большинство знакомых разъедутся по домам (ему не хотелось со многими из них встречаться). В Казани он решит, как ему поступать дальше: учиться или работать.

Тем более, что в редакции журнала «Безнен юл» находилась рукопись его рассказа, законченного еще в прошлом году. И вот сюрприз, в первые же дни приезда в Казань узнал, что его рассказ «Вақытсыз сулды» («Угас без-

временно») уже был напечатан. Первым об этом сообщил ему поэт Сагит Сунчелей. Сказал: «Хороший рассказ. Продолжай писать...». Такой же добрый отзыв он услышал и от уважаемого им писателя Садри Джалая. Как преподаватель татрабфака и автор знаменитой повести «На берегах Демы» (их Демы!), этот писатель был духовно близок Амирхану. Встретившись в редакции газеты «Кызыл Татарстан», Садри абзый тепло отозвался о моем рассказе, – напишет он потом.

Несмотря на то, что раньше несколько его лирических сочинений было напечатано в молодежной газете, очерк о шахтерах он отдал редакции «Кызыл Татарстан». И тому причиной явился его давний знакомый, бывший библиотекарь, а ныне журналист Габдулхай Хабиб. Если помните, Габдулхай уже помог ему в год первого его приезда в Казань, когда он был лишен стипендии. Это он предложил ему устроиться курьером в книжный магазин. О таких знакомствах Амирхан ага пишет: «Я не решаюсь подойти к человеку, если не чувствую с его стороны некоторого интереса к себе. И вообще, трудно схожусь с людьми...». Да, тогда, когда он не знал что делать, к кому обратиться, Габдулхай первым начал беседу с ним. Узнав о его бедственном положении, принялся помогать ему.

И сейчас, приняв его очерк и расспросив о делах, он посоветовал ему сотрудничать с редакцией «Кызыл Татарстан» – быть внештатным корреспондентом. И ему сразу же дали задание: побывать на строительстве крупной меховой фабрики на окраине Казани. Скоро намечалось открытие этой фабрики. Необходимо было познакомиться с людьми, быть на дне открытия. Написать обо всем этом вот такой же хороший очерк...

Амирхан Еникиев принимает это предложение. В ближайшие же дни отправляется в дальний конец города – до

этого незнакомого ему поселка Новая Слобода. Трамваи еще туда не ходили. Он несколько раз обошел этот уголок Казани. Участвовал и в торжественном открытии фабрики. Потом еще раз ходил по цехам, был и в новом общежитии. Тогда все это ему понравилось. А в сентябре один за одним вышли два номера газеты с его очерками: «Яна гудок» («Новый гудок»), посвященный открытию новой фабрики. А чуть позже и «Кара күмер илләрэндә» («В стране черного угля») – о жизни шахтеров. А потом были еще различные небольшие заметки, зарисовки, выполненные по заданию редакции.

Знакомство с этой фабрикой сыграло важную роль в жизни будущего писателя. Вскоре он решается поступить туда на работу. Ему предоставляют место в общежитии в центре города. Сначала принимают учетчи-

ком мехового цеха. Пройдя несколько ступеней, он завершает здесь свою карьеру в должности начальника Бюро изобретательства и рационализации.

Было ему тогда чуть более двадцати двух лет. На этой фабрике он проработал более пяти лет, больше, чем где-либо. Через два года на этой же фабрике получил направление на учебу в Институт научной организации труда. Учился он чуть более года с сохранением прежней зарплаты. Да, без отрыва от производства их учили, как организовать труд рабочих на местах, как их этому обучать. А после этого еще более года состоял он в штате данного института, не отойдя от своей фабрики, как инструктор-организатор рабочего места меховщика.

Спустя годы, возвратясь к событиям тех лет, он напишет известную повесть «Вөждан» («Совесть»), 1968).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Татарская энциклопедия, т.2, стр. 355.

² В моем тексте название поселка пишется по официальной записи. В текстах А. Еники – как было принято среди татарского населения.

³ Журнал издавался в Казани в 1912–1918 гг.

Аннотация

Статья посвящена лауреату Государственной премии Татарстана им. Г.Тукая, народному писателю Амирхану Нигметзяновичу Еникиеву. Видный прозаик, автор известных рассказов, повестей и романа о юношеских годах композитора Салиха Сайдашева «Гуляндам». А.Н.Еники участник войны, автор интересной повести о военных годах «И мы воевали», десятков рассказов, таких как «Маковый цветок», «Только на час», «Песня любви» и др. Род Еникиевых идет из мурз, выходцев из Золотой Орды и Касимовского ханства.

Ключевые слова: классик татарской литературы, Амирхан Еники, народный писатель.

Summary

The article is devoted to the winner of the State Prize of the Republic of Tatarstan in the name of G. Tukay, national writer Amirkhan Nigmatzyanovich Enikiev. He was a prominent writer, the author of famous short stories, narratives and novels about the early years of the composer Salikh Saidashev «Gulyandam». A.N. Eniki was a war veteran, the author of the interesting story about the war years called «And we fought», dozens of short stories, such as «Poppy Flower», «Only for an hour», «Love Song», etc. A number of Enikiev ideas were from murzas, natives of the Golden Horde and Kasimovsky Khanate.

Keywords: classic Tatar literature, Amirkhan Eniki, national writer.

УДК 343.1

ЗАКОННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОТКАЗОМ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

К.Ф. Амиров, прокурор Республики Татарстан, профессор;

*А.Н. Седов, заместитель начальника отдела по надзору
за расследованием особо важных дел прокуратуры Республики Татарстан*

Последние многочисленные законодательные инициативы свидетельствуют о модернизации современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В результате принимаемых мер удалось исключить из действующего законодательства некоторые положения Закона, которые не соответствовали Конституции Российской Федерации. Однако приведение ведомственных приказов к соответствию с действующими законами зачастую более трудоемкий процесс.

Например, анализ поступающих в прокуратуру Республики Татарстан сведений свидетельствует об отсутствии единого подхода у следственных органов к толкованию положений Уголовно-процессуального закона, закрепленных в пункте 3 части 1 статьи 24 УПК РФ.

Так, в соответствии с указанной нормой Закона уголовное дело не может быть возбуждено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Отказ в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 24 УПК РФ, в том числе и по пункту 3, т.е. ввиду истечения срока давности, не нарушает права и законные интересы лица, поскольку не влечет для него какие-

либо правовые последствия и не устанавливает виновность в совершении уголовно наказуемого деяния, вследствие чего получение согласия у лица, в отношении которого планируется вынесение подобного решения, не требуется.

Такая правовая позиция сформулирована в Определении Конституционного суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О, в котором указано, что отказ в возбуждении уголовного дела не является актом, устанавливающим виновность лица, и не порождает последствия, связанные с судимостью, а также участием лица в уголовном процессе в качестве подозреваемого, обвиняемого.

В то же время следственные органы, вынося рассматриваемые постановления, зачастую ссылаются на установленную виновность или причастность лиц к инкриминируемым деяниям. Наиболее ярким примером подобной реализации следственным органом своих полномочий может служить следующий факт.

Так, 26 октября 2012 г. заместителем руководителя первого отдела по расследованию ОВД СУ СК России по Республике Татарстан в отношении А.Г.Зарипова вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением

срока давности уголовного преследования по части 1 статьи 163 УК РФ. Вынося указанное процессуальное решение, руководитель следственного органа сделал вывод о причастности к данному преступлению, при этом согласие у лица, в отношении которого принято данное решение органом расследования, не получено.

14 ноября 2012 г. заместителем прокурора Республики Татарстан постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 26 октября 2012 г. отменено в связи с отсутствием согласия обвиняемого на вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

30 ноября 2012 г. в адрес прокурора Республики Татарстан поступило письмо руководителя СУ СК России по Республике Татарстан о неправомерности постановления его заместителя от 14 ноября 2012 г., поскольку оно не соответствует Определению Конституционного суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О.

В ходе проверки информации руководителя СУ СК России по Республике Татарстан было выявлено, что установление вины при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования не отвечает положениям статей 8, 14 и 74 УПК РФ, согласно которым никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда, при этом обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Изложенная правовая позиция нашла свое подтверждение в судебной практике, в частности в постановле-

нии Президиума Волгоградского областного суда от 28 декабря 2011 г. по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С.Г. Кехлерова.

Следует учитывать, что Уголовно-процессуальный закон не содержит такого понятия, как «нереабилитирующее» основание для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанная норма закреплена в Инструкции о едином учете преступлений (далее – Инструкция), которая принята в 2005 г. Согласно данной Инструкции вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по рассматриваемому основанию является «нереабилитирующим», а на выявленные преступления выставляются статистические карточки формы 1.0 и 1.1, а также статистическая карточка формы 2.0 на лицо, его совершившее. Кроме того, согласно пункту 40 Инструкции лица, в отношении которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, подлежат учету как лица, совершившие преступление.

Следует учесть, что при обращении данного лица за государственной услугой, например в орган полиции для получения справки о судимости, в ней будут содержаться сведения, свидетельствующие о совершении им преступления, что является препятствием для реализации им некоторых гражданских прав, в том числе на трудоустройство в правоохранительные органы и т.д.

Таким образом, по своей правовой сути рассматриваемый акт следственного органа либо органа дознания, исходя из положений Инструкции, фактически приравнивается к обвинительному приговору суда, что противоречит фундаментальным основам уголовного закона Российской Феде-

рации. Кроме того, подобное решение служит основанием предъявления потерпевшей стороной исковых требований в гражданско-правовом порядке с целью возмещения вреда, причиненного деянием.

Таким образом, в настоящее время невозможно реализовать положения, закрепленные в Определении Конституционного суда Российской Федера-

ции от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О, в той части, в которой декларируются разъяснения правовой сути пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ.

В этой связи прокуратурой Республики Татарстан приняты определенные меры, направленные на приведение ведомственных нормативных актов об учете преступлений в соответствие Закону.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы соблюдения Уголовно-процессуального закона при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела; истечение сроков давности уголовного преследования, учет преступлений.

Summary

The article deals with the questions of compliance with the Criminal Procedure Act in refusing to initiate criminal proceedings in connection with the lapse of time of criminal prosecution.

Keywords: refusal in criminal investigation; lapse of time of criminal prosecution, registration of crimes.

УДК 342.25

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, ДЕЛЕГИРУЕМЫХ ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (на примере Приволжского федерального округа)

Л.И. Гадельшина, соискатель

По мнению Конституционного суда Российской Федерации, субъект Российской Федерации в пределах своих полномочий вправе конкретизировать федеральное регулирование в сфере общих принципов местного самоуправления, включая осуществление бюджетного регулирования, если этому не препятствуют Конституция Российской Федерации и федеральные законы¹. Поэтому вполне закономерно, что институт финансирования делегированных государственных полномочий получает правовую регламентацию и на региональном уровне. Значение нормативно-правового регулирования субъектом Российской Федерации обозначенной сферы состоит в том, что региональные нормативные правовые акты закрепляют, как правило, дополнительные правила финансирования в рамках модели организации местного самоуправления, установленной с учетом географических, исторических и социально-экономических особенностей. В частности, субъекты Российской Федерации могут устанавливать в своих законах компетенцию органов государственной власти и органов местного самоуправления в области предоставления, получения и использования финансовых средств для осуществления переданных полномочий, порядок

проведения контроля за использованием средств, формы взаимодействия органов государственной и местной властей в данной сфере.

Указанное правовое регулирование может осуществляться только в пределах полномочий, установленных Российской Федерацией в федеральном законодательстве. Нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации не могут противоречить Конституции Российской Федерации, Федеральному закону от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 131-ФЗ), Бюджетному кодексу Российской Федерации³ и должны быть направлены, в своей основе, на создание дополнительных гарантий прав местного самоуправления в процессе реализации муниципальными органами переданных им отдельных государственных полномочий⁴.

Становление законодательства субъектов Российской Федерации связывается с принятием ими своих конституций (уставов), в которых поразному закрепляются основы финансового обеспечения делегированных государственных полномочий. Анализ конституций (уставов) субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа позволяет

условно разделить их по степени отражения основ финансового обеспечения делегированных полномочий на четыре группы:

1) уставы, *не закрепляющие* основ финансового обеспечения делегированных государственных полномочий: Устав Саратовской области⁵, Устав Ульяновской области⁶, Устав Пензенской области⁷;

2) конституции и уставы, содержащие положения, практически *совпадающие* с положениями ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации: Конституция Республики Башкортостан⁸ (ст. 114), Конституция Республики Марий Эл⁹ (ст. 101), Конституция Республики Татарстан¹⁰ (ч. 2 ст. 118), Конституция Удмуртской Республики¹¹ (ч. 2 ст. 67), Конституция Чувашской Республики¹² (ст. 99), Устав Оренбургской области¹³ (ст. 59), Устав Пермского края¹⁴ (ч. 4 ст. 34, ч. 3 ст. 38);

3) уставы, содержащие положения, по содержанию *меньшие*, чем установлено Конституцией Российской Федерации: Устав Кировской области Российской Федерации¹⁵, не содержащий положений о подконтрольности государству реализации переданных полномочий (ст. 78), и Устав Самарской области¹⁶, не содержащий положений об обязательном финансовом обеспечении делегированных полномочий, о подконтрольности государству переданных полномочий (ст. 11);

4) конституции и уставы, содержащие *дополнительные* гарантии в сфере финансирования делегированных государственных полномочий по сравнению с положениями Конституции Российской Федерации: Конституция Республики Мордовия¹⁷, устанавливающая основы контроля органами государственной власти Республики Мордовия за использованием предоставленных на выполнение делегированных государственных полномочий

финансовых средств (ст. 105), а также Устав Нижегородской области¹⁸, закрепляющий форму финансирования делегируемых полномочий – субвенции и основы контроля органами государственной власти области за использованием предоставленных на выполнение делегированных государственных полномочий финансовых средств (ст. 57).

По нашему мнению, отсутствие в уставах Самарской, Ульяновской и Пензенской областей начал финансового обеспечения делегированных государственных полномочий является серьезным пробелом в уставном регулировании, поскольку уменьшает самостоятельность местного самоуправления и снижает гарантии эффективного выполнения переданных органам местного самоуправления государственных полномочий. Считаем, что данный пробел подлежит незамедлительному устранению.

В свою очередь, наличие в конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации дополнительных положений, отличных от норм Конституции Российской Федерации, на наш взгляд, является положительной практикой субъектов Российской Федерации, поскольку создает дополнительные гарантии самостоятельности местного самоуправления и качества выполняемых делегированных государственных полномочий. Нельзя не согласиться с мнением М.А. Кузьмина, который отмечает, что наиболее предпочтительными представляются конституции (уставы), которые не только в полной мере отвечают содержанию Конституции Российской Федерации, но и предусматривают некоторые региональные особенности правовой регламентации финансовых и экономических основ самоуправления с учетом местных условий соблюдения общефедеральных конституционных принципов и, в частности,

закрепляют на конституционно-уставном уровне дополнительные гарантии финансовой и экономической независимости местного самоуправления¹⁹. *В связи с этим представляется целесообразным перенять опыт Республики Мордовия, Нижегородской области остальными субъектами Российской Федерации по закреплению дополнительных гарантий в сфере финансового обеспечения делегированных государственных полномочий.*

Следующим нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере являются акты, регулирующие организацию местного самоуправления в субъектах Российской Федерации. К ним, в первую очередь, относятся законы субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении. Такие законы приняты не во всех субъектах Приволжского федерального округа. Так, в Республике Мордовия, Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областях, Пермском крае такие акты отсутствуют, хотя до принятия ФЗ № 131-ФЗ все субъекты Российской Федерации, кроме Нижегородской, Пензенской областей и Пермского края, имели законы о местном самоуправлении. В Республиках Марий Эл, Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Удмуртская Республика, в Кировской и Оренбургской областях законы о местном самоуправлении приняты и действуют. Данные законы, за исключением Закона Удмуртской Республики, устанавливают возможность и порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, форму и источник их финансирования. Исключением также является Закон Республики Башкортостан в части установления порядка передачи отдельных государственных полномочий, поскольку эти вопросы регламентируются специальным законом – Законом

Республики Башкортостан «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Башкортостан».

Интересно отметить, что до вступления в силу ФЗ № 131-ФЗ в некоторых субъектах Российской Федерации (Республиках Марий Эл, Башкортостан, Удмуртской Республике, Иркутской, Пермской, Кировской, Пензенской и Саратовской областях)²⁰ была распространена практика принятия законов, устанавливавших порядок и принципы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Однако все законы, за исключением Закона Республики Башкортостан и Закона Оренбургской области²¹, утратили силу в связи с принятием ФЗ № 131-ФЗ. Видимо, региональные законодатели посчитали правовое регулирование вопросов финансового обеспечения делегированных полномочий на федеральном уровне достаточным и не требующим приведения в соответствие с ним имеющихся норм собственных законов.

В большинстве субъектов Российской Федерации приняты законы, устанавливающие условия контракта с руководителем исполнительного органа муниципального образования в части осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации²². Данные законы, по сути, устанавливают полномочия руководителя в указанной сфере, в том числе и в финансовой сфере.

Особенностью отдельных государственных полномочий является законодательный порядок наделения ими органов местного самоуправления. Так, пункт 2 статьи 19 Федерального закона № 131-ФЗ гласит,

что наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации осуществляется федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации – законами субъектов Российской Федерации. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями иными нормативными правовыми актами не допускается. Вместе с тем судебной практикой выявляются случаи передачи государственных полномочий без принятия субъектом Российской Федерации закона о наделении, как этого требует ФЗ № 131-ФЗ. Так, Конституционным судом Российской Федерации было установлено, что государственное полномочие субъекта Российской Федерации – Читинской области, по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, было передано органу местного самоуправления – администрации городского округа «Город Чита», без принятия в установленном федеральным законом порядке закона субъекта Российской Федерации о наделении органов муниципальной власти соответствующими полномочиями²³. Такие факты недопустимы, поскольку отсутствие закона о наделении полномочиями не порождает обязанности государственного органа по их финансовому обеспечению, влечет безответственность со стороны органов публичной власти.

Анализ законодательства субъектов Российской Федерации о наделении отдельными государственными полномочиями позволяет условно разделить их на следующие группы:

1) Субъекты Российской Федерации, имеющие закон о порядке наделения отдельными государственными

полномочиями субъекта Российской Федерации и придерживающиеся практики делегирования нескольких групп отдельных государственных полномочий в различных сферах посредством принятия одного-двух законов (Республика Башкортостан²⁴);

2) Субъекты Российской Федерации, не имеющие закона о порядке наделения отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации и придерживающиеся практики делегирования отдельных государственных полномочий посредством принятия отдельных законов о наделении полномочиями в определенных сферах (Нижегородская область²⁵, Республика Татарстан²⁶, Республика Мордовия²⁷, Удмуртская Республика²⁸, Пермский край²⁹, Самарская³⁰, Саратовская³¹, Оренбургская³², Ульяновская³³ и Кировская³⁴ области);

3) Субъекты Российской Федерации, не имеющие закона о порядке наделения отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации и придерживающиеся практики делегирования нескольких отдельных государственных полномочий в различных сферах посредством принятия одного-двух законов (Пензенская область³⁵, Чувашская Республика). К примеру, Законом Чувашской Республики от 30.11.2006 г. № 55 (ред. от 06.03.2012) «О наделении органов местного самоуправления в Чувашской Республике отдельными государственными полномочиями» органам местного самоуправления республики переданы 19 государственных полномочий³⁶. Законом Пензенской обл. от 22.12.2006 г. № 1176-ЗПО (ред. от 16.04.2012) «О наделении органов местного самоуправления Пензенской области отдельными государственными полномочиями Пензенской области и отдельными государственными пол-

номочиями Российской Федерации, переданными для осуществления органам государственной власти Пензенской области» передано порядка 30 государственных полномочий Пензенской области и 5 федеральных полномочий.

Таким образом, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации прошло сложный путь становления и развития. Оно развивалось параллельно с законодательством о наделении органов местного самоуправления отдельными

государственными полномочиями, а также с бюджетным законодательством. На совершенствование института финансирования делегированных полномочий повлияла муниципальная реформа, преобразования в сфере разграничения государственных полномочий, а также реформа бюджетной сферы. Вместе с тем качество правового регулирования субъектами Российской Федерации рассматриваемой сферы не отвечает требованиям современной действительности и нуждается в совершенствовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области // Вестник Конституционного суда РФ. – 2001. – № 1.

² СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

³ Российская газета. – 1998. – 12 августа.

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева). – М.: Эксмо, 2010; СПС «Гарант».

⁵ Закон Саратовской области от 02.06.2005 г. № 46-ЗСО (ред. от 29.07.2010 г.) «Устав (Основной Закон) Саратовской области» // Неделя области. Спецвыпуск. – 2005. – 4 июня.

⁶ Устав Ульяновской области (утв. Постановлением ЗС Ульяновской области от 19.05.2005 г. № 31/311) (ред. от 04.05.2011 г.) // Ульяновская правда. – 2005. – 24 мая.

⁷ Устав Пензенской области (принят ЗС Пензенской обл. 10.09.1996) (ред. от 28.02.2011 г.) // Пензенские вести. – 1996. – 13 сентября.

⁸ Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 г. № ВС-22/15 (ред. от 19.05.2011 г.) // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. – 2003. – № 1(157). – Ст. 3.

⁹ Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995 г. (ред. от 10.06.2010 г.) // Марийская правда. – 1995. – 7 июля.

¹⁰ Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 г. // Республика Татарстан. – 2002. – 30 апреля.

¹¹ Конституция Удмуртской Республики (ред. от 06.05.2011 г.) (принята постановлением Верховного Совета УР от 07.12.1994 г. № 663-ХП) // Известия Удмуртской Республики. – 1994. – 21 декабря.

¹² Конституция Чувашской Республики (ред. от 28.05.2010 г.) (Принята ГС ЧР 30.11.2000) // Республика. – 2000. – 9 декабря.

¹³ Закон Оренбургской области от 20.11.2000 г. № 724/213-ОЗ (ред. от 28.04.2011 г.) Устав (Основной Закон) Оренбургской области (принят решением Законодательного Собрания Оренбургской области от 25.10.2000 г. № 724) // Южный Урал. – 2000. – 22 декабря.

¹⁴ Устав Пермского края от 27.04.2007 г. № 32-ПК (принят ЗС ПК 19.04.2007 г.) (ред. от 29.06.2010 г.) // Российская газета. – 2007. – 4 мая.

¹⁵ Устав Кировской области Российской Федерации от 27.03.1996 г. № 12-ЗО (принят Кировской областной думой 29.02.1996 г.) (ред. от 28.12.2010 г.) // Вятский край. – 1996. – 9 апреля.

¹⁶ Устав Самарской области от 18.12.2006 г. № 179-ГД (ред. от 04.05.2011 г.) (принят Самарской губернской думой 05.12.2006 г.) // Волжская коммуна. – 2006. – 20 декабря.

¹⁷ Конституция Республики Мордовия (ред. от 15.03.2011 г.) (принята Конституционным собранием РМ 21.09.1995 г.) // Известия Мордовии. – 2011. – 16 марта.

¹⁸ Устав Нижегородской области от 30.12.2005 г. № 219-З (принят постановлением ЗС НО от 22.12.2005 г. № 1809-III) (ред. от 01.03.2011 г.) // Правовая среда. – 2006. – 18 января.

¹⁹ Кузьмин М.А. Основы правового регулирования финансово-экономической деятельности муниципальных образований: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань. – 2000. С. 66.

²⁰ Например: Закон Иркутской области от 09.10.1998 г. № 42-оз «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Иркутской области» (утратил силу с 01.01.2006 г.) // Восточно-Сибирская правда. – 1998. – 2 декабря; Закон Республики Башкортостан от 21.06.2005 г. № 190-з «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Башкортостан» // Газета «Республика Башкортостан». – 2005. – 29 июня; Закон Республики Марий Эл от 01.12.1997 г. № 49-З «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Марий Эл» (утратил силу с 01.01.2006 г.) // Марийская правда. – 1997. – 4 декабря; Закон УР от 03.05.2001 г. № 21-РЗ «О порядке наделения органов местного самоуправления в Удмуртской Республике отдельными государственными полномочиями Удмуртской Республики» (утратил силу с 03.06.2006 г.) // Известия Удмуртской Республики. – 2001. – 4 мая; Закон Пермской области от 14.09.1998 г. № 219-22 «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Пермской области» (утратил силу с 01.01.2006 г.) // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. – 1998. – № 6-7; Закон Кировской области от 26.12.1997 г. № 28-ЗО «О порядке наделения органов местного самоуправления муниципальных образований области отдельными государственными полномочиями Кировской области» (утратил силу с 01.01.2006 г.) // Вестник Кировской областной думы и администрации области. – 1998. – № 1(13); Закон Пензенской обл. от 23.12.2002 г. № 427-ЗПО «О порядке наделения органов местного самоуправления в Пензенской области отдельными государственными полномочиями Пензенской области» (утратил силу с 01.11.2005 г.) // Ведомости ЗС Пензенской области. – 2002. – 30 декабря; Закон Саратовской области от 30.01.1998 № 2-ЗСО «О порядке наделения органов местного самоуправления Саратовской области отдельными государственными полномочиями» (утратил силу с 20.01.2006 г.) // Саратовские вести по понедельникам. – 1998. – 9 февраля.

²¹ Закон Оренбургской области от 07.05.2001 № 206/267-II-ОЗ (ред. от 30.04.2008 г.) «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» // Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области. – 2001. – 20 апреля (25 заседание).

²² Например, Закон РТ от 12.12.2005 г. № 123-ЗРТ «Об условиях контракта для руководителя исполнительного комитета муниципального района (городского округа) в части, касающейся осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – 2005. – 16 декабря.

²³ Определение КС РФ от 05.02.2009 г. № 250-О-П «По жалобе муниципального образования – городского округа «Город Чита» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. – 2009. – № 5.

²⁴ Закон Республики Башкортостан от 21.06.2005 г. № 190-з «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Башкортостан».

²⁵ Закон Нижегородской области от 07.09.2007 г. № 121-З «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Нижегородской области государственными полномочиями по осуществлению денежных выплат и выплат вознаграждения отдельным категориям граждан» // Правовая среда. – 2007. – 27 сентября.

²⁶ Например, Закон Республики Татарстан от 22.12.2005 г. № 132-ЗРТ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов государственными полномочиями Республики Татарстан по расчету и предоставлению дотаций поселениям из регионального фонда финансовой поддержки поселений» // Республика Татарстан. – 2005. – 27 декабря.

²⁷ Закон Республики Мордовия от 14.07.2008 г. № 57-З «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по обеспечению наличными денежными средствами государственных учреждений Республики Мордовия, находящихся на территории муниципальных районов Республики Мордовия» // Известия Мордовии. – 2008. – 16 июля.

²⁸ Закон Удмуртской Республики от 24.06.2010 г. № 29-РЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации по предоставлению мер социальной поддержки по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов» // Известия Удмуртской Республики. – 2010. – 6 июля.

²⁹ Закон Пермского края от 27.04.2012 г. № 31-ПК «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством), не имеющих закрепленного жилого помещения» // Собрание законодательства Пермского края. – 2012. – № 4.

³⁰ Закон Самарской области от 06.12.2011 г. № 134-ГД «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по организации оказания медицинской помощи на территории Самарской области» // Волжская коммуна. – 2011. – 8 декабря.

³¹ Закон Саратовской области от 12.12.2011 г. № 188-ЗСО «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по организации оказания медицинской помощи в соответствии с территориальной программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи на территории Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. – 2011. – № 35.

³² Закон Оренбургской области от 12.09.2011 г. № 407/84-V-ОЗ «О порядке предоставления жилых помещений гражданам, уволенным с военной службы, и наделении органов местного самоуправления Оренбургской области отдельными государственными полномочиями по обеспечению жилыми помещениями граждан, уволенных с военной службы» // Оренбуржье. – 2011. – 27 сентября.

³³ Закон Ульяновской области от 02.05.2012 г. № 55-ЗО «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов Ульяновской области государственными полномочиями по сбору информации от поселений, входящих в муниципальный район, необходимой для ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов Ульяновской области» // Ульяновская правда. – 2012. – 4 мая.

³⁴ Закон Кировской области от 21.12.2012 г. № 244-ЗО «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Кировской области отдельными государственными полномочиями» // Вести. Киров. – 2012. – 25 декабря.

³⁵ Закон Пензенской обл. от 22.12.2006 г. № 1176-ЗПО «О наделении органов местного самоуправления Пензенской области отдельными государственными полномочиями Пензенской области и отдельными государственными полномочиями Российской Федерации, переданными для осуществления органам государственной власти Пензенской области» // Ведомости ЗС Пензенской области. – 2006. – № 37 (часть 1). – С. 11.

³⁶ Собрание законодательства Чувашской Республики. – № 11. – Ст. 695.

Аннотация

В статье исследуются становление, развитие и современное состояние законодательства субъектов Российской Федерации в области финансового обеспечения отдельных государственных полномочий, делегируемых органам местного самоуправления, на примере субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа.

Ключевые слова: законодательство субъектов Российской Федерации, финансовое обеспечение, финансирование, наделение полномочиями, делегирование государственных полномочий, местное самоуправление.

Summary

The article examines the establishment, development and current state of the legislation of the subjects of the Russian Federation in the field of financial security of certain state authorities delegated to local self-government bodies, on the example of the subjects of the Russian Federation of the Volga Federal district.

Key words: legislation of the subjects of the Russian Federation, financial security, funding, the empowerment with the state authority, delegation of state authorities, local self-government.

УДК 347.962

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

*В.А. Купин, Председатель Конституционного суда
Республики Адыгея, кандидат юридических наук, доцент*

Деятельность Конституционного суда Республики Адыгея по защите прав и свобод человека и гражданина осуществляется в непосредственном сотрудничестве всех ветвей власти.

Конституционным судом, из практики рассмотренных дел, неоднократно ставились вопросы о недостаточном объеме мер социальной поддержки по оплате жилья и коммунальных услуг различным категориям граждан. В результате анализа правового регулирования, связанного с приведением системы социальной защиты граждан, пользующихся льготами и иными социальными гарантиями, в соответствие с принципом разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также с закреплением принципа самостоятельности бюджетов всех уровней, Конституционный суд признал проверяемые нормативные правовые акты органов государственной власти республики и органов местного самоуправления соответствующими Конституции Республики Адыгея.

В частности, суд установил, что Республика Адыгея вправе в своем законе предусмотреть дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан исходя из своих финансовых возможностей. Меры со-

циальной поддержки предоставляются в пределах социальной нормы площади жилья, регионального стандарта оплаты жилья и коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных услуг и топлива, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, что само по себе не может рассматриваться как нарушение прав граждан. (Постановление Конституционного суда Республики Адыгея от 24 октября 2006 г., № 5-П).

Совет народных депутатов муниципального образования «Город Майкоп» вправе утверждать тарифы по оказанию платных медицинских услуг, оказываемых муниципальными лечебными учреждениями, руководствуясь при этом Конституцией Республики Адыгея и федеральным законодательством. Платные медицинские услуги населению должны оказываться в дополнение к гарантированному объему бесплатной медицинской помощи. При этом порядок, условия, критерии, требования к оказанию платных медицинских услуг необходимо определить в соответствующем нормативном акте, который должен быть понятен и доступен для населения (Определение Конституционного суда РА от 17.03.2004 г. № 5-О).

Большая часть вопросов социального характера носит скрытый (латентный) характер. Так, к примеру, по результатам рассмотренных дел

признаны не соответствующими Конституции Республики Адыгея отдельные правовые предписания постановления Совета народных депутатов муниципального образования «Город Майкоп» «О даче согласия администрации муниципального образования «Город Майкоп» на ликвидацию муниципального предприятия «Фирменный кинотеатр российского фильма «Октябрь» муниципального образования «Город Майкоп» от 23 мая 2006 г. № 928 как не обеспечивающие определенность порядка использования недвижимого имущества — здания кинотеатра «Октябрь» в случае ликвидации муниципального предприятия «Фирменный кинотеатр российского фильма «Октябрь» муниципального образования «Город Майкоп». Поводом послужила коллективная жалоба граждан в лице Адыгейского регионального отделения политической партии ЛДПР.

Муниципальное предприятие «Фирменный кинотеатр российского фильма «Октябрь» муниципального образования «Город Майкоп» является коммерческой организацией, созданной для осуществления аудиовизуального обслуживания жителей и удовлетворения их потребностей в культурно-массовых мероприятиях (раздел I пункта 1 Устава предприятия). Для выполнения уставных задач предприятию было передано в хозяйственное ведение здание кинотеатра «Октябрь» (раздел IV пункта 19 Устава предприятия), расположенное по улице Советская, 203 и являющееся неотъемлемым, недвижимым, определенно-целевым имуществом муниципального предприятия, без наличия которого невозможно было ни создание, ни деятельность вышеназванного предприятия.

Здание кинотеатра «Октябрь» построено в 1957 г. и включено в список недвижимых памятников истории и

культуры на территории муниципального образования «Город Майкоп» в 2004 г. (Список недвижимых памятников истории и культуры на территории города Майкопа Республики Адыгея, лист 39 № 74). Следовательно, суд признал, что здание кинотеатра является специализированным, социально значимым, публично ориентированным культурным сооружением, которое служит гарантией более чем ста семидесяти тысячам гражданам муниципального образования «Город Майкоп» на удовлетворение культурных и духовных потребностей, установленных Конституцией Республики Адыгея (пункт 2 статьи 3, статья 41, пункт 2 статьи 49).

Согласно статье 6 Закона Республики Адыгея «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)» от 10 августа 2006 г. № 21 полномочия органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия устанавливаются Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с частью 1.1 статьи 50 названного Федерального закона в собственности муниципальных образований могут находиться объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения в случае, если такие объекты необходимы для осуществления полномочий органов местного самоуправления.

Согласно пунктам 17, 18 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского округа относятся создание условий для организации досуга и обеспечение жителей городского округа услугами организации

культуры, сохранения, использования объектов культурного наследия, охрана объектов культурного наследия, расположенных на территории городского округа. С данными нормами корреспондируются и нормы Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в частности, часть 1 статьи 33, которая устанавливает, что объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения нарушения установленного порядка их использования.

Конституционный суд Республики Адыгея считает, что при принятии оспариваемого Постановления пред-

ставительный орган местного самоуправления Совет народных депутатов муниципального образования «Город Майкоп» обязан был определить порядок управления и распоряжения недвижимым имуществом — зданием кинотеатра «Октябрь», находящимся в пользовании ликвидируемого муниципального предприятия «Фирменный кинотеатр российского фильма «Октябрь». При этом необходимо учитывать как его социально-культурное предназначение и публичную значимость, так и то, что данный кинотеатр находится в городе, имеющем статус столицы субъекта Российской Федерации – Республики Адыгея.

Это примеры наиболее резонансных дел, рассмотренных судом.

Аннотация

В статье освещается деятельность Конституционного суда Республики Адыгея в сфере социальной защиты граждан.

Ключевые слова: Конституционный суд Республики Адыгея, социальная защита граждан, обращения граждан в Конституционный суд.

Summary

The article deals with the work of the Constitutional Court of the Republic of Adygea in the field of social protection of citizens.

Keywords: Constitutional Court of the Republic of Adygea, social protection of citizens, citizens' appeals to the Constitutional Court.

УДК 341.9

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

Л.Л. Сабирова, кандидат юридических наук

С позиции правоведения интерес представляет не всякая человеческая деятельность, а только та, которая обуславливает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. При этом в теории права принято отдельно выделять юридическую деятельность, которая, будучи разновидностью человеческой деятельности, приобретает специфические характеристики, опосредованные предметом своего воздействия.

Так, по мнению Ю.Н. Радачинского, под юридической деятельностью следует понимать опосредованную юридическим опытом всего общества, детерминированную окружающим миром, сознательную, волевою и предметную активность дееспособного субъекта, направленную на познание и преобразование объективной и субъективной юридической деятельности с целью удовлетворения собственных либо общественных интересов, осуществляемую в конкретных условиях юридическими средствами и способами и проявляемую как совокупность последовательно совершаемых юридических действий, операций¹. Принимая во внимание приведенное определение, а также позицию А.Э. Жалинского, выделяют качества и свойства профессиональной юридической деятельности, среди которых отмечают степень формализации выполняемой юридической работы; пределы свободы выбора методов работы; степень тривиальности ре-

шаемых правовых задач; подконтрольность деятельности; уровень риска для исполнителя; информационную насыщенность и темп выполнения работы, непрерывность осуществляемых операций; степень ответственности юриста; доступность информации; сложность и характер использования технических средств; потенциальную конфликтность деятельности² (приведенный перечень не является исчерпывающим).

Однако в научной литературе встречаются и более узкие понимания юридической деятельности. К примеру, В.Н. Карташов юридическую деятельность рассматривает как опосредованную правом государственно-властную деятельность уполномоченных на то органов и должностных лиц, которая направлена на выполнение поставленных перед ними общественных задач и функций³.

Помимо понятия «юридическая деятельность» в теоретико-правовой литературе выделяется более широкая категория – «правовая деятельность». Причем последняя связана со следующими направлениями:

1. С осуществлением правовых норм в ходе их воплощения в общественные отношения;

2. С разработкой и внедрением правовых норм в практику общественной жизни;

3. С правовым обучением и воспитанием, повышением правовой культуры граждан и общества;

4. С правовыми исследованиями.

Качественные различия данных видов правовой деятельности коренятся в расхождении методологического статуса правовых норм в системе целеполагающей деятельности. В первом случае они выступают в виде средства преобразования объекта; во втором – целью создающей деятельности; в третьем – в качестве средства преобразования самого совокупного субъекта; в четвертом – в качестве объекта познания⁴.

Складывающаяся практика свидетельствует о том, что основными направлениями процессуальной деятельности в сфере частного права являются:

1. Нормотворчество (процесс создания нормы частного права)⁵;

2. Правореализационный процесс (деятельность по реализации норм частного права, преимущественно в формах использования, исполнения, соблюдения);

3. Правоприменение (судопроизводство по частноправовым делам; исполнительно-распорядительная деятельность, способствующая реализации норм частного права);

4. Контроль за правоприменением (упорядоченная деятельность по обеспечению реализации норм частного права)⁶.

Причем приведенные выше действия характеризуются определенным порядком их осуществления. Собственно юридическая деятельность носит циклический характер, который выражается в ее процессуальности. Данное свойство облегчает ее построение именно как системы взаимосвязанных, следующих друг за другом действий (операций), подчиненных общей цели и приводящих к конкретному результату. В большинстве случаев эта цикличность опосредована процессуальными требованиями, которые официально устанавливают

порядок деятельности тех или иных органов и должностных лиц⁷.

Представляется, что вопрос о месте и сущности процессуальной деятельности может быть разрешен при исследовании понятия юридического процесса как общеправовой категории. Если исходить из того, что юридический процесс представляет собой содержание юридической деятельности (внешняя форма), то внутренней формой этой деятельности выступает определенный порядок (процедура).

Каждому процессу соответствует свой специфический порядок (процедура) осуществления юридически значимых действий. Например, в юридической литературе, нормативных правовых актах и на практике широко употребляются понятия законодательного, правотворческого, конституционного, управленческого, правоприменительного и прочих процессов. И, наоборот, употребляют понятия законодательная, правотворческая, управленческая, судебная и иная процедура. Понятия «норма», «правило», «предписание» определяют обычно друг через друга, взаимосвязывают друг друга⁸. Аналогично можно отметить, что взаимозаменяемы понятия «юридический процесс» и «юридическая процедура»⁹.

Так, П.С. Элькинд, имея в виду внешнее сходство уголовно-процессуальной деятельности с процедурной деятельностью других форм, замечает, что «применительно к этой – внешней – форме уголовного процесса можно согласиться с авторами, отождествляющими понятия «процесс» и «процедура», полагающими возможным говорить о процессуальной деятельности всех органов государства, а не только органов судопроизводства»¹⁰. Принимая во внимание приведенные выше положения, можно сформулировать общее понятие юридического процесса, в которое вписывалась бы и деятельность представительных

органов местного самоуправления. Видится, что юридический процесс можно определить как установленный процессуальными нормами права, содержащимися в положениях нормативных правовых актов органов государства и местного самоуправления, порядок осуществления юридической деятельности субъектов права.

Схожее (хотя и несколько ограниченное по субъектному составу) определение юридического процесса было дано В.И. Леушиным. В частности, он представляет юридический процесс как «урегулированный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии и документальном закреплении решений общего или индивидуального характера»¹¹. Также заслуживает внимания позиция В.И. Леушина, согласно которой близким к понятию «юридический процесс» по значению является термин «процедура»¹².

В конечном счете для выявления соотношения важны не изолированные понятия (обособленное восприятие) «процесс», «процедура», а то содержание, которое в каждом конкретном случае в них вкладывается. Именно порядок деятельности по применению норм материального права и является тем обстоятельством, которое «роднит» юридический процесс и юридическую процедуру¹³.

Юридической предпосылкой широкого понимания процесса является необходимость совершенствования механизма правового регулирования, повышения его эффективности. М.И. Байтин и О.В. Яковенко подчеркивают, что «закон без процедуры его реализации можно сравнить с птицей без крыльев. В каждом подобном случае действие закона заранее затруднено или вообще сводится на нет»¹⁴. В.И. Каминская считает, что «в каждой отрасли права наряду с мате-

риальными нормами обязательно имеются нормы организационного и процедурного характера, которые можно считать процессуальными»¹⁵.

Как уже отмечалось, в настоящее время в рамках материального права растет число процессуальных норм, они более детально и полно регламентируют действия различных субъектов, что является отражением общих дифференциальных и интеграционных процессов в праве. В свою очередь, данные процессы очень тесно связаны с межотраслевыми связями разных правовых образований (институтов, подотраслей, отраслей, подсистем). Они способствуют установлению и развитию данных связей¹⁶. Так, например, процессуальные правила, включенные в Семейный кодекс Российской Федерации¹⁷, не составляют специального раздела, не выделяются в комплекс, а содержатся практически во всех главах этого закона и рассчитаны на применение при судебном разбирательстве конкретных семейных споров (о расторжении брака¹⁸, об установлении отцовства, взыскании алиментов¹⁹, о разделе совместно нажитого имущества и т.д.)²⁰.

Представляется, что процессуальные подинституты, формируемые в отраслях материального права для организации отдельных правоотношений, более органично связаны с соответствующими материальными нормами, чем с процессуальными нормами институтов процессуально-правовых отраслей. Д.Н. Бахрах обоснованно отмечает, что расширение процессуализации будет способствовать сближению, унификации, систематизации процессуальных норм²¹. Это, безусловно, положительным образом отразится на эффективности реализации процедурных и процессуально-правовых норм в сфере частного права.

Помимо процессуализации в системе права происходит еще один вид интеграционного движения – публи-

цизация частных и приватизация публичных отраслей права – в связи с чем границы между данными зонами права становятся все менее очевидными²². Так, с принятием в 1997 г. Федеральных законов «Об исполнительном производстве»²³ и «О судебных приставах»²⁴ в значительно большей степени усилилась роль исполнительной (публичной, административной) власти в принудительном исполнении актов судебных органов по частноправовым делам, когда инициатива изначально принадлежит заинтересованным субъектам, но порой не может быть реализована без соответствующего содействия органов публичной власти в установленном законом порядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Радачинский Ю.Н.* Обжалование действий и решений государственных, муниципальных органов и должностных лиц как вид юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Радачинский. – Ростов н/Д, 2002. – 26 с. – С. 10.

² См.: *Жалинский А.Э.* Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста / А.Э. Жалинский. – М.: Проспект, 2009. – 362 с.

³ См.: *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность в социалистическом обществе: Учеб. пособие / В.Н. Карташов. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1987. – С. 13; Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики) – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1992. – 88 с.; Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 218 с.

⁴ См.: *Шагиева Р.В.* Особенности правовой деятельности в российском информационном обществе / Р.В. Шагиева // Два века юридической науки и образования в Казанском университете: материалы юбилейной научной конференции (г. Казань, 13–14 мая 2004 г.). – Казань: Центр инновационных технологий. – 2004. – С. 76, 77.

⁵ Подробнее о нормотворчестве см.: *Авалян Р.М.* Гражданское нормотворчество федеральных органов исполнительной власти: актуальные проблемы / Р.М. Авалян // Законодательство. – 2009. – № 9. – С. 79 – 85; *Петрова Л.* Взаимодействие прокуратуры с органами местного самоуправления в сфере муниципального нормотворчества / Л. Петрова, С. Манаков // Законность. – 2012. – № 2. – С. 9–15; *Воропаев С.* Нормотворчество Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в налоговой сфере — первые шаги и первые преткновения / С. Воропаев, Н. Сошников // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2011. – № 1. – С. 72–76.

⁶ О контроле за правоприменением см.: *Тарасова А.Е.* Публичный контроль за конституционностью правоприменения: компетенция Конституционного суда РФ / А.Е. Тарасова, Д.К. Власенко // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 70–75.

⁷ *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность в социалистическом обществе / В.Н. Карташов. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1987. – С.15.

⁸ О взаимосвязи «нормы», «правила», «предписания» см.: *Калмыкова А.В.* О соблюдении правил законодательной техники в проектах технических регламентов, принимаемых в форме федерального закона / А.В. Калмыкова // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 28–39, СПС «Гарант»; *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г.А. Жилин. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.

⁹ См.: *Мельников Ю.И.* К вопросу о соотношении «юридического процесса» и «юридической процедуры» / Ю.И. Мельников // Актуальные проблемы теории правовой системы общества: сб. науч. трудов. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2001. – Вып. 1. – С. 11,12.

¹⁰ *Элькинд П.С.* Категории «содержание» и «форма» в сфере уголовно-процессуального регулирования / П.С. Элькинд // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 43.

¹¹ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Превалова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1997. – С. 395.

¹² Там же: С. 393, 394.

¹³ Мельников Ю.И. К вопросу о соотношении «юридического процесса» и «юридической процедуры» / Ю.И. Мельников // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: Сб. науч. трудов. / Под ред. В.М. Горшенева. – Вып. I. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1979. – С. 13.

¹⁴ Байтин М.И. Теоретические вопросы правовой процедуры / М.И. Байтин, О.В. Яковенко // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 93–102.

¹⁵ Каминская В.И. Место процессуальных норм в системе советского права / В.И. Каминская // Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. М.С. Строгович. – М., 1965. – С. 65.

¹⁶ См.: Пискотин М.И. Советское бюджетное право / М.И. Пискотин. – М.: Юрид. лит., 1971. – 312 с. – С. 52; Чельшев М.Ю. О методе правового заимствования в частном и публичном праве / М.Ю. Чельшев // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы Всероссийской IV научной конференции молодых ученых (Самара, 23–24 апреля 2004 г.). – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 53.

¹⁷ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 года № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

¹⁸ См.: Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за 3 квартал 2010 года // Документ опубликован на официальном сайте Ивановского областного суда в сети Интернет <http://www.oblsud.ivanovo.ru>.

¹⁹ См.: Бюллетень судебной практики Омского областного суда. – 2010. – № 1 (42) // Документ размещен на официальном сайте Омского областного суда в сети Интернет <http://oblsud.oms.sudrf.ru>.

²⁰ См.: Кострова Н.М. Процессуальные правила разбирательства семейных дел в Семейном кодексе РФ / Н.М. Кострова // Журнал российского права. – 2000. – № 3. – С. 101–108.

²¹ См.: Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство / Д.Н. Бахрах // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 6–17.

²² Заслуживает внимания позиция М.Ю. Чельшева, который обоснованно отмечает известную взаимосвязь частного и публичного права, норм материального и процессуального права. См.: М.Ю. Чельшев. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук / М.Ю. Чельшев. – Казань, 2009. – 501 с.; Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права: Моногр. / М.Ю. Чельшев. – Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та, 2009. – 208 с.; Чельшев М.Ю. О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального права / М.Ю. Чельшев // Российский следователь. – 2005. – № 10. – С. 13–16 (а также История государства и права. – 2005. – № 7. – С. 4–7).

²³ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

²⁴ Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные аспекты эффективности реализации процедурных и процессуально-правовых норм в сфере частного права, дается характеристика основных понятий, относящихся к юридической деятельности.

Ключевые слова: юридическая деятельность, юридический процесс, частное право, публичное право.

Summary

The article deals with some aspects of the effectiveness of the implementation of procedural and legal procedural norms in the sphere of private law, the basic concepts related to legal activities are described.

Keywords: legal work, legal process, private law, public law.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

1 марта 2013 г. в Институте проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан прошло награждение школьников Казани – победителей и призеров XIX Поволжской научной экологической конференции школьников имени А.М. Терентьева. В церемонии награждения приняли участие заместитель директора ИПЭН по научной работе Д.В. Иванов и заместитель директора Республиканского эколого-биологического методического центра Министерства образования и науки РТ Г.С. Садыкова.

Под эгидой института в рамках конференции прошел региональный этап Российского национального юниорского водного конкурса. Партнер конкурса – ООО «Кока-Кола ЕйчБиСи Евразия». Целью конкурса является поощрение деятельности школьников, направленной на решение проблем питьевой воды, очистки загрязненных стоков, сохранение водного биоразнообразия городских и сельских водоемов, исследование корреляций водных, социальных, климатических и других факторов. Школьники из Татарстана трижды становились победителями Российского национального конкурса и представляли Российскую Федерацию на международном юниорском водном конкурсе в Стокгольме.

В этом году право представлять Республику Татарстан на Российском национальном юниорском водном конкурсе в Москве получила десятиклассница школы № 72 Советского района Казани Дарья Цинеккер с проектом «Биотрансформация азотсодержащих соединений в сточных водах при использовании биофильтра».

* * *

С 24 февраля по 3 марта 2013 г. делегация ученых Татарстана находилась с рабочим визитом в Исламской Республике Иран. Ученые принимали участие в работе Второй выставки «Передовые российские технологии» – «Russian Hi-Tech 2013» в Тегеране. На выставку приехали более 100 экспертов из России, Украины и Белоруссии. Делегация Татарстана, возглавляемая президентом Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгаровым, состояла из 12 человек.

Выставка проходила в Nejab Hall Тегерана. Для ее участников была предоставлена уникальная возможность провести презентации, которые посетили руководители и специалисты профильных иранских министерств и ведомств.

Свои технологии представили в общей сложности 70 компаний из России. Разработки из Татарстана размещались на 8 стендах. Большой интерес специалистов Ирана вызвали такие технологии наших ученых, как «Окислительно-каталитический процесс ДМС для очистки тяжелых нефтей от сероводорода и меркаптанов» (ОАО «ВНИИУС» АН РТ), «Использование системы МРТ для исследования образцов керна в полевых условиях» (Казанский физико-технический институт РАН), «Технологии обработки поверхности металлов плаз-

менным методом и технология очистки мединструментов, воды и воздуха» (КНИТУ-КАИ), «Лечебно-иммобилизационная шина и оказание медицинской помощи при повреждении крупных сосудов» (КГМУ) и «Имитационное моделирование сервисного обслуживания нефтедобычи и транспортной логистики» (Институт информатики АН РТ). Состоялись предварительные переговоры о проведении совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в рамках деятельности Татарстано-Иранского комитета по научно-технологическому сотрудничеству.

В рамках выставки проходил специализированный семинар «Технологии и оборудование для разведки, производства и добычи углеводородов». Его провели Иранская национальная нефтяная компания совместно с Научно-промышленным отделом Посольства Исламской Республики Иран в Москве и Центром технологического сотрудничества и новых технологий при Президенте Исламской Республики Иран.

В программе поездки делегации ученых Татарстана было также посещение технологического парка «Пардис» под Тегераном, поездка в крупнейший город Ирана Исфahan, где они познакомились с Исфahanским университетом и технопарком при университете.

Затем сотрудники ВНИИУС в составе делегации Татарстана во главе с президентом Академии наук Татарстана А.М.Мазгаровым вылетели на северный берег Персидского залива в город Ассалуйе, где расположен один из крупнейших в мире газохимических комбинатов. Здесь в самом ближайшем будущем будут построены по технологиям ОАО «ВНИИУС» АН РТ 3 установки мощностью 4 млн тонн в год по очистке конденсата от сернистых соединений. Оборудование для этих установок уже готово для монтажа. Пуск запланирован на начало 2014 г.

Также завершены проектные работы и изготовлено оборудование для промышленной установки по производству одоранта из меркаптансодержащего конденсата Южного Парса. Ее мощность будет достигать 800 тонн в год, что позволит полностью покрыть потребность Ирана в одоранте и отказаться от импорта дорогостоящего синтетического одоранта, закупаемого Ираном в настоящее время в Европе.

Еще одним значительным результатом поездки татарстанских ученых в Исламскую Республику Иран стало достижение договоренности между Академией наук РТ и RPI (Научно-исследовательский институт нефтяной промышленности Ирана) о проведении совместных исследований по переработке диалкилдисульфидов, а также по разработке процесса окислительной очистки нефти и нефтепродуктов от общей серы.

* * *

11 марта в Республиканском молодежном общественном фонде «Сэлэт» состоялась публичная лекция вице-президента по международным вопросам Британского Королевского общества, профессора Мартина Полякова. Тема лекции – «From Test Tube to YouTube» («Из пробирки – в YouTube»).

Лекция посвящалась проекту на YouTube «Периодическая система видео» (www.periodicvideos.com), созданному профессором Поляковым и его коллегами. Проект представляет собой сайт, на котором имеется видео для каждого из 118 элементов периодической таблицы. В настоящее время на сайте размещено 471 видео. Проект пользуется большой популярностью – зарегистрировано 38

миллионов просмотров и 221000 подписчиков. Возраст аудитории колеблется от 5–6-летних детей до лауреатов Нобелевских премий.

Профессор Мартин Поляков прибыл в Казань для участия в Британско-Российском симпозиуме «Горизонты науки-2013», который откроется завтра, 12 марта.

* * *

12 марта 2013 г. в ГРК «Ривьера» (г.Казань) состоялось открытие Британско-Российского симпозиума «Горизонты науки – 2013», который организован благодаря совместной деятельности Британского Королевского общества, Российской академии наук и Академии наук Республики Татарстан. В церемонии открытия приняли участие президент Академии наук Республики Татарстан Мазгаров Ахмет Мазгарович, вице-президент Британского Королевского общества Мартин Поляков и заместитель посла Великобритании в России Денис Киф, вице-президент по исследовательским программам Сколковского института науки и технологии Матс Нордлунд.

Открыл симпозиум президент АН РТ А.М. Мазгаров. Он выступил с приветственным словом и также зачитал приветственное слово от посла РФ в Великобритании А.В. Яковенко. С британской стороны выступили вице-президент Британского Королевского общества, а также иностранный член РАН Мартин Поляков и заместитель посла Великобритании в России Денис Киф.

Симпозиум проходил с 12 по 14 марта 2013 г. в ГРК «Ривьера». Он объединяет молодых ученых из различных областей естественных наук для обмена новыми идеями в области научных исследований. Участниками «Горизонты науки – 2013» являются более шестидесяти ученых, которые отбирались в двустороннем формате: 50% ученых – представители Великобритании, 50% – ученые из различных городов Российской Федерации.

Особенностью симпозиума является возрастное ограничение для членов оргкомитета и участников: они не должны быть старше 45 лет и иметь более 20 лет опыта работы после защиты кандидатской диссертации. Рабочим языком мероприятия будет английский.

Программа симпозиума состояла из докладов в рамках 8 секций: биология, нейробиология, физика, информационные технологии, астрономия, геология, микробиология, химия.

* * *

13 марта Академию наук Республики Татарстан посетили участники Британско-Российского симпозиума «Горизонты науки – 2013», который проходит в Казани с 12 по 14 марта. Молодых ученых и вице-президента Британского Королевского общества Мартина Полякова принимал президент Академии наук Татарстана А.М. Мазгаров.

* * *

12–15 марта 2013 г. в Институте проблем экологии и недропользования АН РТ прошла Третья Всероссийская научная конференция с международным участием «Динамика современных экосистем в голоцене». В центре внимания конференции находились вопросы динамики отдельных компонентов экосистем, методы их изучения, оценки влияния

природных и антропогенных факторов на наземные и водные экосистемы в голоцене.

В конференции приняли участие 83 специалиста из 5 стран. В ходе работы конференции было заслушано 59 устных и 17 стендовых научных докладов. Докладчики представляли 30 организаций из Российской Федерации и зарубежья: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт географии РАН (Москва), Геологический институт РАН (Москва), Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН (Москва), Институт криосферы Земли СО РАН (Тюмень), Институт систематики и экологии животных СО РАН (Новосибирск), Тюменский государственный университет, Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень), Институт земной коры СО РАН (Иркутск), Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (Казань), Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань), Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (Москва), Институт экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург), Санкт-Петербургский университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (Томск), Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пущино), Тверской государственный университет, Институт аридных зон Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), Institute of Zoology, Zoological Society of London (London, United Kingdom), Centre of New Technologies, University of Warsaw (Warsaw, Poland), University of Ljubljana (Domžale, Slovenia) и др.

Специалистами были представлены новые научно-методические подходы к исследованию экосистем и их отдельных компонентов, обсуждались дискуссионные вопросы истории экосистем Евразии в голоцене. Конференция в очередной раз продемонстрировала эффективность комплексных исследований, базирующихся на интеграции методов палеоботаники, палеозоологии, почвоведения, седиментологических исследований, молекулярной палеонтологии, изотопного анализа, мерзлотоведения, статистического анализа данных, геоинформационных технологий и полевой археологии применительно к изучению истории экосистем.

* * *

18 марта 2013 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное мероприятие, посвященное 70-летию академика РАН и почетного академика АН РТ Рашида Алиевича Сюняева.

Открыл торжество президент АН РТ Ахмет Мазгаров: «Мы гордимся тем, что выдающийся астрофизик современности, славный сын татарского народа Рашид Алиевич Сюняев принадлежит научному сообществу Татарстана. Юбилей ученого с мировым именем – знаменательное событие для его соотечественников, но он актуален и для международного научного сообщества».

Президент Академии наук РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров вручил юбиляру Золотую медаль Академии наук РТ «За достижения в науке».

Затем слово для поздравления от имени Правительства Республики Татарстан было предоставлено заместителю Председателя Государственного Совета РТ Римме Атласовне Ратниковой, которая поздравила Рашида Алиевича от имени первого Президента Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева и председателя Государственного Совета РТ Ф.Х. Мухаметшина.

На торжество приехал один из учеников и соратников юбиляра – Марат Ра-вильевич Гильфанов, почетный академик АН РТ, ведущий научный сотрудник ИКИ РАН, лидер научной группы в Институте астрофизики Общества имени Макса Планка, экстраординарный профессор Амстердамского университета. Тема его доклада «Полвека в науке: от теории аккреции и физической космологии до рентгеновских спутников» была посвящена Учителю и его вкладу в астрофизику и космологию.

Выступление самого юбиляра называлось несколько необычно, но соответствовало поводу, по которому собралось научное сообщество Татарстана: «Как я пришел в мир астрофизики: влияние семьи, учеба, Я.Б. Зельдович, коллеги, ученики, «былое и думы». Рашид Алиевич Сюняев рассказал о главных вехах своего научного пути и о людях, которые повлияли на его формирование как ученого.

Особая гордость знаменитого астрофизика – его семья, дети, которые выбрали, как и их выдающийся отец, служение науке. На торжественном мероприятии выступил молодой представитель ученых-Сюняевых – сын Рашида Алиевича, профессор медицины Гарвардского университета Шамиль Рашидович Сюняев. Тема его выступления «Геном человека и геномы других организмов».

Затем выдающегося ученого поздравил с 70-летним юбилеем от имени Российской академии наук академик РАН, директор Казанского физико-технического института РАН Кев Минуллинович Салихов.

От имени Казанского федерального университета поздравил юбиляра ректор КФУ Ильшат Ракипович Гафуров, от астрофизиков Казани – профессор Казанского федерального университета, академик Наиль Абдуллович Сахибуллин.

Закончилось торжество тем, что Рашид Алиевич Сюняев подарил трем казанским астрофизикам ноутбуки.

* * *

25 марта в малом зале Академии наук РТ прошла презентация книги ученого и писателя Анвара Хайри «Повествование о путешествии Ахмеда Ибн Фадлана, написанное во время поездки в 921–922 годах в Булгарское государство».

На презентацию пришли ученые, писатели и общественные деятели. Профессор Э.Р.Тагиров в своем выступлении рассказал об истории создания самого Повествования. Повествование о путешествии, написанное ответственным секретарем Багдадского посольства Ахмедом Ибн Фадланом во время поездки в 921–922 гг. в столицу Булгарского государства, является уникальным рукописным источником о быте, обрядах и обычаях, традициях, истории культуры многочисленных народов, живших в первой четверти X века, в том числе и наших древних булгарских предков. Его научная и историческая ценность актуальна по сегодняшний день.

Затем слово предоставили Анвару Хайри. Он отметил, что до сих пор исследователи и переводчики этой книги не обращали внимания на правописание каждого его слова и не постигли сути этого бесценного труда. Анваром Хайри проделана большая работа по изучению лингвистической и лексической составляющей повествования Ибн Фадлана, что позволило раскрыть истинный смысл многих слов.

Директор Национальной библиотеки Татарстана Н.А.Камбеев заметил, что уникальность этого издания не вызывает сомнений. «Повествование о путешествии Ахмеда Ибн Фадлана, написанное во время поездки в 921–922 годах в Булгарское государство» (новое в переводе на русский язык и научных комментариях). – Казань: Изд-во «Слово», 2012, с иллюстрациями, на татарском (532 стр.) и русском (511 стр.) языках – представляет не только познавательный, но и художественный интерес.

О большом значении проделанного Анваром Хайри труда говорили также члены-корреспонденты АН РТ Ф.Ш.Хузин, А.Г.Мухамадиев, Р.М.Мухаметшин, профессор КФУ Х.Ю.Миннегулов, академик АН РТ М.З.Закиев, поэт и прозаик Т.Н.Набиуллин, ректор Института развития образования Республики Татарстан КФУ Р.Ф.Шайхелисламов. Интересные предложения высказал сотрудник аппарата Президента РТ, историк Р.Б.Гайнетдинов. По его мнению, необходимо распространить эту книгу по академиям наук других республик, таких как Узбекистан, Башкортостан, Таджикистан и т.д. Кроме того, есть необходимость перевести этот труд и на английский язык – это значительно расширит круг читателей. Но самым необычным предложением было организовать для сегодняшних студентов-историков путешествие по маршруту Ибн Фадлана. Желающие могли приобрести на презентации новую книгу.

* * *

28 марта 2013 г. состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан. Заседание проходило в Казанском государственном аграрном университете.

На повестке дня стояло три вопроса, связанных с развитием сельского хозяйства в Татарстане. Доклад о современном состоянии и проблемах развития сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО сделал ректор КГАУ, член-корреспондент АН РТ Файзрахманов Джаудат Ибрагимович. Заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия РТ по экономике и аграрным преобразованиям Якушкин Николай Михайлович посвятил свое выступление Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Татарстан на 2013–2020 гг. О проекте «Инновационный Агробиотехнопарк Республики Татарстан» сделал сообщение проректор по научной работе и инновациям КГАУ, кандидат технических наук Валиев Айрат Расимович.

* * *

4 апреля 2013 г. президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров принимал участие в расширенном совещании по вопросу формирования инновационного кластера на базе Оренбургского газохимического комплекса.

В рамках мероприятия состоялось три круглых стола, в которых были рассмотрены такие проблемы, как утилизация попутного нефтяного газа, реализация совместных проектов между предприятиями Оренбургской области и сопредельных регионов, в частности применение серы в производстве строительных материалов, очистке сточных вод и прочих сферах, производство новых видов продуктов на основе сераорганических соединений, реализация проектов в сфере газомоторного топлива. Президент Академии наук Татарста-

на А.М.Мазгаров выступил с докладом на круглом столе № 2 «Производство новых видов продуктов на основе сераорганических соединений». Доклад Ахмета Мазгаровича вызвал большой интерес.

Волжский научно-исследовательский институт углеводородного сырья АН РТ сотрудничает с оренбургскими газохимиками начиная с 1975 г. Здесь внедрены и успешно работают разработанные учеными ВНИИУС технологии по производству одоранта, очистке пропано-бутановых фракций и другие. В своем докладе президент АН РТ предложил организовать на базе Оренбургского газохимического комплекса Российский центр по исследованию, разработке и производству сераорганических соединений. Он напомнил собравшимся, что в настоящее время в России все сераорганические продукты и реагенты закупаются за рубежом. Например, за рубежом приобретается диметилдисульфид, потребность которого по России достигает около 3 тысяч тонн в год. В то же время в Оренбургском газохимическом комплексе имеются огромные ресурсы сераорганических соединений, которые при использовании соответствующих технологий могут удовлетворить эти потребности.

Идея А.Мазгарова была поддержана. На заключительном заседании Оренбургского совещания принято решение о создании Российского центра по исследованию, разработке и производству сераорганических соединений с максимальным привлечением к его деятельности ученых Академии наук Республики Татарстан.

Еще один актуальный вопрос, который обсуждался на расширенном совещании, касался использования сжатого природного газа в качестве моторного топлива для агропромышленного комплекса, что чрезвычайно важно в условиях вхождения России в ВТО. Татарстанские ученые также будут принимать активное участие в разработке технологий для использования газа в качестве моторного топлива.

* * *

10 апреля в Малом зале Академии наук Республики Татарстан состоялась презентация книги консультанта Президента Республики Татарстан по вопросам разработки нефтяных и нефтегазовых месторождений, академика Р.Х.Муслимова «Нефтеотдача: прошлое, настоящее, будущее». В презентации приняли участие вице-президент АН РТ Айрат Лесталевич Абдуллин, генеральный директор ЗАО «Нефтеконсорциум» Фанис Хамитович Валиев, генеральный директор ЗАО «Системные технологии эксплуатации месторождений» (СТЭМ) Иван Алексеевич Дьячук (г.Уфа) и другие представители научной общественности и специалисты нефтехимической отрасли.

Автор книги Ренат Халиуллович Муслимов является одним из ведущих ученых и производственников геологов-нефтяников, обогативших науку выдающимися научными трудами и уникальными экспериментами по проблемам поисков, разведки и разработки месторождений нефти. Он внес большой творческий вклад в обоснование новых высокоэффективных систем разработки нефтяных месторождений. Под его руководством и при непосредственном участии открыты десятки новых нефтяных месторождений на территории Татарстана. Р.Х.Муслимов создал и многие годы руководит татарской школой геологов-нефтяников, признанной не только в масштабе бывшего СССР, но и за рубежом. Является активным участником всех значимых форумов в области

поисков, разведки и разработки нефтяных и битумных месторождений, проведенных в последние два десятилетия.

На презентации новой книги Ренат Халиуллович рассказал, как она создавалась. В 2005 г. в издательстве «Фэн» Академии наук РТ вышла его книга «Современные методы повышения нефтеизвлечения: проектирование, оптимизация и оценка эффективности», которая разошлась очень быстро и специалисты высказывались о необходимости второго издания. Однако, по словам Муслимова, с тех пор в отрасли произошли существенные изменения. Учитывая новые реалии, он решил написать новый труд, посвященный вопросам повышения нефтеотдачи пластов. Ведь положение с коэффициентом извлечения нефти в России при внимательном рассмотрении, считает ученый-нефтяник, не внушает оптимизма, поэтому эта проблема сегодня выдвигается на первый план. Ренат Халиуллович поделился своими взглядами на многие актуальные проблемы и даже предложил пути их решения. Выступление сопровождалось оригинальными слайдами. Ученый высказал убежденность, что «полное истощение углеводородов ни в ближайшей перспективе, ни в отдаленном будущем планете не грозит».

Высокую оценку новой книге дала ее рецензент – профессор Института геологии и нефтегазовых технологий КФУ Н.Г.Нурғалиева. В частности, она отметила, что Ренат Халиуллович создал настоящую энциклопедию по проблемам нефтеотдачи, фундаментальный труд, в котором показаны тенденции развития методов увеличения нефтеотдачи не только в Татарстане и России, но и в мире. В книге вскрыты недостатки нефтяной промышленности России в воспроизводстве запасов. Большое внимание Р.Х.Муслимов уделил исследованию совершенствования разработки истощенных месторождений, что является на сегодняшний день одной из самых актуальных проблем нефтяной отрасли Татарстана.

О большой пользе и значении новой книги Р.Х.Муслимова говорили на презентации также генеральный директор ЗАО «Системные технологии эксплуатации месторождений» (СТЭМ) И.А.Дьячук (г.Уфа), генеральный директор ЗАО «НИЦ Геотехнефтегаз» Р.Х.Закиров, генеральный директор ОАО «Иджат» А.А.Газизов, зав. кафедрой высоковязких нефтей и природных битумов Института геологии и нефтегазовых технологий КФУ А.Ф.Кемалов, руководитель сектора анализа проектов ВНИГНИ А.С.Якимов (г.Москва), руководитель ООО «Дельта Ойл Проект» Д.В.Булыгин, генеральный директор ОАО «НИИ-нефтепромхим» Н.А.Лебедев.

* * *

10 апреля в Казани прошло отчетно-выборное собрание Казанского научного центра Российской академии наук. В работе собрания принимает участие президент Академии наук Республики Татарстан А.М. Мазгаров.

На повестке дня – отчет о деятельности КазНЦ в 2008–2012 гг., с которым выступает председатель Центра, академик **О.Г. Синяшин**, а также выборы тайным голосованием председателя и состава президиума КазНЦ.

В соответствии с решением комиссии по выборам КазНЦ от 29 марта 2013 г. кандидатом для избрания на должность председателя КазНЦ зарегистрирован **О.Г.Синяшин**, кандидатами для избрания членами президиума Центра: **Андрей Карасик** – замдиректора по научной работе ИОФХ, **Валерий Тарасов** – замдиректора по научной работе КФТИ, **Татьяна Горшкова** – профессор, завла-

бораторией КИББ, **Ринат Зарипов** – замдиректора по научной работе ИММ, **Валерий Шлянников** – директор филиала КазНЦ РАН – Исследовательского центра проблем энергетики, **Геннадий Осипов** – замдиректора по инновационно-экономической деятельности Исследовательского центра проблем энергетики.

Президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров вошел в состав президиума КазНЦ РАН. «КазНЦ РАН должен стать мозговым центром. И в него должны войти люди, которые занимаются развитием науки в республике», – заявил 10 апреля на Общем собрании Казанского научного центра РАН вновь избранный председатель центра О.Г.Синяшин. Он предложил ввести в состав президиума КазНЦ РАН Александра Елизарова – директора Казанского филиала Межведомственного суперкомпьютерного центра РАН, Ахмета Мазгарова – президента Академии наук РТ, Владимира Иванова – генерального директора ОАО «НПО «Государственный институт прикладной оптики», Ильшата Гафурова – председателя Совета ректоров вузов РТ, ректора КФУ. Его предложение было поддержано. Члены президиума – всего 21 человек – были избраны на Общем собрании тайным голосованием.

* * *

14 апреля в Академии наук Республики Татарстан стартовал V Республиканский конкурс «Эрудит Татарстана». Организаторы – АН РТ, Министерство образования и науки РТ, Инновационный парк «Идея», Академический лицей им. Н.И. Лобачевского.

В Актовом зале Академии наук Республики Татарстан собрались около 300 учащихся из Казани, городов и районов Татарстана – победители первого школьного тура «Эрудита». Открытие конкурса проходило в торжественной обстановке. К участникам со словами доброго напутствия обратились: советник президиума АН РТ, академик А.В.Ильясов, бессменный председатель жюри «Эрудита», член-корреспондент АН РТ Ф.Ш.Хузин, генеральный директор ОАО «ИПТ «Идея», член-корреспондент АН РТ С.В.Юшко, директор учебно-методического центра, ответственный секретарь приемной комиссии КФУ С.И.Ионенко и ведущий консультант отдела среднего и общего образования Министерства образования и науки РТ Г.И.Исламова.

После открытия конкурса его участники направились в главное здание Казанского федерального университета, где должен был состояться второй (письменный) тур. В нем приняли участие учащиеся более 100 школ из 24 районов Республики Татарстан и 35 школ Казани. Конкурсанты ответили за 100 минут на 100 вопросов по десяти школьным предметам. Особенностью конкурса этого года стало то, что юным эрудитам были предложены также вопросы по татарскому языку и татарской литературе.

* * *

16 апреля в Академии наук Республики Татарстан состоялась публичная лекция члена-корреспондента РАН, действительного члена Российской академии художеств, почетного члена АН РТ, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского. Тема лекции – «Большой Эрмитаж».

М.Б.Пиотровский рассказал в своей лекции о современной концепции и грандиозных планах развития ближайшего будущего одного из самых красивых музеев России и мира, которому в 2014 г. исполняется 250 лет. Доклад

сопровождался очень интересными и информативными слайдами. Директор Государственного Эрмитажа в очередной раз подтвердил свою глубокую компетентность в музейном деле, ораторский талант и мастерство научного популяризатора, искреннюю увлеченность и чувство большой ответственности за уникальное музейное наследие Эрмитажа.

По словам М.Б.Пиотровского, музей – это мощнейший научный, образовательный центр и центр просвещения. «Концепция «Большого Эрмитажа» – это концепция динамичного глобального присутствия мирового музея в мире, и Центр «Эрмитаж-Казань» присутствует в мире вместе с нами», – подчеркнул М.Пиотровский, говоря о филиале музея в столице Татарстана. Он высоко оценил его работу и обратил внимание на то, что «Эрмитаж-Казань» уникален, как и любой другой центр Эрмитажа.

М.Б.Пиотровский напомнил, как создавался этот центр, и отметил, что сейчас там организуются выставки, которые проводятся с учетом и интереса научной общественности, и общей программы эрмитажных выставок. Что касается создания центров в других городах, М.Пиотровский обратил внимание на то, что для этого требуется несколько лет серьезной работы. «Пока что всем говорю: «Можете, как Казань?». Пока что никто в России, как Казань, не может», – резюмировал он.

В ходе выступления лектор обратил внимание на значение музея как сочетание музея, академии и университета. «Музей в настоящее время – один из способов получения того, что требуется сегодняшнему миру – непрерывное обучение людей», – уверен М.Пиотровский. Кроме того, музей воспитывает в людях вкус.

Говоря о взаимоотношении власти и культуры, М.Пиотровский отметил: «Стране, чтобы быть конкурентоспособной, нужна очень высокая, во всем мире признанная культура. Это должно делаться поддержкой культуры, которой должны даваться деньги, и мы должны понимать, что она может не соответствовать ежедневным политическим устремлениям. За это культура должна оказывать услугу – высокую, когда людям предоставляется возможность получать удовольствие, образование, отвлекаясь от своих других дел, проблем, и они воспитываются в нужном для государства духе».

В этот же день в центре «Эрмитаж-Казань» в преддверии Универсиады-2013 открылась выставка «Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа». На ней представлено около 300 экспонатов из коллекции Эрмитажа, рассказывающих об истории Олимпийских игр.

* * *

18 апреля 2013 г. состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

На повестке дня было четыре основных вопроса. Обстоятельный доклад на тему «Казанский физико-технический институт – сегодня и завтра» сделал директор КФТИ КазНЦ РАН, академик К.М.Салихов.

Председатель комиссии по отбору и поддержке талантливой молодежи, академик Н.А.Сахибуллин ознакомил членов президиума АН РТ со списками победителей молодежных научных грантов и республиканских премий на 2013 г. Всего было подано 196 заявок из 25 учреждений республики на 20 грантов и 12 премий. После обсуждения президиум утвердил списки победителей.

Затем был объявлен конкурс на соискание премий Академии наук Республики Татарстан имени Г.Г. Ибрагимова (за лучшие работы в области татарского языкознания и литературоведения), В.П. Мосолова (за лучшие работы в области сельскохозяйственных наук), А.Г. Терегулова (за лучшие работы в области медицины и здравоохранения) в 2013 г. Члены президиума утвердили календарный план работы комиссии президиума АН РТ по присуждению именных премий.

Последний вопрос «О допуске работ к участию в конкурсе на соискание Государственных премий в области науки и техники РТ 2013 года» рассматривался в «закрытом формате».

* * *

20 апреля 2013 г. кафедра ЮНЕСКО Института проблем экологии и недропользования АН РТ при поддержке Министерства экологии и природных ресурсов РТ, с участием компании Coca-Cola Hellenic и международной кафедры ЮНЕСКО Университета управления «ТИСБИ» провела субботник в одном из самых популярных мест отдыха жителей Казани – саду «Эрмитаж».

В мероприятии приняли участие сотрудники Института проблем экологии и недропользования АН РТ и компании Coca-Cola Hellenic, волонтеры Универсиады-2013, сотрудники и студенты Университета управления «ТИСБИ», сотрудники Научно-исследовательского института «Прикладная семиотика» АН РТ – всего около 200 человек. С территории сада «Эрмитаж» было собрано 50 кубометров мусора, который вывезли на свалку 5 грузовых машин.

Коллектив Института проблем экологии и недропользования АН РТ благодарит всех участников субботника за неравнодушие, любовь к своему городу и желание сделать город чище и краше!

* * *

26 апреля прошло очередное заседание Научного совета Академии наук Республики Татарстан по геологии и разработке нефтяных месторождений под председательством действительного члена АН РТ Р.Х. Муслимова.

* * *

29 апреля в Академии наук Республики Татарстан состоялась публичная лекция ректора КФУ, доктора экономических наук, профессора Ильшата Гафурова на тему «Конкурентоспособность и конкурентная стратегия территорий». После лекции было подписано Соглашение о сотрудничестве между Академией наук Республики Татарстан и Казанским федеральным университетом, скрепленное подписями президента АН РТ Ахмета Мазгарова и ректора КФУ Ильшата Гафурова.

Представляя ректора Казанского (Приволжского) федерального университета, председателя Совета ректоров Татарстана, доктора экономических наук, профессора Ильшата Рафкатовича Гафурова, Ахмет Мазгарович остановился на некоторых важных этапах биографии Гафурова – депутата Государственного Совета РТ первого созыва, заместителя председателя постоянной комиссии по вопросам экономического развития и реформ, участника подготовки законов об инвестициях, Закона Республики Татарстан «О свободной экономической зоне «Алабуга» и т.д. Значительный этап в его жизни связан с работой

в должности главы администрации Елабужского района и города Елабуги, во время которого Елабуга превратилась в «музей под открытым небом», были открыты уникальный мемориальный комплекс поэтессы Марины Цветаевой, модернизирован краеведческий комплекс города.

Круг научных интересов Ильшата Рафкатовича касается экономической теории и практики. «Это довольно редкий случай, – подчеркнул Ахмет Мазгаров, – когда человек смог обобщить и обосновать с научной точки зрения свой административный и организаторский экономический опыт». В научном багаже И.Гафурова более 80 публикаций, среди которых выделяются работы, посвященные исследованию методологии формирования особых экономических зон, оценке экономической эффективности государственной промышленной политики, планово-программным подходам к управлению социально-экономическим развитием территории. Докторская диссертация Ильшата Рафкатовича Гафурова была посвящена проблеме стратегического программирования развития промышленного сектора-территории. Важным достижением И.Р.Гафурова как ученого и менеджера явилось использование его исследований, в том числе кластерной методологии формирования промышленной инфраструктуры, для создания особой экономической зоны «Алабуга» – первой и крупнейшей ОЭЗ промышленно-производственного типа в России. В кратчайшие сроки ОЭЗ «Алабуга» стала центром притяжения сил отечественных и зарубежных компаний, приобретая все большее значение для активизации инновационного процесса в Республике Татарстан и стране в целом, наращивания выпуска продукции высокотехнологичных отраслей, совершенствования транспортной системы.

Затем слово было предоставлено Ильшату Рафкатовичу. Лекция длилась час с лишним, сопровождалась слайдами, в конце был показан видеоролик.

Гафуров в своей лекции говорил о новой парадигме развития территорий. Еще в 1980-х гг. сформировались основные постулаты теории городского маркетинга. Один из них – территория должна искать и эффективно использовать свои конкурентные преимущества, на их основе формировать долгосрочные цели развития и определять точки роста.

– Когда мы приступили к реализации проекта конкурентоспособного продукта под названием «Елабуга», очень мало людей верило в возможность этого, – вспоминал Гафуров. – Состояние территории, прошедшей в своем развитии тысячу лет, не стимулировало никого на излишний оптимизм. Для жителей Елабуги начало 1990-х гг. характеризовалось крушением надежд увидеть родной город мощным промышленным центром, где должны были состояться крупнейшие машиностроительные заводы Европы. Осталось в стадии незавершенного строительства более 400 тысяч квадратных метров площадей производственной и социальной инфраструктуры, возник огромный объем незадействованных мощностей. Число безработных превысило 7 процентов. По сути, это был город-банкрот.

Новая команда района рассмотрела 6 базовых сценариев развития города и района. При этом они «нефтедобывающий кластер не рассматривали в качестве основного», подчеркнул докладчик. Хотя в районе ежегодно добывают около 2 млн. т нефти. Первым шагом к возрождению города и района стало создание свободной экономической зоны «Алабуга». Сегодня ОЭЗ – гордость Татарстана.

«Здесь важен тот факт, что весь этот период нашим главным партнером было руководство республики», – сказал докладчик. Он также отметил, что имен-

но «прозрачность и открытость проводимой политики» оказались решающим фактором для того, чтобы ее поддержали «вышестоящие органы управления». В итоге в то время Елабуга занимала первое место в России по инвестициям из федерального бюджета.

Программа социально-экономического развития Елабужского района и Елабуги на 2002–2006 гг. стала первым республиканским пилотным проектом. В 2003 г. эта программа была признана лучшей в Приволжском федеральном округе.

Рассказал И.Гафуров и о том, как сохранили памятники Елабуги: «Практически все дома были приватизированы – там были объекты бизнес-структур, магазины. Но все это находилось в таком неприглядном состоянии. Для нас, честно говоря, пустующие ветхие здания выгоднее было снести. По первому генплану Елабуги старая часть должна была идти под снос... Везде должны были строиться коттеджные городки... Но мы не могли этого сделать по той простой причине, что у нас было желание сохранить историко-архитектурные и культурные ценности для будущих поколений».

Руководство Елабуги поставило перед собой непростую задачу, «чтобы культурные объекты из затратной части бюджета стали одним из источников доходов». «Поскольку музеи не могут столько доходов приносить, нужно было как-то раскручивать туристический бизнес, – рассказал Гафуров. – Мы начали выделять определенные денежные средства, подтягивать спонсоров, как сейчас модно говорить, хозяйствующие субъекты, находящиеся на территории. Причем доход они должны были приносить и за счет косвенных вещей, когда туристы приезжают и оставляют деньги в магазинах».

Как рассказал докладчик, «был включен административный ресурс», и многие государственные, муниципальные учреждения постарались переселить в старый город и тем самым оживить его. В результате «удалось добиться некоторого делового оживления основных исторических кварталов».

«Затем, после долгих переговоров с предпринимателями, представителями министерства культуры, причем как республики, так и Российской Федерации, было принято решение о продаже объектов частным инвесторам, – напомнил Гафуров. – В частную собственность были переданы более 100 памятников истории и культуры. Это и сегодня разрешено еще не совсем, а тогда была попытка возбудить на нас уголовные дела».

Профессор Гафуров рассказал о том, как в 1998 г. в интервью журналу «Российская Федерация» он заявил, что «пройдет несколько лет и о Елабуге узнает весь мир». Тогда многие смеялись над этим, а сегодня эти слова реализованы.

Отдельное внимание было уделено ближайшим перспективам развития Казанского федерального университета. В Набережных Челнах совместно с КамАЗом будет создана высшая школа автомобильного инжиниринга. Кроме того, КФУ получил лицензию на подготовку по врачевным специальностям: *медицинская биохимия, медицинская физика и биофизика, медицинская кибернетика и информатика, общая медицинская генетика и другие*.

В заключение публичной лекции было торжественно подписано Соглашение о сотрудничестве между Академией наук Татарстана и Казанским университетом.

* * *

7 мая 2013 г. президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров встретился с представителями средств массовой информа-

ции. Встреча, состоявшаяся в малом зале АН РТ, продолжалась полтора часа, в течение которых журналисты задали президенту АН РТ интересные их вопросы.

Встреча в подобном формате перед летними каникулами Академии наук Татарстана проводится впервые. Цель – поделиться с журналистами основными итогами деятельности Академии наук РТ за прошедший год, рассказать о главных достижениях и проблемах научного сообщества республики. Подобные встречи планируется сделать традиционными и проводить их накануне годовичного Общего собрания АН РТ.

А.Мазгаров напомнил, что в мире работают 125 государственных академий: «Из них наша – единственная, которая занимается комплексно проблемами языка, истории, культуры восьмимиллионного татарского народа». Президент АН РТ рассказал о некоторых достижениях АН РТ. Так, Институт истории заканчивает семитомную историю татарского народа с древнейших времен до наших дней. Институт Татарской энциклопедии готовит 6-й том «Татарской энциклопедии» на русском языке. А еще подготовил к Универсиаде подарочную иллюстрированную энциклопедию «Татарстан». Ее планируется отпечатать к началу студенческих игр. В Институте языка, литературы и искусства вышли в свет 12 томов из 15-томного собрания сочинений Гаяза Исхаки.

Крупное достижение ТатНИПИнефти – технология увеличения продуктивности скважин. А лицензию на созданную во ВНИИУС АН РТ технологию по очистке легкой нефти от сернистых соединений приобрел в этом году Иран – там строятся по ней три гигантских комплекса мощностью по 4 млн. т в год. Академия наук РТ, ТатНИПИнефть и КФУ по поручению Президента РТ Рустама Минниханова разработали программу освоения сланцевой нефти и сланцевого газа на территории республики. Ученые анализировали, в каких районах можно вести добычу, какие технологии применять. «Наверное, потихоньку начнем пока в разведывательном плане, – предположил президент АН РТ. – Потому что стопроцентной гарантии экологической безопасности нет, это, во-первых. И, во-вторых, нет стопроцентной гарантии успеха, рентабельности этого предприятия, в отличие от нормальных запасов газа и нефти».

Журналисты поинтересовались мнением Ахмета Мазгарова о работе в Академии наук РТ группы оптимизаторов рабочего времени Томаша Навратила. Президент согласился с мнением вице-президента АН РТ Р.С.Хакимова, высказанным в печати: к науке методика Навратила не подходит.

Еще один вопрос журналистов касался библиотеки имени Минтимера Шаймиева. Одним из инициаторов ее создания примерно год назад выступил Ахмет Мазгарович. Академия наук обратилась тогда к первому Президенту РТ с письмом, предложив создать такую президентскую библиотеку, и Шаймиев согласился. Но как объяснил Ахмет Мазгарович, пока не решен вопрос с помещением, а президентская библиотека должна быть в Кремле.

Высказал свою позицию президент АН РТ и по отношению противостояния Российской академии наук (РАН) и Министерства образования и науки РФ. Мазгаров поддержал предложение Нобелевского лауреата академика Жореса Алферова – Министерство просвещения должно быть отдельно, Российская академия наук, Министерство науки РФ – отдельно. Президент АН РТ считает, что сегодня «образование в школе никудашно». Он возмутился тем, что 90% выпускников школ сегодня не понимают, что такое логарифмы, логарифмическая зависимость, и даже не могут сложить $1/3$ и $0,3$.

15 мая пройдут выборы новых членов Академии наук РТ. Несколько вопросов журналистов касались выдвинутых кандидатур. Например, кандидатами в члены-корреспонденты АН РТ выдвинуты Раис Хисамов – доктор геолого-минералогических наук, заместитель гендиректора, главный геолог ОАО «Татнефть», и Рафинат Яруллин – доктор химических наук, гендиректор ОАО «Татнефтехиминвестхолдинг». Ахмет Мазгарович ответил: «Хисамов Раис Салихович – один из крупнейших геологов России! У него где-то 8–9 великолепных трудов, книг, монографий по геологии, по добыче тяжелых нефтей. Он очень крупный ученый. Его давно надо было избрать. Рафинат Саматович Яруллин – авторитетнейший нефтехимик не только в масштабах республики, но и в масштабах России. Он ученый, инженер, который прошел путь от аппаратчика до заместителя генерального директора «Нижнекамскнефтехима». Это не простые чиновники, «генералы», а настоящие ученые. Эти две кандидатуры ни у кого никаких сомнений не вызывают».

В завершение Ахмет Мазгарович обратился к журналистам: «Думаю, вы хорошо понимаете, что мы должны донести до общества мысль, что наука, знания, образование – это то, без чего в современном мире жить невозможно. И здесь главная роль отводится вам, журналистам, которые являются связующим звеном между учеными и обществом. Только в тесном сотрудничестве научного сообщества с журналистами мы сможем донести до аудитории самые актуальные новости и события из мира науки».

* * *

Почетный академик АН РТ, действительный член РАН Рашид Алиевич Сюняев избран Эйнштейновским профессором Китайской академии наук.

Президент Китайской академии наук, профессор Бай Чунли поздравил Р.А.Сюняева с избранием Эйнштейновским профессором Китайской академии наук, вместе с 19 другими иностранными учеными, мировыми лидерами в различных областях науки и технологии.

Звание Эйнштейновского профессора является высшим отличием Китайской академии наук для иностранных ученых. В правилах присуждения звания написано: «Звание Эйнштейновского профессора присваивается ученым, получившим мировое признание в качестве лидеров в своей области, подтвержденное наградами и премиями, приглашенными лекциями, членством в национальных и международных комитетах и историей публикаций».

Ожидается, что Р.А.Сюняев прочитает несколько лекций в ведущих университетах и научных центрах Китайской академии наук, профилирующихся в области астрофизики высоких энергий и космологии. В обмен для совместных исследований в Институт астрофизики Общества Макса Планка в Гаршинг приедут один или два молодых перспективных китайских ученых на срок от одного до трех месяцев (с возможностью продления до шести месяцев). Эти визиты будут финансироваться Китайской академией наук.

* * *

Поздравляем! Лауреатом премии «Серебряный моль» стал Аналитико-технологический центр Центрального научно-исследовательского института геологии нерудных полезных ископаемых. Центр признан лучшей лабораторией года.

* * *

15 мая 2013 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось годовичное Общее собрание Академии наук Республики Татарстан. В работе Общего собрания приняли участие Председатель Государственного Совета РТ Фарид Хайруллович Мухаметшин, Государственный советник Минтимер Шарипович Шаймиев, председатель КазНЦ РАН Олег Герольдович Синяшин, руководители министерств и других государственных ведомств, научных учреждений и вузов Татарстана.

Работа Общего собрания началась с процедуры награждения Государственного советника РТ, первого Президента РТ Минтимера Шариповича Шаймиева медалью «За достижения в науке».

Президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров, говоря о решении президиума АН РТ наградить М.Ш.Шаймиева высшей наградой АН РТ – Золотой медалью, напомнил собравшимся о том, что Академия наук РТ была учреждена Указом первого Президента Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева.

«Сегодня я еще раз хочу подчеркнуть, насколько значительной оказалась роль этого человека в создании и развитии нашей академии, в сохранении научного потенциала республики. Точное понимание важных моментов исторической эпохи и насущных проблем своего народа и республики, осознание того, как необходима науке, интеллектуальной элите поддержка государства – всегда отличали Минтимера Шариповича, – говорил А.М.Мазгаров. – И сейчас, в статусе Государственного советника, он убедительно продолжает этот курс: ведет масштабный проект – возрождение сразу двух памятников: православного острова-града Свияжск и мусульманского Болгара – того места, где был принят ислам...Поистине благородную и великую цель поставил Минтимер Шарипович! И уже многое сделано!».

Золотая медаль № 1 Академии наук Республики Татарстан присуждена Государственному советнику Республики Татарстан Минтимеру Шариповичу Шаймиеву за большой личный вклад в развитие науки в Республике Татарстан (протокол № 5 от 29 ноября 2012 года).

Затем президент АН РТ академик А.М. Мазгаров представил вниманию собравшихся доклад «Основные итоги деятельности Академии наук Республики Татарстан в 2012 году и очередные задачи». В прениях выступили: директор ТатНИПИнефть, академик Р.Р.Ибатуллин, академик-секретарь Отделения медицинских и биологических наук, академик О.Н.Ильинская, директор Института проблем экологии и недропользования, доктор химических наук Р.Р.Шагидуллин, директор Центра археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани А.Г.Ситдилов.

К участникам Общего собрания обратился Председатель Государственного Совета РТ Фарид Хайруллович Мухаметшин.

Затем состоялось вручение республиканских молодежных премий и грантов победителям этого года. Конкурс проводится в целях усиления государственной поддержки молодых ученых в Республике Татарстан, проводимых ими научных исследований и повышения престижа научной деятельности, начиная с 2004 г. ежегодно. Предлагается 20 грантов – для поддержки научных исследований молодых ученых и молодежных научных коллективов в РТ и 12 научных

премий – для поддержки молодых ученых в наиболее перспективных и значимых для развития Республики Татарстан областях.

Также были вручены именные премии, учрежденные Академией наук РТ для сохранения традиций крупных казанских научных школ. Всего 9 премий. Они присуждаются раз в три года. За все это время именные премии АН РТ получили 36 работ по разным направлениям науки. В 2012 г. научные работы были представлены на соискание премий: **им. Х.М.Муштари** – в области математики, механики и технических наук; **им. Г.Х.Камая** – в области химии; **им. А.Д.Адо** – в области аллергологии, иммунологии и общей патологии.

После перерыва на обед Общее собрание продолжило свою работу. Были проведены выборы новых членов АН РТ. Академия наук РТ в соответствии со своим Уставом и «Положением о выборах в Академию наук РТ» известила научную общественность республики о проведении очередных выборов действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов АН РТ и зарегистрировала кандидатов на объявленные вакансии. Всего было объявлено 9 вакансий: 1 действительного члена и 8 членов-корреспондентов. Из них 4 – с возрастным ограничением. Поданы 11 заявлений, из них 4 – на вакансии с возрастным ограничением. Во всех отделениях были проведены общественные обсуждения выдвинутых кандидатов на указанные вакансии и затем тайным голосованием в полном соответствии с «Положением о выборах в АН РТ» были проведены выборы кандидатов в действительные члены (академики) и члены-корреспонденты АН РТ на объявленные вакансии. После проведенных выборов в отделениях осталось 8 кандидатов.

Академики-секретари отделений доложили о результатах проведенных в отделениях выборов кандидатов.

В результате допущены до процедуры выборов на Общем собрании:

Кандидаты в члены-корреспонденты Академии наук РТ

1. Гафуров Ильшат Рафкатович – специальность «Экономика, организация и управление народным хозяйством (стратегии социально-экономического развития регионов»).

2. Абдрахманов Расим Миндрахманович (специальность «Дерматология»).

3. Созинов Алексей Станиславович (специальность «Биомедицинская этика») (с возрастным ограничением).

4. Тагиров Марсель Шарипзянович (специальность «Общее земледелие») (с возрастным ограничением).

5. Хисамов Раис Салихович (специальность «Геология, поиски и разведка нефтяных и газовых месторождений»).

6. Яруллин Рафинат Саматович (специальность «Химическая технология») (без возрастного ограничения).

7. Копылов Александр Юрьевич (специальность «Химическая технология») (с возрастным ограничением).

Кандидат в действительные члены Академии наук РТ

Файзрахманов Джаудат Ибрагимович (специальность «Экономика и управление народным хозяйством»)

Кандидат в почетные члены АН РТ от Отделения математики, механики и машиноведения

Алешин Николай Павлович (1941 г. рожд., доктор технических наук, зав. кафедрой Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, академик РАН).

Выборы проходили тайным голосованием. После подсчета голосов были оглашены результаты. В члены-корреспонденты избраны: И.Р.Гафуров, Р.М.Абдрахманов, А.С.Созинов, М.Ш.Тагиров, Р.С.Хисамов, Р.С.Яруллин и А.Ю.Копылов. Действительным членом Академии наук Татарстана стал Д.И.Файзрахманов. В состав почетных академиков АН РТ избран Н.П.Алешин.

* * *

15 мая Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев был награжден золотой медалью № 1 Академии наук РТ. Награду, которая была присуждена Минтимеру Шаймиеву за большой личный вклад в развитие науки в РТ, вручил президент академии Ахмет Мазгаров на годовом Общем собрании АН РТ. В мероприятии также приняли участие Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, председатель КазНЦ РАН Олег Синяшин, а также руководители министерств и других государственных ведомств, научных учреждений и вузов Татарстана.

А.Мазгаров напомнил, что АН РТ была учреждена 30 сентября 1991 г. Указом первого Президента РТ Минтимера Шаймиева. «Сегодня я еще раз хочу подчеркнуть, насколько значительной оказалась роль этого человека в создании и развитии нашей академии, в сохранении научного потенциала республики. Точное понимание важных моментов исторической эпохи и насущных проблем своего народа и республики, осознание того, как необходима науке, интеллектуальной элите поддержка государства, всегда отличали Минтимера Шариповича», – сказал президент АН РТ. По его словам, и сейчас в статусе Государственного советника РТ Минтимер Шаймиев продолжает этот курс – ведет масштабный проект возрождения сразу двух исторических памятников: острова-града Свияжск и древнего города Болгар.

А.Мазгаров также сообщил, что золотая медаль АН РТ была учреждена в прошлом году. Золотая медаль № 2 была вручена академику, крупнейшему физики XX века Роальду Сагдееву в честь его 80-летия. Золотая медаль № 3 была присуждена академику Рашиду Сюняеву, которому в этом году исполнилось 70 лет.

«Я не считаю себя ученым, – отметил после вручения награды М.Шаймиев. – Я очень уважаю ученых, потому что наука – дело жизни избранных. Я столько этому сопротивлялся, но было принято единогласное решение президиума АН РТ, а в президиуме очень уважаемые ученые, не считаться с их мнением не могу».

При этом Государственный советник РТ признался, что является приверженцем науки. По его словам, обеспечение качества жизни и постоянно растущих потребностей человека невозможно без наукоемкой продукции и науки. М.Шаймиев отметил, что 1990-е гг. были для страны сложным периодом, однако сейчас пришло осознание необходимости фундаментальных и прикладных наук для России.

Поздравил Государственного советника РТ с получением этой награды Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин. Он назвал М.Шаймиева «народным академиком». «Вы своим пророческим подходом ко многим глобальным вопросам развития республики давно эту медаль заслужили», – сказал Ф.Мухаметшин.

* * *

16 мая в Академии наук РТ состоялся финал V Республиканского конкурса «Эрудит Татарстана-2013». С приветственным словом к участникам конкурса обратились ученые Академии наук РТ. Значимость интеллектуальной культуры, эрудиции в своих выступлениях подчеркнули почетный академик АН РТ, профессор Р.И. Жданов, председатель жюри конкурса – профессор, заслуженный археолог Татарстана, член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин.

40 финалистов в течение 3 часов отвечали на вопросы, выходящие за рамки школьной программы, что требовало от участников не только конкретных знаний, но и нестандартного оригинального мышления. Вопросы были подготовлены учеными Академии наук Татарстана.

Впервые в этом году на устном туре были заданы вопросы по татарской литературе. Традиционно на конкурсе были представлены две дополнительные дисциплины – астрономия и философия, что подчеркивает огромную важность в будущем интегрированного знания и еще раз убеждает в том, что эрудиция, интеллектуальный багаж – самый надежный и верный ключ к ответам на вопросы к разрешению экономических, научных проблем, стоящих перед человечеством.

Наиболее активные участники были отмечены грамотами Министерства образования и науки РТ и Академии наук РТ.

Победители конкурса награждены почетными дипломами и ценными призами. Звания «Юный академик» среди учащихся 7–9 классов была удостоена Трапезникова Алия (8 кл., МАОУ «Лицей № 131», г. Казань). Второй год это высокое звание получает Хабибрахманов Алмаз (10 кл., МБОУ «Лицей им. А.М. Булатова» Кукморского р-на РТ), получивший самый высокий результат по итогам конкурса среди учащихся 10–11 классов.

Лауреатами конкурса стали: среди учащихся 7–9 классов: 2-е место – Пляшков Егор (9 кл., МБОУ «Средняя школа № 9», г. Елабуга), 3-е место – Галиев Ильдар (9 кл., МБОУ ДОД ЦТР и ГО Кукморского муниципального района РТ, п.г.т. Кукмор), среди учащихся 10–11 классов: 2-е место – Ахтямов Алмаз (10 кл., МБОУ «Лицей № 35», г. Нижнекамск), 3-е место – Фаздалова Миляуша (10 кл., МБОУ «Лицей №35», г. Нижнекамск) и Федотов Павел (10 кл. МБОУ «Гимназия № 26», г. Набережные Челны).

За активное участие в конкурсе почетными грамотами МО и Н РТ и АН РТ были отмечены следующие школы Республики Татарстан: МБОУ «Лицей № 35» г. Нижнекамск, МБОУ «Многопрофильный лицей им. А.М. Булатова», п.г.т. Кукмор, МБОУ «Гимназия № 26» г. Набережные Челны, МБОУ «СОШ № 9» г. Елабуга, МБОУ «Лицей № 1» г. Зеленодольск, МБОУ «IT-лицей-интернат при К(П)ФУ г. Казань, МБОУ СОШ № 33 г. Казань, МБОУ «Васильевская кадетская СОШ № 1» г. Зеленодольск.

За большую работу по организации конкурса председатель жюри Ф.Ш. Хузин поблагодарил НОУ «Академический лицей им. Н.И. Лобачевского» в лице директора Т.В. Беспаловой, сопредседателя оргкомитета конкурса, начальника отдела по связям с общественностью и СМИ Академии наук Республики Татарстан Р.В. Даутову.

Третий год партнером конкурса выступают Инновационный технопарк Республики Татарстан «Идея» и лично генеральный директор, член-корреспондент АН РТ С.В. Юшко. Сотрудниками технопарка для участников «Эрудита» была проведена отдельная номинация «Нано IQ». Конкурс проводил начальник

отдела внешних связей Е.В. Маликов. Вопросы требовали знаний на стыке химии, биологии, физики и медицины.

Первое место в этом конкурсе занял Минушев Эдуард, учащийся 8 класса МАОУ «СОШ №6» г. Бугульмы, второе место – Хайсаров Дамир, учащийся 9 класса МБОУ СОШ №2 п.г.т. Актюбинский РТ, третье место – Ахтямов Алмаз, учащийся 10 класса, МБОУ «Лицей №35» г.Нижнекамска.

Победители были награждены памятными подарками. Финалисты конкурса приглашены руководством Инновационного технопарка Республики Татарстан «Идея» на встречу 14 июня 2013 года, в ходе которой будет проведена ознакомительная экскурсия и презентация в области новейших технологий РТ. В рамках встречи состоится круглый стол «Итоги, задачи, перспективы Республиканского конкурса «Эрудит Татарстана».

* * *

18 мая 2013 г. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук РТ, кафедра ЮНЕСКО «Хартия Земли» при партнерстве компании Coca-Cola Hellenic провел День Волги (объявлен в 2008 г. бюро ЮНЕСКО в Москве и празднуется 20 мая). Праздник состоится в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

В мероприятии приняли участие около 300 человек, в том числе – старшекласники городов Казани и Болгар, волонтеры Универсиады.

В рамках проведения Дня Волги состоялись:

- открытый экологический «Академический урок», который проведут ученые Академии наук РТ и Казанского федерального университета;
- практические занятия со школьниками по методикам отбора и анализа проб воды и грунта;
- акция по очистке берега водохранилища;
- посещение Болгарского музея-заповедника.

* * *

23–24 мая 2013 г. в Казани состоялась Международная научная конференция «Социокультурный потенциал межконфессионального диалога в полиэтничном пространстве Европейского Востока». Организаторы – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Академия наук Республики Татарстан, Российский исламский институт.

Работа конференции была организована по четырем сессиям:

- I. «Теория и методология изучения межцивилизационного диалога как фактора устойчивого развития общества»;
- II. «Политико-правовое регулирование социокультурных процессов и межконфессиональных отношений»;
- III. «Социокультурный потенциал традиций межконфессионального диалога: опыт и проблемы реализации»;
- IV. «Этнокультурные и богословско-теологические основания этноконфессиональных отношений».

25 мая участники симпозиума отправились на экскурсию в Булгары и Свияжск.

* * *

24 мая 2013 г. в Казани прошел научно-практический семинар в формате круглого стола «Геоинформационные технологии и лингвистические исследования». Организаторы: Академия наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Татарстанское отделение Российской ассоциации искусственного интеллекта, Татарстанский молодежный общественный фонд «Сэлэт» и др.

На семинаре прошло обсуждение вопросов по созданию:

- программных инструментов на основе геоинформационных технологий,
- статистических пакетов и технологий баз данных для решения различных лингвистических задач,
- электронных атласов и словарей по диалектологии.

В рамках семинара состоялась презентация программного комплекса «Электронный атлас татарских народных говоров», созданного в рамках гранта РГНФ и включающего в себя все материалы по атласу татарских народных говоров, изданного ИЯЛИ АН РТ в 1989 г., а также неопубликованные материалы по татарским диалектам Западной Сибири.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!